

ГАЛИНА ЧЕРЕДИЙ

18

КНИГА 2

ПОДМЕНА

ОРИГИНАЛ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мир жестоких фейри

Галина Чередий

Подмена-2. Оригинал

«Галина Чередий»

2017

Чередий Г. В.

Подмена-2. Оригинал / Г. В. Чередий — «Галина Чередий»,
2017 — (Мир жестоких фейри)

Закатное государство. Мой новый старый мир, мой новый забытый дом. Станет ли он местом, в котором однажды я обрету счастье? Или обернется вечной темницей без стен, золотой клеткой? Такой роскошной, такой чарующе прекрасной, такой крепкой, такой неизбежной. Что делать мне – его пленнице, его недобровольной гостье? Нужно ли бороться из последних сил, если сражение за собственное сердце я уже проиграла и, даже уйдя, навсегда оставлю его своему тюремщику? Тому, кто овладел и моим телом, и моей душой, и моими мыслями – дини-ши, деспоту Закатного государства. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	48
Глава 10	54
Глава 11	60
Часть вторая	67
Глава 12	67
Глава 13	73
Глава 14	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Часть первая

Камуфляж

Глава 1

Алево бесшумно вошел в погруженные в полный мрак, несмотря на разгар дня, личные покои деспота. Осмотревшись, он заметил Грегордиана, лежавшего на огромном ложе рядом с женщиной, которая уже стала источником стольких проблем и несудиз. Как же все-таки поглумилась над ними Богиня, озадачив архонта болезненной страстью, практически одержимостью к той, кого и человеком-то в полной мере считать не стоит. А его, Алево, их капризное божество, очевидно, временно ослепило, сделав недальновидным и не способным предсказать назревающие проблемы, связанные с появлением Анны-Эдны. Хотя раньше ему всегда удавалось предвидеть последствия большинства событий в жизни архонта, подкорректировать его крутой и несдержанный нрав и сгладить острые углы.

Как же так вышло, что появление этой женщины он не считал чем-то действительно достойным внимания? Ведь скреблось же внутри. Были предчувствия, краткие странности в поведении Грегордиана, которые должны были подсказать ему, его ближайшему другу и помощнику, что встреча с этой женщиной судьбоносна. И дело даже не в том, что она оказалась тем самым големом – это лишь еще один дополнительный булыжник на паршивую сторону божественных весов. Главное в том, что суть характера и натуры Грегордиана – это вечное сражение, борьба. И в этом он был превосходен, как никто. А вот политика, интриги, заговоры, а еще и эмоции – это не то, в чем он был силен. Но не дай Богиня сказать это упрямому архонту в лоб! И если первые можно было решить рано или поздно с позиции силы, то борьба с собственными чувствами у Грегордиана обернулась сплошным фиаско. И чем дальше, тем больше он наращивал счет не в свою пользу и качество промахов. И Алево считал это такой же своей виной, как и архонта. Не выбрав верную тактику сразу, слишком поздно оценив, что с первой встречи деспот увяз в этой женщине, не поняв, что прямое давление и попытки сломать с ней не сработают, он показал себя отвратительной правой рукой правителя. И последствия вокруг этого только множатся. То ли еще будет, учитывая, что он, похоже, утратил прежнее влияние на дини-ши, совершенно потерявшегося в собственных противоречиях.

Деспот в этот раз боролся там, где следовало заключить мир на любых условиях с самого начала, ибо каким бы властным, сильным, упрямым ни был мужчина, вести сражение с собственной душой бесполезно и разрушительно. Эта победа, если, не приведи Богиня, будет одержана, окажется горше самого разгромного поражения. Уж он-то знал это. А вот как исправить то, что уже было наворочено, не ведал. И будто внутренних терзаний деспота было мало, к ним добавилась еще и внешняя угроза. Да, видимо, Богиня в самом деле желает проучить их за что-то.

– Что тебе нужно? – Грегордиан был обнажен по пояс и лежал так же неподвижно, как и Эдна рядом с ним. Только блестящие в темноте глаза выдавали, что он не пребывает в той же странной летаргии, что и она.

– Мой архонт, сотни фейри готовы покинуть Тахейн Глифф, если ты не выйдешь и не пообещаешь им безопасность, – говоря это, Алево сам скривился от безразличия.

Конечно, выживание и удобство превыше всего. И он мог еще понять, что десятки кадани спешно покидали разгромленный драконами Фир Болг. От торгашей, спасающих свое барахло, Алево тоже ничего другого и не ожидал. Но вот то, что часть асраи и хийсов, наемных воинов, повели себя как сопливые юнцы и готовы были потянуться вслед за бегущими девками...

– Умно с их стороны, друг мой. Пусть убираются, пока я не вышел размяться и сам не скинул их со скал на корм радужным змеям, – ответил деспот, перебирая пряди темных длинных волос Эдны и глядя в потолок своих покоев. – Скажи мне лучше, не появился ли кто-то из гоетов, готовых сделать для меня, что я хочу?

На самом деле Алево тоже не испытывал сожаления по поводу бегства слабых и трусливых. Жизнь такова, что на их место всегда придут новые и, возможно, много лучшие, как только они снова сделают Тахейн Глифф таким же цветущим и безопасным как раньше. Его расположение было настолько исключительно удобным и выгодным, что барыги, шлюхи и контрабандисты никуда от них не денутся. Но это же и было прямо сейчас проблемой. Если эти бегущие паникеры распространят слухи о том, что по какой-то причине архонт Грегордиан стал слаб, то немедленно явятся желающие оспорить его права.

– После того как двое последних заплатились жизнью за попытку? – поморщился блондин, вспоминая последние минуты несчастных колдунов. Ну ладно, они были очень жадными колдунами, лишенными чувства самосохранения, так что ему их не жаль.

– За неудачные попытки в силу своего невежества, – огрызнулся деспот.

– Есть некие проблемы, не поддающиеся решениям просто путем магических манипуляций, – даже в темноте Алево увидел, как напряглись мускулы Грегордиана. Деспот всегда плохо переносил отрицательные ответы. А в том, что касалось Эдны, не принимал их вообще.

– Они просто недостаточно старались! – рыкнул Грегордиан с кровати.

– Или просто им не под силу сделать то, что должно быть исправлено лишь тем, кто и создает проблему раз за разом. Магия есть лишь орудие, а не панацея от всего, – сказав это, Алево вздохнул, отдавая себе отчет, что откровенно нарываяется, и изготовился принять очередную вспышку гнева своего архонта.

– Мне кажется, или я слышу в твоих словах нотки осуждения, друг мой? – однако почти спокойно спросил тот после паузы.

– Осуждения? Как давно мы вместе, деспот? – покачал Алево головой, ощущая за этим внешним спокойствием неприятности. – Случалось ли хоть раз, чтобы я осуждал тебя?

– Никогда, до тех пор, пока тебя чересчур не стала заботить судьба женщины, с которой я делю постель, – Грегордиан оказался на ногах и встал перед ним, являя собой угрозу в чистом виде.

– Обвинение, мой архонт? – посмотрел ему прямо в глаза блондин.

– Ты ее хочешь! – Да, теперь точно обвинение.

– Как и любую женскую особь в зоне моей досягаемости, – как можно безразличнее пожал плечами Алево, стараясь игнорировать энергию продирающего до печенок гнева архонта. – Я не особенно разборчив. Тебе ли не знать.

– Не дури мне голову! Она особенная! – Ну наконец-то этот упрямец сказал это вслух. Хоть что-то!

– Не отрицаю. Для тебя. Вот поэтому тебе, мой архонт, и стоит сделать выбор. И я предлагаю перенести наш дальнейший разговор в гостиную.

– Я тебе свой выбор озвучил еще в деревне тару-ушти! – Грегордиан стремительно пошел впереди. – Я хочу сохранить Эдну и получить нужное от Илвы!

– Я имел в виду выбор не между твоими женщинами, мой архонт. Вопрос в том, какое место каждой из них ты готов отвести. – Мужчина пристально наблюдал, как деспот, хромая, мерил шагами большую гостиную, и хмурился. Когда такое было, чтобы неуязвимый дини-ши не восстановился от каких угодно ран спустя почти неделю после сражения?

– Роли тут давно понятны. Не понимаю твоего желания возвращаться к этому снова!

– По поводу Илвы я ничего не могу сказать. Но вот Эдна точно со своим положением не согласна, как я полагаю. – На каком же тонком льду он сейчас выплясывал! Ребра и позвоночник Алево заныли, намекая на возможное развитие разговора и его последствия.

- Какое значение имеет ее согласие! У нее что, есть варианты? – дернул головой деспот.
- Очевидно, есть. Прямо сейчас. Не возвращаться.

И это несмотря на то, что ты изнуряешь себя раз за разом, самостоятельно пытаешься навязать ей искру своей силы, помимо провальных усилий гоев. Но знать такие секреты вроде как никому не положено, поэтому Алево не произнес этого вслух.

– Не морочь мне голову, Алево! Просто найди мне чертова волшебника, что вернет Эдну к жизни!

– А она и не мертва!

– Но, во имя Богини, и живой ее не назовешь! А я хочу ее прежней! – В гневе Грегордиан ударил в стену, и древние камни застонали.

Что же, похоже, придется идти до конца. Намеков деспот не понимает, а очевидное отказывается видеть.

– Какой? Спорящей с тобой во всем? Противостоящей во всем так, что у тебя кровь вскипает? Не согласной принимать тебя таким, как видят все, и все выискивающей в тебе незнакомые даже самому стороны?

– Это не имеет значения! Меня все устраивало, и я хочу это обратно!

– Этой женщине не нравилось тебе подчиняться! Ее не устраивало место, отведенное тобой. Зачем тебе все это? У тебя сколько угодно возможностей получать секс и тепло тела без всех этих сложностей!

– А я тебе повторю, что это мелочи! И мне нужно то, что я хочу, а не то, что могу получить без проблем!

– Что есть мелочи для тебя, выходит, не столь незначимо для нее, если она отторгает необычайно щедрый дар, так настойчиво ей предлагаемый!

Грегордиан замер, уставившись на Алево, и тот слегка кивнул. Да, он в курсе, что его архонт делился даром Богини с Эдной. Хуже то, что после того сражения с ногглами об этом стали догадываться и другие.

– Считаешь, сейчас самое время испытывать мое терпение в словесных перепалках и в построениях абсурдных гипотез? Просто отыщи того, кто сделает ее такой, как раньше! Не желаю больше слушать всякую чушь о том, что она сама не хочет возвращаться!

Что же, в этом суть характера его друга и архонта. Любая проблема должна быть решена. Все, что нужно, – это надавить или ударить посильнее. И чаще всего это работало. Но сейчас не та ситуация.

– Могу я рискнуть головой и говорить с тобой прямо, Грегордиан? – Алево расположился в кресле, и это несмотря на то, что деспот оставался на ногах.

– Очевидно, если ты называешь меня по имени, то дело плохо, не так ли, друг мой Алево? – Деспот, поколебавшись, все же сел напротив.

– Ложь и изворотливость – вторая натура асраи, но сейчас я готов быть как никогда откровенным и прямолинейным, невзирая на перспективу повторить участь несчастных гоев, – усмехнулся блондин. – И очень прошу хотя бы выслушать меня, прежде чем швырнуть в стену или, скажем, в окно.

– Да, ладно, не будь неженкой и переходи уже к той части, где я все делаю неверно.

– Ты проигрываешь. И это тебя бесит и толкает на необдуманные поступки, – на лице Алево сохранял нейтральную улыбку, но говорил отрывисто, будто резал по живому.

– Что, прости? Я проигрываю? – Грегордиан насмешливо поднял бровь на травмированной половине лица, и его шрам углубился, придавая более устрашающий вид. – И кто же тот преисполненный силы воин, одерживающий надо мной победу?

– О, лучший из возможных! Ты сам. Точнее, твоя вторая ипостась, имеющая в качестве союзников твои же чувства к Эдне, которые ты упорно отрицаешь.

Деспот вальяжно откинулся в кресле, сложив руки на груди и продолжая ухмыляться.

– То есть то, что я хочу иметь ее в своей постели в прежнем виде, ты уже окрестил чувствами? Забавно.

– Да неужели? Что-то ты не выглядишь веселым сейчас, когда она лежит там, словно лишенная жизни чурка. Даже не представляю, зачем хранить нечто неподвижное в постели? Вполне мог бы приказать брауни отправить ее в чулан для хозяйственной утвари, ей там самое...

Грегордиан в мгновение ока оказался над ним. Угрожающе нависающий, словно неминуемая смерть, со взглядом, готовым испепелить Алево на месте.

– Не. Переходи. Границы! – очень медленно произнес он, оскалившись по-звериному, и каждому слову вторил грохот из глубины его мощной груди.

– Ладно, как скажешь, – тут же примирительно поднял руки блондин, довольный вызванной реакцией. – Но давай вернемся к делу. У тебя есть женщина, которая предпочитает пребывание в бессознательном нигде постоянному противостоянию с тобой.

Деспот отстранился так же резко, как приблизился, и Алево едва смог скрыть облегченный выдох, когда его тело расслабилось, ощутив, что немедленной расплаты за дерзость не будет.

– Да во имя Богини, ничего она не предпочитает! Она просто ранена, и нужно найти способ ее вылечить! – Грегордиан принялся расхаживать по гостиной, будто ища выхода, чуть припадая на правую ногу, которую один из ногглов почти оторвал ему.

– А ранена она, потому что... – продолжил свое давление Алево, игнорируя вновь поднявшее голову беспокойство от столь небывало медленной регенерации архонта.

– Ты что, ожидаешь от меня слез раскаяния? – вернулся к циничному тону Грегордиан.

– Нет. Я пытаюсь лишь заставить тебя увидеть элементарные вещи. А для этого нужно, чтобы ты просто ответил на вопросы. Не мне. Самому себе. Ты убил тех хийсов в Фир Болге, застав в ее комнате, потому что...

– Это не важно! – огрызнулся деспот.

– Пусть так. Тогда по какой причине ты потащил Эдну за собой?

– Потому что захотел! – последовал еще более раздраженный ответ.

– А сидишь тут сейчас в темноте и бросаешься на всех беспокоящих тоже потому, что этого сам хочешь? – позволил себе едва заметную ироничность Алево.

Грегордиан остановился перед ним и пристально осмотрел, будто выискивал в старом друге и помощнике нечто совершенно новое.

– Чего ты пытаешься добиться, изображая тут психиатра из дешевых фильмов мира Младших, друг мой? – рот его насмешливо кривился, но глаза светились предупреждением.

– Признания наличия проблемы, Грегордиан! – не внял визуальной угрозе блондин. – У тебя есть чувства к этой женщине!

Помолчав с минуту, деспот не спеша уселся обратно в кресло и закинул длинные мускулистые ноги на столик из черного металла рядом.

– Хорошо, доктор, – желчно произнес он. – У меня есть чувства к этой женщине. Что будем с этим делать? Какие посоветуете методы лечения?

– От чувств, пациент, весьма помогает полное ими насыщение, – несколько не смутившись, поддержал его игру Алево. – Но в нашем случае это представляется затруднительным, ибо объект вашего внимания на данный момент весьма... хм-м... безэмоциональна. Но раз ты уже признал сам факт проблемы, то и согласишься приложить усилия по ее решению.

– Да неужели? – уже откровенно ехидно скривился Грегордиан. – А сейчас я, выходит, их не прилагаю?

– Прилагаешь. Шарахаешь ее раз за разом искрой силы, пытаешься заставить насильно ее принять. А тут нужно не насилие и давление, а соблазнение.

– Соблазнение? – брови деспота взлетели в полнейшем изумлении. – Это уже просто смешно! Мне соблазнять женщину, тело которой принадлежит мне полностью и внутри, и снаружи? Или мне трахать ее бесчувственную до тех пор, пока она в себя не придет?

– Я имел в виду не тело и не секс. Пока не секс! – поправил себя Алево, подстегиваемый зарождением бури возмущения и отрицания в глазах Грегордиана. – Ты должен соблазнить ее разум.

– И как же это? Давай, порази меня! – ухмыльнулся деспот, заметно расслабляясь.

– Скажем, ты мог бы дать ей нежность вместо дикости. Внимание вместо требовательности. Свободу в разумных границах вместо тотального контроля.

– Ты в своем уме? Я и нежность? – тут же вскочил деспот и вернулся к метанию по гостинной.

– Притворись.

– Да с какой стати?! – рявкнул он, выходя из себя.

– С такой, что она должна нуждаться в тебе! – по-прежнему ровным тоном гнул свое Алево.

– А сейчас обстоит как-то по-другому? Я ей сказал, что она должна просить меня обо всем, что ей нужно. Только меня!

– Между «должна» и «хочет» существенная разница! Ты желаешь быть для нее Солнцем в новом мире? – поднявшись, Алево присоединился к Грегордиану, игнорируя подозрительный его взгляд, и теперь они вместе кружили по огромной комнате.

– Богиня! А можно без этого высокопарного идиотизма? – небрежно отмахнулся деспот. – Я всего лишь хочу ее всегда готовую и думающую лишь о том, когда и как поймею ее снова.

– То есть заикленной на одном тебе, прощающей все что угодно, сейчас и в будущем, удобной и готовой в любую минуту?

– Угадал!

– В таком случае сделай вид, что она для тебя центр вселенной и нуждаешься в ней больше, чем во всем остальном мире, – быстро проговорил Алево и отступил на шаг, увидев, что Грегордиан остановился так резко, будто налетел на стену.

– Ты уверен, что это я нуждаюсь в псевдопсихологической помощи? – обернувшись, обманчиво спокойно спросил деспот.

– Абсолютно!

– Я, по-твоему, клоун, чтобы лицедействовать? – от прорезавшегося глухого рычания задребезжали оконные стекла.

– Вовсе нет, – постарался сохранить невозмутимость Алево, несмотря на вновь вспыхнувшую фантомную боль в костях. – Ты привык побеждать любой ценой. Но эта битва идет на непривычном для тебя поле. Попробуй и увидишь, что очень скоро Эдна не будет себя мыслить без тебя. И тогда, как бы ни пошли дальше дела, ей будет не освободиться из этого капкана. Оковы на сердцах женщин куются быстрее, чем на мужских, и держат их потом надежнее любых замков и подземелий. Влюбленная женщина сама себе тюремщик и палач. Тебе не нужно будет больше ее удерживать, обольщать и ломать голову, как приковать внимание и заставить нуждаться в себе. Она сделает за тебя всю работу.

– Ну, и как ты себе представляешь меня, заискивающего и сюсюкающего перед ней? – хоть тон Грегордиана и выдавал прежнее раздражение, но теперь оно было направленно в совершенно иное русло.

– Нет, заискивания не работают! Ты должен быть достоверен.

– В Тахейн Глиффе все решат, что я не в своем уме, – говоря это, деспот и сам ухмыльнулся, демонстрируя, насколько его это мало волнует.

– Во-первых, архонт здесь ты, и то, как ты обращаешься со своей фавориткой, никого не касается. А то, что она голем, чего нет ни у кого другого, лишь добавит пикантности и развяжет тебе руки. Кто знает, как верно обращаться с любовницей – взрослым големом? Никто, кроме тебя! Твоя игрушка – твои правила! А во-вторых, для тебя и так не секрет, что тебя считают непредсказуемым. Есть ли разница, каким путем идти и какие средства выбирать, когда в итоге получаешь то, что хочешь?

– Слова настоящего асраи, – хмыкнул Грегордиан.

– Это верно, мой архонт, – довольно кивнул Алево, надеясь, что в решении хоть одного вопроса появился просвет.

– Но это никак не решает главную сейчас проблему, – хорошее настроение деспота, однако, мгновенно рассеялось. – Как мне вернуть эту женщину к жизни?

– Почему бы тебе не доверить это своему зверю? – тут же нашелся блондин. – Мне так показалось, что у них с Эдной полный контакт и взаимопонимание с первого же знакомства. Она вполне может принять от него то, что отвергает от тебя.

– Прекрасно! – проворчал Грегордиан, вздохнув и, видимо, смиряясь с неизбежным ходом вещей. – Чтобы получить свою любовницу обратно, я должен уступить место своему зверю, так как он справится лучше. А ради того, чтобы она наконец стала покорной и обожающей меня, придется лицедействовать, изображая влюбленного идиота! Нет ли в твоём списке унижений сегодня еще чего-то, пока я в настроении сносить это и соглашаться?

– Нет, больше ничего такого. Но мне нужен мой архонт в блеске всей его устрашающей силы, чтобы привести в чувство всех в Тахейн Глиффе. – В конце концов, Алево ведь не ради благополучия лежащей в спальне упрямой женщины весь этот разговор затевал.

– Ну что же, друг мой, – ответил Грегордиан, направляясь в купальню, хищно и предвкусно скалясь. – Если нужен архонт, то ты его получишь. Как и остальные. Сполна.

Глава 2

– Эдна-а-а! Иди сюда, я хочу расчесать твои волосы! – в который раз заканючила Эбха.

Я же снова ее проигнорировала и не шевельнулась, лежа прямо на полу и глядя в потолок своей квартиры. То есть я, конечно, понимала, что в принципе не могу там находиться. Может, мозги у меня слегка и съехали в чокнутом мире фейри, но не настолько, чтобы не понимать столь очевидного. И последние события – перед тем как очутиться здесь – помнила абсолютно отчетливо. Ощущение громадных, как мясницкие ножи, клыков, рвущих мою плоть и ломающих кости, сложно забыть. Значит, я пребываю, скорее всего, без сознания. А может, и вовсе умерла окончательно. Странно тогда, что оказалась я в собственной квартире в мире Младших или ее иллюзии. Очень достоверной иллюзии, за исключением одной шоколадной мелочи.

– Эдна, ты не можешь оставаться там бесконечно! – снова подала голос упрямая мамура.

– Может, и нет, но могу попытаться. – Я скосила глаза в ее сторону и прищурилась от невыносимой яркости за спиной Эбхи.

А почему бы и нет? Здесь у меня ничего не болело. Мое тело не было искалеченным после нападения жуткого монстра. А еще тут была только я. Делаящая именно то, что хотелось мне и больше никому. Ну ладно, ничего я не делала, причем понятия не имею, сколько уже времени подряд, но не в том ведь суть! Никто не помыкал мной, не глумился над моими чувствами, не лишал меня права говорить, что вздумается. Не мог запретить мне считать себя человеком и не продолжал убеждать, что я никто, вещь. Мои эмоции полностью поддавались контролю разума, тело не предавало позорно, никакой этой чувственной чуши, взбесившихся гормонов и неодолимой тяги к существу, для которого я меньше, чем никто.

Лежала я на спине посреди собственной гостиной, на светло-бежевом ковре с графическим рисунком, на котором помнила каждую ворсинку, а Эбха сидела по-турецки в дверном проеме. И все бы ничего, вот только прямо за ее спиной вместо моего коридора начинался мир Старших. Потому как вряд ли за время моего не слишком долгого отсутствия кухню и остальные помещения могли захватить буйно цветущие джунгли. К тому же ни одни земные джунгли не могли похвастаться такой невыносимой интенсивностью красок. Эту предельную насыщенность и многогранность цвета ни с чем нельзя было перепутать. По сравнению с ней все вокруг меня казалось однотонно-серым, словно присыпанным толстым слоем пепла. Но сейчас именно эти приглушенность и бесцветность были мне как бальзам на душу и символ некой свободы и безопасности. Чувства умиротворения и принадлежности только себе самой, почти совсем забытые последнее время, ощущались практически на грани настоящего наслаждения и постепенно становились все сильнее. И да, я прекрасно понимала, что все это какой-то мираж или черт еще знает что, но мне нравилось лежать без единого движения именно там, где я и пребывала. Еще бы добиться тишины. Но, похоже, не судьба.

– Как ты можешь там оставаться? – ныла Эбха. – Там же все такое блеклое-е-е!

– А мне нравится! – отвернулась я от брауни, принимаясь снова изучать потолок. Даже все мельчайшие трещины на месте. Полная достоверность. Интересно, это ведь наверняка мой мозг и создал такое идеальное убежище, воспроизведя единственный известный мне родной дом с такой тщательностью.

– Ну, Эдна, я хочу с тобой поговорить! Иди сюда-а-а! – не унималась малявка.

– Анна. Меня зовут Анна, – даже произнесенное вслух собственное имя приносило удовольствие. – И мне тебя прекрасно и отсюда слышно! И вообще это вроде как мое бессознательное пространство или что там еще, как ты можешь тут быть, если я хочу остаться одна?

– Я могу все что угодно! – хвастливо фыркнула Эбха и опять завела свое: – Иди сюда, и я все тебе объясню.

– Если ты можешь все, то сама и иди! – безразлично отозвалась я, ощущая себя в полной безопасности.

– Нет, – тут же обиженно насупилась она, – дурацкий барьер меня не пускает.

– Какая досада! – съязвила я. – Так почему бы тебе не уйти вовсе и не оставить меня в покое?

– Да нельзя! – неожиданно рывкнула Эбха, и голос странно срезонировал, создавая многоголосое пугающее эхо, от которого у меня подпрыгнуло сердце. – Останешься там надолго – и умрешь!

– Ну да, конечно! Уговоры кончились, и в ход пошли угрозы? – нахмурившись, уставилась на нее.

– Это правда, а не угрозы! – Эбха заломила руки, вполне реалистично изображая отчаяние. Ну да, так прямо я и повелась на эту драму!

– Да я уже забыла, когда себя лучше чувствовала! – возразила, все же усаживаясь так же, как брауни. – Мне здесь комфортно.

– Люди, замерзающие в снегу, тоже в последний момент ощущают тепло и комфорт, – парировала Эбха.

– Тебе-то откуда знать, что люди чувствуют? – Да, кстати, если уж зашел разговор: – Кто ты вообще такая?

– Я та, кто хочет помочь! Иди сюда! – тут же взялась за старое маленькая женщина.

Да неужели?

– Знаешь, возможно, в вашем мире помочь и поймать в своих целях – равнозначные понятия, но я-то привыкла к другим жизненным принципам, – ответила, теряя весь интерес к разговору ни о чем.

– Я не вру! Клянусь чем хочешь, что хочу только блага и тебе, и тем, для кого твоя жизнь столь необходима! – затараторила Эбха. – Я здесь, чтобы помочь!

– Тогда помоги. По-настоящему. Я хочу вернуться домой насовсем.

– Ну так я тебя и зову домой! – досадливо тряхнула сверкающим ирокезом брауни, и в этот момент из зарослей за ее спиной вылетел уже знакомый мне здоровенный ослепительно-светящийся голубоватый шар и врезался в стену моего убежища.

Он был уже Бог знает, какой по счету за то время, что я оставалась здесь. Вся моя квартира вздрогнула и затряслась. Стены ходили ходуном и стонали, но вскоре все утихло.

– Да что же он не успокоится-то! – прошипела себе под нос Эбха.

– Вот, а ты еще просишь меня выйти. Как же! Я что, не в своем уме? – Поднявшись на ноги, я решила, что убраться в спальню будет самым умным решением.

Раз Эбха не может войти, то я накроюсь там с головой подушкой и не буду ее слышать. Когда-то же ей надоест сидеть тут и горланить?

– Куда это ты? – тут же вскочила и брауни, или кто она там на самом деле.

– Ухожу. Ты ведь не хочешь оставить меня в покое, – почти легкомысленно ответила, даже не оборачиваясь. – Приятно было пообщаться, Эбха, но заходить больше не стоит.

– Плохо-плохо-плохо, – забормотала она, и голос ее стал трансформироваться, становясь глубже и ниже. – Нужно было, чтобы сама... плохо-о-о!

Последнее прозвучало совсем жутко, и я все же обернулась из чистого любопытства. Только для того, чтобы увидеть на месте крошечной Эбхи огромный, сверкающий, словно живой прозрачный кристалл, силуэт. Это нечто выбросило вперед руку, вторгаясь на мою территорию безопасности, и там, где она соприкоснулась с «моим» воздухом, ее поверхность охватило синеватое лютное пламя. Сверкающая миллионами крошечных граней фигура завопила так, что у меня все внутри свернулось ледяным комком, и горящая конечность обратилась в щупальце или даже хлыст, который с мерзким свистом мгновенно обвил меня вокруг талии. Я тоже истошно заорала, колотя и вырываясь что есть мочи, но силы были несоизмеримы. Мощ-

ный рывок в сторону ненавистных сияющих джунглей, и в момент прохода в дверной проем показалось, что меня с огромной высоты швырнули на асфальт, превращая в кучу осколков каждую кость в теле.

– Тише, Эдна. Скоро станет легче! – голос Эбхи звучал виновато и утешающе.

А я все кричу от боли и разочарования, глядя в черный потолок личной опочивальни архонта Грегордиана.

Мягкая теплая тяжесть внизу живота – первое ощущение после того как начала отступать рвущая на части боль, но не безысходность.

– Я не хочу быть здесь! – просипела в черный потолок. – Не-хочу-не-хочу-не-хочу-не-хочу!

Отчаянно захотелось бездумно забиться в натуральной истерике, надсаживая в воплях горло и колотя все, до чего дотягиваешься. Но первое же резкое движение отрезвило, отозвавшись мукой в каждой мышце. Только и оставалось, что бормотать, сглатывая пересохшим горлом, изливая протест против ненавистной реальности в бессильных, быстро затихающих словах.

Вместо ответа же возникло только низкое глубокое урчание. Оно запустило какую-то уютную вибрацию сначала на поверхности кожи чуть выше моего лобка, единственного места, где у меня сейчас не болело, и дальше вглубь. Мельчайшая ласкающая дрожь вкрадчиво и осторожно стала просачиваться в мое тело, заполняя все пространство за брюшной стенкой, поднялось выше, к диафрагме, проскользнуло тончайшими нитями дальше к легким и сердцу, обволокло, одарило почти такой же умиротворенностью, что и пребывание в том моем личном комфортном нигде, откуда меня насильно выдрала Эбхо-монстр. Закрыла глаза и попыталась нащупать источник этой захватывающей тело безмятежности. Вскрикнула от того, что одна рука отозвалась резью и неподъемной тяжестью. Но зато вторая наткнулась на гладкую, жестковатую, плотно прилегающую шерсть, покрывающую изгибы и впадины здоровенной звериной морды, мягко, но настойчиво потирающей об меня. Повела ладонью по крутому лбу, исследуя пальцами спинку широкого плосковатого носа, обводя раз за разом прижимающиеся от легкой щекотки острые уши. Урчание становилось громче, не скрываясь сообщая об удовольствии от моих прикосновений столь интенсивном, что исподволь это начало передаваться и мне. Не было никакого чувственного подтекста, никакой нужды, которую необходимо будет удовлетворить рано или поздно, никакого требования большего. От гигантского зверя, нежно и трепетно потирающегося об меня в непосредственной близости от самого, казалось бы, интимного места, не исходило сексуальных вибраций. Только безмятежность и радость от самого факта такого тесного контакта. И хотя я отдавала себе отчет, что где-то там, под этой плотной, гладкой, словно лак, шкурой скрывалась вторая ипостась существа, разрушившего мою жизнь, от самого ласкающегося, подобно огромному коту, монстра не исходило ни малейшей угрозы. Мое чувство самосохранения не вопило истошной сиреной, когда, опустив руку, я задела кончики выступающих из-под губы жутких клыков. Сердце не зашло в панике или возбуждении, когда громадное, сплетенное из одних железных мышц тело скользнуло рядом со мною выше, тесно прижимаясь и согревая мой здоровый бок. Я гладила его мускулистую холку и спину, проводила по крутым ребрам, улавливая громкие равномерные удары биения его жизни. Этот гулкий ритм убаюкивал меня, завораживал, и, когда мягкое покалывание и зуд появились в районе всех моих травм, насторожилась лишь на мгновение, понимая, что это опять воздействие извне. Мощное дыхание зверя коснулось моей шеи, морда увещевательно зарылась в волосы, прося о доверии, а урчание стало еще мягче, снова захватывая мое сознание в умиротворяющие объятия, будто морские волны. Громче-тише, вверх-вниз, нежнее нежного, бережнее, чем с хрупкими крыльями бабочки. И я расслабилась, позволив ему эту заботу о себе, о которой безмолвно и поразительно смиренно умолял язык его тела. Того самого тела, что, кажется, было создано как идеальное воплощение угрозы и совершенная машина убий-

ства. Но сейчас оно дарило мне бесконечное тепло, защищенность и облегчение. Уткнулась лицом в шею зверя, обхватив ее рукой, из которой стремительно, капля за каплей, стала уходить грызущая боль. Прижалась к его боку еще плотнее в поисках живого, истинного контакта и почувствовала, как медленно начала проваливаться в сон.

– Хочу, чтобы ты был тут, когда я проснусь, – пробормотала сонно. – Твое тепло по-настоящему греет. Если бы он тоже мог... мог дать мне хоть мизерную часть того, что даешь ты. Если бы только мог...

Урчание затихло на секунду, и зверь вздохнул протяжно и тоскливо, так что его грудная клетка расширилась до предела, создавая еще больше соприкосновения между нами. Но потом равномерный гипнотизирующий гул возвратился, окончательно усыпляя меня.

На то оно и пробуждение, чтобы беспощадно отнимать у нас краткие сладкие иллюзии, на которые столь щедр сон. И мое возвращение в реальность полностью этому соответствовало. Я ощутила, как сильные, еще недавно желанные до бесконечности руки оглаживали, буквально лепили изгибы моего тела, в котором уже ничего не болело. Как жадные горячие губы и язык оставляли влажные требовательные клейма поцелуев на ребрах и животе, временами срываясь до легких жальщих укусов. Дыхание Грегордиана, рваное, частое, с кратким глухим постаныванием – это отдельная песня его разгорающейся свирепым пламенем похоти, что всегда опьяняла меня до полной невменяемости. Но мои сознание и чувственность, всегда отвечавшие ему однозначной взаимностью без каких-либо особых усилий со стороны деспота, вдруг заledenели, восставая, отвергая его абсолютно. Распахнула глаза и посмотрела на Грегордиана в почти полной темноте спальни. Мне не нужен свет, чтобы воспроизвести каждую мельчайшую черту его лица и тела. Моя душа об них изрезана в клочья, и ей никогда уже не зажить, но сейчас желание оттолкнуть было в тысячу крат сильнее всегдашнего неконтролируемого стремления прижаться как можно ближе, взять все, что есть, невзирая на цену. Мощное бедро вклинилось между моих ног, понуждая раскрыться для Грегордиана, рот алчно впился в мой сосок, обжигающая твердость члена стала тереться об живот, оставляя мокрый след, когда все тело мужчины буквально пошло волнами от всепоглощающей необходимости жестко вторгнуться внутрь меня. Осознала и четко увидела каждый мельчайший нюанс его сокрушительного желания. Еще совсем недавно я бы сама вспыхнула, запылала бы заживо, заражаясь его похотью. Подчиняясь, приветствуя и благословляя ее дикую силу, обращенную именно на меня. Но сейчас весь жар и агрессивная требовательность деспота проходили будто сквозь меня, нигде не задерживаясь, не задевая, не запуская столь неизбежную всегда цепную реакцию, не рождая ни единой ответной искры. Мои соски стали твердыми, кожа так же реагировала на его прикосновения и поцелуи, между ног стало мокро, но я не хотела его! Не сейчас! Не так! Я впиалась пальцами в кожу его головы, отталкивая прочь, не сильно, но настойчиво.

– Нет, – прошептала ему, умоляя. – Не надо! Не сейчас!

Но он словно и не заметил моего протеста, втискиваясь между моих бедер, прижимаясь пульсирующей головкой к моим складкам.

– Ты не можешь меня отвергать, – проорчал Грегордиан, легко царапая шею зубами. – Ты так же умираешь от желания. Нуждаешься во мне!

Нуждаюсь, да. Вот только не в таком тебе и не так. Мой разум взбунтовался, не приемля боле извечного компромисса с уступающей перед похотью плотью. Я больше просто не могла подбирать небрежно швыряемые мне крошки, тоскуя по целому.

– Нет! – стала упираться сильнее. Я знала, что мне не победить в этом противостоянии физически, но уже не умоляла, а почти требовала.

– Ты отказываешь мне? – Деспот приподнялся на руках, еще сильнее вжимаясь в меня внизу, почти проникая внутрь. Он даже не злился, а лишь недоумевал.

– Я не хочу, – сдержала желание сказать это агрессивнее. Это и так достаточный вызов для него, который он вряд ли стерпит.

– Не хочешь? – склонил он голову и толкнулся вперед. – Я бы так не сказал.

– Я. Не. Хочу! – повторила, глядя в почти черные в сумраке спальни его глаза.

Не отодвигалась, не боролась, лишь закусила губу, пытаясь не дать политься слезам, когда он сделал один глубокий рывок, потом еще. Он привычно предельно наполнил меня, вызывая невольный всхлип от ошеломительности самого ощущения, но от этого я почувствовала лишь еще большее опустошение. И с каждым новым толчком оно ширилось и расплзалось как морозные узоры на стекле, вытесняя все остальные эмоции.

– Ты с ума сходишь по моему члену, – хрипло пробормотал Грегордиан, крутнув бедрами так, что основание члена надавило на клитор. – Ну, давай же, Эдна. Дай мне это ощутить. Сожги нас обоих.

Меня подбросило, но это судорога скорее болезненного унижения, нежели удовольствия, и щеки все же стали мокрыми.

– Я схожу с ума по мужчине, – давясь рыданием, сказала я. – Но член – это единственное, что он готов мне дать. А я больше не хочу довольствоваться частью, отдавая себя целиком. Дай мне что-то, кроме секса, или будешь получать лишь бесчувственную куклу!

Грегордиан замер, тяжело дыша и глядя мне в лицо цепко и так тяжело, что воздух загустил в моих легких. А потом он стремительно скатился, садясь на край кровати, и я сжалась, ожидая вспышки его гнева.

– Тебе следовало хорошо подумать, прежде чем говорить это! – бросил он перед уходом.

Глава 3

Прежде чем подняться, я ошупала себя во всех местах, где мое тело было порвано и изломано. Ничего. Ни боли, ни шрамов. Все же это по-прежнему шокировало и приводило в ступор. Прикрыв глаза, вспомнила, как необыкновенно гармонично и уютно ощущалось исцеляющее воздействие зверя. Совсем не как ожог и насилие, исходившие от Грегордиана. Зверь отдавал тепло, объемное, дарящее чувство защищенности присутствие, освобождающее от беспредельного одиночества. С ним даже сам факт невозможности избежать хоть как-то пребывания здесь становился менее безысходным. С ним мне было легче. Во всех возможных смыслах.

У меня никогда не было домашних животных, и я их не хотела. Я не смотрела передачи про живую природу, разве что попадала на них случайно. Не ходила в зоопарки и цирк. В общем, животные были для меня реально существующими соседями по планете, но из тех, с кем практически не пересекаешься и понятия не имеешь о том, чем и как они живут. То есть ты знаешь, что они дышат, ходят, едят, как и ты, и на этом, в принципе, все. Поэтому столь полный и безоговорочный контакт со зверем Грегордиана был чем-то странным для меня. Конечно, зверем его в полной мере не назовешь. Он существо, мало чем похожее на животных из мира Младших. Разумное создание и даже в чем-то, наверное, больше, чем его вторая ипостась. Это я, само собой, являю, но не без оснований же. В его присутствии мне несоизмеримо гораздо комфортнее, чем даже в те краткие моменты, когда Грегордиан «оттаивал» и проявлял ко мне своего рода заботу и внимание. В присутствии огромного, покрытого шерстью монстра я не боялась своих эмоций, не опасалась неожиданных вспышек гнева, спровоцированных парой слов. Он не давил меня своей энергетикой, как сам деспот, не пытался меня разрушить, сломать. Если бы в моей голове такое могло уложиться, то я бы решила, что он мне друг. В самом полном и глубинном понимании этого слова. И не важно, что мы общались всего ничего. Несколько мимолетных контактов. Но, оказавшись в мире, где все вокруг было настроено убить меня, использовать или стереть как личность, эти недолгие взаимодействия были единственным спасительным островком в откровенно враждебном море. А показателем их ценности были мои мысли и попытки проанализировать странную связь со зверем Грегордиана в тот момент, когда лежала в постели, еще пропитанной запахом архонта, и даже не думала ни о нем, ни о его уходе. Впрочем, слово «странный» мне, наверное, пора здесь забывать.

– Эдна, вставай! – Алево появился в дверях, однако в спальню не вошел. – Пора переезжать!

– Переезжать? – поднялась я, прикрываясь черным покрывалом, и он закатил глаза с выражением «да чего я там не видел».

– Грегордиан хочет, чтобы ты покинула его покои! – пояснил блондин и, развернувшись, исчез. – Шевелись!

И нет, я даже не была удивлена, и мне не было обидно. Похоже, что вообще все мои эмоции относительно деспота оказались временно недоступны. Чего я, собственно, ожидала? Было же четко сказано – архонт не намерен терпеть отказов в любой форме. Или я надеялась, что моя ультимативная откровенность даст результат? То есть реакция, несомненно, налицо. Меня вышвыривали, как вредную, нагавившую в тапки кошку вон с территории, предназначенной для сговорчивых и готовых угодить грозному архонту.

– Но так даже лучше, – прошептала я, оглядываясь в поисках одежды. – Полная ясность, теперь окончательная и бесповоротная.

– Ты чего там бормочешь? – окликнул меня Алево.

Я прикусила губу, сдерживая желание узнать, куда меня отправляют. Снова в Фир Болг, в какое-нибудь подземелье? Или деспот припас нечто более креативное для моего нового места пребывания?

– У меня нет платья! – вместо этого ответила я.

– Здесь нет, – согласился Алево, и усмехнулся снова, появляясь в зоне моей видимости. – Но раньше это вроде для тебя не имело значения.

И тут я услышала глухое раздраженное рычание из-за его спины. Алево обернулся и, хмыкнув, бросил мне платье, которое держал за спиной.

– Зверю моего архонта не нравится, что я тебя дразню! – продолжил зубоскалить он, не выглядя при этом несколько обеспокоенным, и даже нагло подмигнул мне: – Но ты ведь знаешь, что я это по-дружески делаю?

– Ты и дружба? – саркастически подняла я брови и, прихватив одежду, прошла мимо него в купальню.

Замерла, увидев черного как уголь зверя Грегордиана, развалившегося на темно-сером ковре посреди гостиной. Он впился в меня взглядом и уже знакомо тоскливо вздохнул. Что, интересно, это значит? Деспот демонстративно отказался общаться со мной лицом к лицу в человеческой ипостаси, пока выставляет меня из своих покоев? Типа, я даже этого не заслужила?

– Могу я хоть привести себя в порядок? – сначала сказала, а потом поморщилась от того, как это прозвучало. Будто я жалко цеплялась за возможность побыть тут еще хоть немного. Но с другой стороны, откуда я знала, где окажусь совсем скоро, и будут ли там элементарные удобства. Вряд ли местные застенки были оснащены душем, если, конечно, отправляюсь туда.

– А что, разве тебе это кто-то запрещал? – ответил Алево, но зверь опередил его, поднявшись, и, бесшумно ступая, пошел в купальню. Оглянулся на меня выжидательно, явно предлагая следовать за ним.

Внутри он снова вытянулся на полу, будто оставляя на мое усмотрение – лезть ли под «живой» душ или нырнуть в бассейн, но при этом не сводя с меня глаз. Изучал пристально каждый мой изгиб, как будто проверял, насколько хорошо справился с моим излечением. Его внимание, несмотря на всю свою концентрированность, не напрягало. Мне нравилось, что он рядом, а я ведь уже почти забыла, когда мне что-то действительно нравилось.

– Спасибо тебе за помощь! – сказала я, проводя пальцами по бедру, где была смертельная рана. Мне так хотелось его как-то называть, но просто не представляла как. Не давать же ему в самом деле милую кличку вроде «Пушка» или «Барсика»! Я невольно широко улыбнулась, и зверь секунду всматривался в мое лицо, словно силясь прочитать мысли, и вдруг тоже обнажил клыки. Я сначала замерла, но потом вдруг осознала, что это не угроза, а его аналог веселья. Боже, я реально схожу с ума. Здоровенный зубастый монстр улыбнулся мне, и я совершенно естественно ответила ему тем же.

Алево появился в дверном проеме, тут же разрушив тайную интимность нашего безмолвного общения, но зверь бросил на него краткий угрожающий взгляд, и он ушел.

Я быстро помылась и, дав местной магии высушить меня, натянула мягкую ткань. Скрыла нервный вздох, когда выходила вслед за Алево из покоев архонта, и зверь тут же притерся боком к моему бедру, будто успокаивая. Вместо лестницы мы двинулись в противоположную сторону. Пройдя буквально с пару десятков метров, Алево остановился и распахнул такие же темные массивные двери, вроде тех, что вели в покои Грегордиана.

– Добро пожаловать, Эдна, – сделал он широкий приглашающий жест. – Теперь ты живешь здесь.

Я вошла внутрь. Здесь было явно женское пространство. Вокруг царили мягкие золотые и оливковые оттенки. Мебель изящная, словно соткана из кружева цвета слоновой кости. Общее ощущение легкости, обилия воздуха и солнечного света. Пробежавшись быстро по обстановке, оглянулась на зверя. Он замер на пороге и опять посмотрел на меня тоскливо, словно прощаясь или извиняясь, а потом просто ушел.

– Ну и как тебе твоё новое жилище? – спросил меня Алево дурашливым тоном легкомысленной подружки. – Правда круто?

– Что это значит? – даже не стремясь дальше осмотреться, спросила я. – Мой переезд. К чему это?

– Наш архонт решил, что ты нуждаешься в личном убежище, в котором будешь ощущать себя в безопасности от всего, – неожиданно становясь серьёзным, объяснил Алево.

– От него я тоже в безопасности? – недоверчиво усмехнулась я.

– Грегордиан не войдет сюда, пока ты не позовешь его, Эдна. Или можешь сама приходить к нему. Дорогу, думаю, запомнила. Так что располагайся.

Алево пошел к дверям, а я все стояла, в недоумении глядя на него.

– Эдна! – обернулся он в дверях. – Надеюсь, тебе хватит ума не затягивать с приглашением Грегордиана в свою новую спальню или с визитом в его. Его терпение и способность идти на уступки... мх-хм-м... весьма ограничены.

Алево удалился с видом небрежного торжества, а я зависла, переваривая инфу. Но она черта с два была готова перевариться. Ладно, дело было не в фактах, а в моем их личностном восприятии. По большому счету девяносто процентов происходящего с нами в этой жизни, так или иначе, инициировано нами же. А если так рассуждать, то мне следовало воспринимать это переселение как свою некую победу? Вот только радоваться, даже немного, не получалось. Наоборот, было ощущение, что меня, вместо якобы безопасной территории, проводили прямиком в ловушку. И я собиралась себе и дальше позволять так думать, до получения неоспоримых доказательств противоположного. А пока я намеревалась изучать размеры и крепость стен предполагаемой западни.

Пройдясь по условно своим покоям, я не могла не отметить, насколько они отличались от апартаментов деспота. Конечно, размеры, расположение комнат и величина окон идентичны. Но если главным лейтмотивом интерьера пространства Грегордиана было отсутствие всего лишнего и откровенно мрачная лаконичность, то тут все было оснащено по принципу – получи все, чего бы ни захотела. Но при этом роскошь не выглядела ни вульгарной, ни чрезмерно выпяченной. Особенно мне понравился цвет камня, которым была облицована вся купальня. Мягкий оранжево-коричневатый, с крошечными звездочками поблескивающих вкраплений, он ласкал взгляд и создавал ощущение теплого сияния. Огромное зеркало в одной из стен тоже имело легкий золотистый оттенок. Прямо перед ним – широкая и длинная резная скамья, а рядом изящный столик с многочисленными серебряными и золотыми, инкрустированными камнями флаконами и баночками, вызывающими вполне естественное желание изучить их содержимое. В конце концов, какими бы ни были обстоятельства, того факта, что я женщина, никто не отменял.

– Могу я войти, монна Эдна? – голос Лугуса заставил меня вздрогнуть и оторваться от разглядывания.

Брауни приоткрыл дверь и замер со склоненной головой. Никакого тебе прежнего заносчивого взгляда и брезгливо поджатых губ.

– Заходи, конечно. – Я всмотрелась в острое лицо внимательней, отмечая, что Лугус выглядел не просто смиренным, а буквально раздавленным и несчастным. Это на него так изменение моего статуса действует? Ладно, нехорошо злорадствовать, Аня.

– Я пришел узнать все твои потребности, монна Эдна, и позаботиться о них, – тихим голосом сообщил брауни.

– Почему ты? – Я искала признаки скрываемого неудовольствия в его чертах, но, как ни странно, его там не было.

– Нашему архонту показалось, что мне удалось в какой-то мере угодить тебе, когда ты пребывала в Фир Болге. – Перекреститься бы вашему архонту, кажется ему...

– В какой-то мере, – не сдержавшись, фыркнула я, вспоминая те платья, которые он раздобыл по моему заказу.

– Ты желаешь получить другого брауни в услужение? – Лугус резко согнулся совсем уж подобострастно, реагируя на мое фырканье, и мне стало безумно неприятно от этого его уничительного положения.

– Нет, мне без разницы, – ответила, поморщившись. – Но что случилось, Лугус? Разве у тебя мало дел в Фир Болге? И ради бога, перестань гнутьея! Я не ваш архонт, на людей зверем не бросаюсь за прямой взгляд.

– Я не человек, – зачем-то счел нужным напомнить мне Лугус, однако, разгибая спину.

– Поровну, – пожалала я плечами. – Так что произошло?

– В Фир Болге пока нет для меня работы, – после паузы грустно ответил мужчина, глядя себе под ноги. – И, возможно, уже не будет.

– То есть?

– После нападения драконов он разрушен почти до основания. А архонт еще не отдал приказ отстроить его заново! – Лицо брауни вдруг скривилось, а тонкие губы задрожали, будто он собирался разрыдаться. – Мне кажется, он вообще не собирается его восстанавливать!

– Оу, это досадно... наверное, – только и смогла произнести я. Надеюсь, никто не ждет от меня сочувствия и печали по поводу того, что этот вертеп не возродится? Постойте-ка! Нападение драконов?

– Э-э-эм, Лугус, ты имеешь в виду, что самые настоящие драконы напали на этот... Тахейн Глифф? – Он горестно кивнул. – Ух ты! – Я всегда далека была от всякой мистики и ей подобного, но мне нравились некоторые элементы китайской культуры, и изображения драконов входили в их число. – То есть... Когда? И, собственно, зачем?

Естественно, с моей стороны было уже глупо удивляться наличию в этом мире драконов. Уж не после того, каких существ пришлось тут повидать. У меня перед глазами так и встали громадные рептилии в разноцветной сверкающей чешуе и с гигантскими кожистыми крыльями.

– Пока архонт совершал карательный поход в поселение анхен. Они пытались отбить своего принца.

Что? Ах, да, Лугус ответил мне на вопросы в том порядке, что они были заданы. Но от этого они только размножились.

– Пытались отбить принца... – повторила я, укладывая в голове. – Пытались... значит, не смогли?

– Нет. Воины во главе с великолепным асраи Алево при помощи Стражей пути смогли отбить их атаку. Но драконы в бессильной ярости разнесли все, до чего смогли добраться. В Тахейн Глиффе не осталось ни одной целой крыши, мелких строений, в гавани были сожжены все корабли, – голос Лугуса опять дрогнул, а острый подбородок затрясся. – Но, к тому времени, как перебили всех нападавших, все великолепные галереи Фир Болга оказались уничтожены безвозвратно!

– Убили всех? – Мне стало немного жаль драконов. В конце концов, в моих глазах они были слегка герои, раздолбавшие этот похотливый курятник. Да и раз уж на то пошло – увидеть живого дракона тоже любопытно.

– Да, убили и сбросили трупы в море на съедение радужным змеям! – Лугус гневно сжал кулаки, прижав их к бокам.

Надо же, еще и радужные змеи.

– А как же их принц? Он тоже убит?

– Нет. Наш архонт использует его как заложника.

– То есть сейчас в Тахейн Глиффе есть один живой дракон? – Интересно, где же можно содержать его здесь?

– Есть, конечно. Хотя сейчас он скорее полуживой, – с явной неприятной ноткой зло-радства произнес Лугус.

– Ранен?

– Наказан в назидание своему отцу и прочим.

– Даже боюсь спросить, в чем состоит наказание, зная душевную доброту архонта, – про-бормотала себе под нос.

– Ему отрубили руки, содрали кожу и отправили все это его отцу в качестве послания! В следующий раз он десять раз подумает, прежде чем напасть на Тахейн Глиффа!

Да кто же тебя за язык-то тянул, гадкий ты брауни!

– Боже! – Желчь подступила к горлу, я часто задышала, прогоняя тошноту и жуткую кар-тинку из разума. – Но это же просто чудовищно! Каким монстром нужно быть, чтобы сделать такое с беззащитным пленником?

– Беззащитным, монна Эдна? – удивленно распахнул шоколадные глазищи брауни. – Не-е-е-т! Наш архонт сразился с принцем в честном поединке на глазах у всех, на главной площади Тахейн Глиффа. Победил его и после покарал за всех погибших и раненых во время атаки его соплеменников. И это после того как архонт едва восстановился после тяжелейших ранений, нанесенных ноггами! Мы все, каждый, кто это видел, восхищены и уstraшены его силой и боевым мастерством. Никто больше не сомневается в его способности защищать нас и дальше!

Произнося свою прочувствованную речь, Лугус будто становился выше ростом и раз-дувался, словно поведение Грегордиана было основанием для его собственной гордости. Но при этом за этой гордостью было что-то еще... Что-то жесточайше-неправильное, извра-щенно-несправедливое, для меня по крайней мере. Пойму ли я когда-нибудь, как можно гор-диться и восхищаться таким уstraшающим и смертоносным созданием, как деспот? И хочу ли понять или хотя бы научиться принимать эту их логику, основанную целиком и полностью на силе? Словно тоненькая игла проскользнула между ребер, втыкаясь в сердце, когда неожи-данно родился вопрос, а каково самому Грегордиану жить так? Постоянно доказывая свою силу, волоча на своих плечах ответственность за сотни и сотни совершенно чужих ему созда-ний, которые в качестве «благодарности» могут с легкостью втоптать его в грязь, не дай бог ему показать слабость? Но я тут же отмахнулась. С какой стати я должна была думать о его труд-ностях, даже если и все обстояло именно так? Я не на его стороне в этой войне, а сама по себе.

– Ты готова? – похоже, до этого Лугус говорил еще что-то, но я не слушала.

– Что, прости?

– Ты готова сообщить мне обо всем, в чем нуждаешься? Одежда, обувь, украшения, уго-щения? Я готов привести лучших портных, принести великолепные ткани для выбора...

– Как насчет прогулки? Они мне разрешены, или я по-прежнему заключенная?

Лугус моргнул пару раз, сбиваясь с мысли.

– Я уточню, – буркнул он, покидая мои покои.

Глава 4

Вернулся он, прямо скажем, не скоро. День уже стал клониться к вечеру. Наверное, вопрос оказался не из простых. Я, немного послушавшись по покоям, обнаружила, что снаружи есть огромный балкон, и провела несколько часов, наблюдая с высоты за жизнью Тахейн Глиффа. Раньше мне такой возможности не представлялось. С моего балкона была видна почти вся площадь, по которой меня вел в первый день Лугус, и изрядный кусок водной глади. Ах, да, Фир Болг, точнее, то, что от него осталось, тоже можно было рассмотреть. Он выглядел теперь каким-то хаотичным нагромождением черных обожженных обломков, и единственное, что теперь там блестело и сверкало – это гигантское количество осколков стекла. На какой-то момент мне стало немного жаль того утраченного архитектурного совершенства и изящества, каким он, как ни крути, являлся, но это чувство оказалось быстро проходящим. Повсюду, кроме бывшего дома удовольствий, наблюдалось весьма активное движение. Восстановление шло максимальным темпами, строений без крыш уже почти не осталось, и я даже видела, как то ли оттирают, то ли закрашивают на стенах участки уродливой копоти, напоминающей о повсеместных пожарах. Хотя особых деталей мне было не разглядеть, все равно смотреть на эти обычные, вполне прозаичные моменты было увлекательно. Кстати, родился вполне обоснованный вопрос – почему не воспользовались магией для того, чтобы моментально вернуть все, как было. Зачем мучиться и потеть, если достаточно какого-нибудь заклинания, и полный порядок? Непонятно. Разве что только этот совместный труд всех местных разом имеет некий воспитательный и объединяющий подтекст. Ближе к вечеру я устала глазеть на здешних существ за работой и переключилась на вид заката над бухтой. Медленно спускающееся к воде краснеющее светило выглядело так великолепно и при этом настолько знакомо по многочисленным фото в сети, фильмам и передачам, что мне ничего не стоило представить себя снова в своей прежней жизни. Тоска и одиночество, как два таившихся в засаде зверя, тут же выпрыгнули, принявшись нещадно терзать мою душу. А медленно проявившийся в подступающих сумерках бледно-голубоватый диск луны, еще больше усиливший сходство с небом когда-то родного мира, вызвал желание натуральным образом взвыть, оплакивая простую красоту, на которую я раньше и внимания не обращала. В этот момент в воздух с одной из крыш взвилась пара летающих созданий, напоминая мне лишний раз, насколько я далеко от всего привычного. Господи, как два мира, в чем-то настолько схожих, могут быть до такой степени разными?

Лугус прочистил горло, снова пугая меня и отвлекая от полного погружения в безысходность, за что я ему была почти благодарна.

– Что? – вышло сипло из-за долгого молчания или из-за эмоций, что захватили только что. – Просить прогулку было очень круто с моей стороны?

– Наш архонт просил тебе передать, что ты сможешь гулять уже завтра, когда окончатся восстановительные работы и будет наведен порядок, – ответил Лугус спокойно, никак не реагируя на раздражение в моем вопросе. – Пока это может быть небезопасным.

– Завтра – так завтра. – На самом деле я не ждала, что Грегориан это позволит.

– Ты сможешь ходить куда хочешь в Тахейн Глиффе, а сопровождать тебя будут двое воинов.

Ясно, прогулки будут под конвоем. Ну, глупо было бы надеяться, что будет по-другому.

– Бери, что дают, – пробормотала я сама себе. – Передай мою благодарность архонту Грегориану.

– Думаю, мне этого делать не придется, – ответил Лугус, так же больше себе, чем мне. – Ты так и не приказала подать тебе пищу днем. Ты здорова?

– Мне нужно было прокричать с балкона, что я голодна?

– Мое упущение, прости, монна Эдна. Я все время забываю, что ты не слишком знакома с нашим миром. Идем со мной!

Он пошел впереди меня, касаясь светильников на стенах кончиками пальцев, и они начали излучать мягкий золотистый свет, придавая интерьеру больше интимности. Мы оказались в столовой. Посреди пустой столешницы стояло одно из распространенных здесь больших серебряных блюд. Лугус крутнул его и оглянулся на меня.

– Если нет никого из служащих, но ты проголодалась, тебе достаточно сделать так, – он снова заставил вращаться эту большую чеканную тарелку. – На кухне будут в курсе и принесут пищу.

В гостиной появились двое брауни с накрытыми блюдами, как будто только и ждали сигнала, стоя за дверями.

– Сервируйте на балконе, – отдал указание Лугус. – Надеюсь, эта пища порадует и поддержит твои силы. Я же тебя покидаю. Завтра присоединюсь к тебе на прогулке и думаю, ты будешь готова сообщить обо всем, в чем нуждаешься. Женщинам ведь так много нужно! Доброй ночи, монна Эдна!

Лугус ушел, и вслед за ним исчезли и приносившие еду брауни. Я вышла на балкон и увидела красиво накрытый стол, которого здесь вроде бы раньше не было. А еще рядом с ним было два стула. Два! Я огляделась и заметила Грегордиана, бесшумно шагающего по широким каменным перилам балкона в мою сторону. Он был босиком, обнажен по пояс, в широких свободных черных штанах, ткань которых слегка трепетала на ощутимом тут наверху, но все же теплом ветерке. Огромный, такой, казалось бы, грубо сколоченный и при этом передвигающийся с убийственной хищной грацией. На фоне почти совсем потемневшего неба он смотрелся пугающей тенью и в то же время бесконечно гармонично. Его мощная мрачная аура абсолютно органично сплеталась с самой тканью пространства этого чуждого мне мира, делая любое его движение или взгляд наполненными силой и смыслом. Пусть непонятными для меня, но правильно ощущающимися здесь. Боже, опять это со мной происходит. Я просто вижу его, и этого достаточно, чтобы впасть в некий почти гипнотический ступор. Пройдет ли это хоть когда-то?

Спрыгнув в нескольких метрах от меня, Грегордиан с совершенно невозмутимым выражением лица уселся за стол и кивнул на второй стул.

– Присоединишься? – легкий, почти небрежный тон, который мог бы меня обмануть, если бы не взгляд – пристальный, алчный, обнажающий, бескомпромиссно-требовательный.

– А что стало с обещанием не входить сюда, пока я не позову? – Слишком много его голой смуглой кожи. Он ведь наверняка это нарочно...

– Вообще-то балкон опоясывает всю башню. Так что формально я на нейтральной территории, – усмехнулся деспот, выбрав кусочек, но так и не отправив его в рот.

Ну да, на нейтральной, если забыть, что каждый сантиметр тут принадлежит тебе.

– То есть избежать для меня встреч с тобой все равно невозможно? – уселась напротив и постаралась занять свои глаза разглядыванием еды.

– А ты и правда хотела бы не видеть меня? – Я немного зависла, размышляя, какой ответ будет максимально приближен к правдивому и при этом не взбесит деспота, но он не стал ждать, пока я решу этот ребус. – Не важно. Я действительно не намерен давать тебе возможности избегать меня. У тебя есть эти покои, куда я не войду без приглашения. Пока не войду. Но каждый раз, когда ты будешь оказываться за их пределами, я буду использовать любую возможность подтолкнуть тебя к принятию правильного решения как можно скорее.

Давление, всегда давление, так или иначе. А решение должно быть правильным лишь в его понимании, без вариантов.

– А я уж подумала, что ты решил поухаживать за мной, – усмехнувшись, указала на роскошную сервировку.

– Я знаю, что такое ухаживания. Наблюдал в мире Младших и абсолютно не понимаю их смысла. Мужчины и женщины совершают бессмысленный ритуал, – пренебрежительно отмахнулся Грегори́диан, наливая нам обоим вина.

– Почему бессмысленный?

– Потому что мужчина делает вид, что ему важен сам процесс, а вовсе не то, окажется ли его цель под ним ночью. А женщина притворяется, что не в курсе, для чего все это вообще затеяно.

– Вообще-то обычно смысл ухаживания в том, чтобы узнать друг друга получше! Установить эмоциональную связь, – возразила я, положив на язык первый кусочек и, как всегда, невольно прикрыв глаза.

– Тогда это тем более лишено здравого смысла! – фыркнул деспот. – Ведь оба врут. Пытаются показать себя не тем, кем являются в обычной жизни. И я не прав. Это даже не ритуал, а игра, в которой оба пытаются обжулить. Каждый хочет сохранить свою маску неприкосновенной, но при этом добраться до истинного лица другого. В итоге чаще всего в проигрыше оба.

Я бы, может, и хотела возразить, но по большому счету он был прав. Когда я была откровенна на всех этих свиданиях-знакомствах? И разве не ощущала, что точно так же меня пытаются ввести в заблуждение?

– Но самое бессмысленное в этом, – продолжил гнуть свое деспот, – это потраченное время! Учитывая, сколько живут Младшие, тратить с их стороны дни, недели или даже месяцы на эти игры вообще безумие.

– Ну, знаешь ли, далеко не все готовы лечь в постель после первого же свидания! – почти возмутилась я. – Нужно же ощутить хоть что-то к человеку!

– Чтобы ощутить что-то ко мне, тебе не понадобилось вообще ни одного свидания! – парировал он, и я захлебнулась смущением. – И с первого же контакта я узнал о тебе все, что мне нужно было. Потому и вернулся! Поэтому нет, никаких ухаживаний. Только откровенное бесстыдное соблазнение, Эдна!

Грегори́диан не просто пристально уставился мне в глаза. Он словно магически сковал наши взгляды, создавая нерушимую шокирующую связь, которая не могла оборваться, даже когда прямой контакт прервался. Я не могла перестать смотреть и, главное, видеть себя будто его глазами. Свои подрагивающие ресницы, за которыми безуспешно пыталась спрятать беспорядочный танец впитывающих его образ зрачков. Резкие движения ноздрей, выдающие тщательно скрываемую, но неизбежную реакцию на сам факт его присутствия так близко. Слишком плотно сжимаемые губы, предательски выступающие сквозь ткань твердые соски...

Несколько кратких яростных мгновений уязвленная гордость и любопытство боролись во мне за главенство. Но потом мне вспомнились те долгие недели, когда я, глядя в то окно, выдумывала, вылепливала его личность в своем воображении. День за днем, ожидание за ожиданием, один хмурый или расслабленный его образ за другим, которые я собирала в себе, нанизывая, как жемчужины, на прочнейшую нить собственной чувственности. Хотя сейчас уж скорее впору сравнивать их со звеньями цепи, что сама для себя выковывала. Не знаю, как для тебя, деспот Грегори́диан, а для меня этих самых свиданий случилось больше сотни! Так что у моей одержимости тобой было достаточно времени для зарождения и дальнейшей естественной эволюции. У моих чувств есть оправдание, если уж оно нужно. А вот что ты мог узнать обо мне во время быстрого секса в темной прихожей, мне, конечно, дико интересно, но не настолько, чтобы попасться на этот крючок.

– Узнал все, что нужно? – с усилием я заставила себя откинуться на спинку стула, старательно имитируя безразличие. – То есть ты считаешь, что знаешь обо мне нечто важное?

Грегори́диан, последовав моему примеру, тоже вальяжно развалился на стуле и уверенно кивнул.

– Тогда ты наверняка знаешь, какой цвет у меня любимый? – Я не спеша выбрала кусочек, показавшийся мне самым привлекательным, и прожевала, издав долгий вздох удовольствия, прежде чем продолжить: – Или, может, какую музыку я люблю? – снова пауза, потраченная на бесстыдное наслаждение местной пищей. – Предпочитаю я горькое, сладкое или кислое? – очередной кусочек оказался таким сочным, что мне пришлось облизываться, ловя шустрые капли. – Ранняя я птичка или люблю выпасться? Что из этого ты знаешь обо мне?

Конечно, я прекрасно отдавала себе отчет, как неприкрыто-дразняще, почти вульгарно выглядели эти мои манипуляции с едой. И то, что мелочная месть за воздействие этого мужчины на все органы моих чувств могла мне же и выйти боком, тоже осознавала. Но какая-то дикая, не поддающаяся контролю часть меня не просто хотела убедиться в том, что и я могу с легкостью воздействовать на него. Она этого неистово требовала, нагло вымогала, абсолютно игнорируя возможные последствия.

– Смешно, Эдна! – снова демонстрируя пренебрежение и высокомерие, отмахнулся деспот, но я увидела, увидела с невероятной четкостью, каких усилий ему это стоило. – Я говорю тебе о вещах важных, которые можно ощутить или почувствовать лишь интуитивно или по-настоящему желая узнать партнера. О том, что составляет саму его сущность, а ты мне о всякой сиюминутной чуши, которую можно выяснить просто – спросив или из профиля в какой-нибудь столь любимой людьми соцсети!

– О, конечно, все, что не входит в круг твоих интересов – откровенная чушь! – Нет, я не должна была позволять себе злиться или торжествовать. Как и надеяться на то, что деспота можно победить в споре. Он ведь ни в чем не был способен признать поражения, а нового взрыва его злости мне совершенно не нужно.

– Эдна... – Грегориан выглядел на удивление не раздраженным, уж даже, скорее, терпеливым, хотя я бы не сказала, что ему комфортно в этой роли, – понятие «круг интересов» звучит как-то совершенно смешно в этом мире. Не находишь?

Может, и находила, я ведь могу мыслить достаточно рационально. Пока. И я понимала, что тут приоритетом являлось выживание как таковое, а вопросы, чем себя занять в свободное время соответственно каким-то своим предпочтениям, просто не могли быть актуальными. Потому как этого самого времени просто не было. Если прикинуть даже мой весьма скромный местный опыт с момента пересечения Завесы, список оказался по меньшей мере обширен: нападение ноггла, атака гилли-ду, заманивание накки, поход по болотам тару-ушти, потом короткая вылазка на природу и уже целая стая ногглов и одновременное нападение драконов. И это за каких-то жалких пару недель. Жизнь была насыщена, причем весьма. Когда уж тут заморачиваться недостатком адреналина и выискивать способы не дать себе закиснуть, если весь окружающий мир с этим с легкостью справлялся естественным образом. И все же.

– Тут ты, может, и прав. Но мы говорим не отвлеченно и обобщенно. Мы говорим о том, что ты знаешь конкретно обо мне, кроме того, как заставить меня кончать столько раз, сколько тебе нужно. Потому как в этом аспекте я вряд ли чем-то отличаюсь от других женщин. А мне, как бы это глупо и наивно ни звучало, хочется быть особенной.

– Ты даже не представляешь, насколько особенная! – Грегориан подался вперед так стремительно, что я чуть со стула не упала, дернувшись прочь. – И такой тебя делает не только то, как ты кончаешь для меня. Хотя и это само по себе дает мне такое удовлетворение, что едва ли не выше собственных оргазмов.

Его глаза прищурились, обездвигивая меня, верхняя губа чуть вздернулась, черты лица стали напряженными, уже совершенно не скрывая степени вожделения. Он глубоко вдохнул раз, потом еще, захватывая воздух полной грудью, и меня снова поразил этот тягуче-сладкий спазм внутренних мышц от этого его чисто животного захвата моего аромата. Сердце забарабанило в груди, гулко отзываясь и в ушах, и в кончиках пальцев, покалывающих от желания касаться чужой кожи, и в тяжком пульсе желания в низу живота.

– То, как пахнет твоё возбуждение, едва я приближаюсь, даже прямо сейчас опьяняет меня сильнее любого вина скогге, – голос Грегордиана стал ниже и грубее. – Мне нравится обонять тебя. Но ещё больше нравится твой вкус. Облизывать... Катать на языке, как лучшую сладость, что случилось попробовать... Каждая секунда этого причиняет боль от того, насколько сильно хочу большего и мгновенно, но и дарит дикое наслаждение от того, как ты буквально погибаешь на моем языке. А ещё от того, как ты смотришь на то, что я с тобой делаю.

Каждое хриплое слово, перемежаемое его резким вздохом, врезалось в мои мозг и плоть, стремительно растворяясь в них новыми и новыми дозами жесточайшей похоти. Я уже даже не знала, дышу ли, одновременно совершенно оглушенная грохотом крови в ушах и при этом жадно ловящая каждый звук, издаваемый этим мужчиной.

– Я не... не смотрю, – пробормотала, начав задыхаться ещё и от неуместного смущения. Откуда уж ему произрастать после всего, что мы вытворяли?

– См-о-о-о-тришь, – насмешливо-порочно протянул почти промурлыкал Грегордиан, и от этого звука будто его горячий язык по-хозяйски прошёлся у меня между ног, заставив судорожно сжать их. – Кричишь так, что голос ломается, трясешься и сжимаешь бедра, царапаешь мне голову, пытаешься выпросить хоть каплю пощады, которой никогда не даю, и при этом смотришь не отрываясь. Всегда! Ты ведь разума лишаешься, наблюдая за тем, что и как я с тобой делаю. Особенно дикая ты, когда оказываешься сверху, трахая мой рот. Хочешь этого прямо сейчас? Дава-а-ай, Эдна! Я лягу прямо тут, и ты объездишь мое лицо так жестко, как только пожелаешь!

Вопль погибающего здравомыслия пробился тончайшим истерическим визгом сквозь сплошную наркотическую пелену одуряющей похоти. Господи, он же опять это со мной делает! Трахает мой мозг с той же небрежной легкостью, как и давно уступившее ему во всем тело.

– Хватит! – Я вскочила и не пошла, а почти понеслась прочь с этого проклятого балкона.

Я сбегая, демонстрируя своё полнейшее бессилие и поражение перед Грегордианом? Да наплевать! Кого это волнует, когда я, кажется, готова кончить, скажи он ещё пару слов! И что потом? Я позволю ему войти, взять все, что пожелает, и позволю и дальше считать себя игрушкой, которой пользуются и вертят, как вздумается.

– Ты не смеешь уходить! – рявкнул деспот за спиной. – Мы не закончили!

Я оглянувшись, чувствуя себя впадшим в панику преследуемым животным, и, увидев шагающего за мной деспота, сорвалась в бег. Господи, смешно ведь! Разве у меня есть шанс убежать от него, спрятаться хоть где-то.

– Эдна! – Вот теперь он точно в ярости! Мне конец!

Влетев в гостиную, я развернулась, будто собиралась противостоять ему лицом к лицу. Грегордиан – оскалившийся и не сводящий с меня глаз – шагнул на порог покоев и вдруг исчез. Точнее, он мгновенно обратился в зверя, который, открыв рот, дышал прерывисто и быстро, будто после тяжелой, изнурительной борьбы. Так и не ступив внутрь, он тихо и протяжно заурчал, обласкал меня успокаивающим виноватым взглядом и одним прыжком исчез в темноте снаружи.

Глава 5

Сказать, что в первый момент я была в шоке – это ничего не сказать. Как только зверь Грегордиана исчез, унося с собой и всю мощную ауру, присущую обоим ипостасям в целом, мои ноги затряслись, как мягкое желе, и я просто осела на пол. В голове зазвенело, язык прилип и онемел, а горло пересохло так, что стало больно. Даже не знаю, с чем сравнить те ощущения. Как будто была в вакууме и легкие отчаянно силились заполучить воздух, а потом вдруг резко и сразу прямиком в них подали чистый кислород, расширяя их на грани разрыва.

– Боже-боже-боже, – пыталась бормотать я, но выходил невнятный сип.

Но, едва чуть попустило, вернулась способность соображать, причем здраво, и лучше бы она этого не делала. Потому что мне бы очень хотелось сказать, что я испытываю облегчение от того, с какой легкостью избежала преследования Грегордианом. Но это было бы враньем. Разочарования было ровно столько же, сколько и облегчения. И лгать себе в том, что я стопроцентно хотела именно такого развития событий, тоже не выходило. Я бы, черт возьми, хотела бы этого хотеть, но не значит, что могла это почувствовать каждой клеткой тела, еще пропитанного чистой похотью. Как все стало безумно не только в моей жизни, но и во мне самой. Быть словно двумя разными существами в одном теле – та еще жесть. Даже не представляю, каково жить Грегордиану, имея не просто противоборство между разумом и примитивной тягой и желаниями, а два совершенно отличных тела и сознания. Это что, я его вроде как снова жалею? Только что снаружи он развлекал себя манипуляциями с моими чувственностью и самоконтролем, а я нахожу после этого повод еще и пожалеть его?

– Ну и как тебе мой подарок? – Да что же это такое!

Я крутанулась на полу, прижав руку к горлу, в которое скакнуло сердце.

– Эбха, да ты в своем уме так человека пугать?

Она нахмурилась, будто задумываясь.

– Это вопрос, требующий немедленного ответа? – спросила с вполне серьезным лицом.

– Да ты нормальная вообще?! – Пружина предельного напряжения оглушительно лопнула, и оно вырвалось в истошном крике.

– Ты почему-то сердишься, – нахмурившись еще больше, пробубнила она. Я отползла к стене и, привалившись спиной, тихо выругалась, успокаиваясь и возвращая себе контроль.

– Я не сержусь. – Офигеть как зла! – Просто испугалась!

– Тебе так удобно? – Она присела напротив и привычно алчно пошевелила пальчиками.

– Вполне. И не думай мне начать песню про волосы! – сразу предупредила, обвиняюще ткнув в псевдо-брауни, отчего узкие плечики моментально поникли.

– Ладно, давай поясни, что за подарок ты имеешь в виду! – потеряла я лоб, постепенно расслабляясь.

– Вот ты... непонятливая-я-я! – закатила глаза Эбха, запрокидывая голову, и в тусклом излучении настенных светильников волна отблесков на ее ирокезе смотрелась слегка заворачивающе.

Я никак не стала реагировать на это ее поддразнивание. Хватит с меня существ, испытывающих на прочность мои эмоции. Просто с глухим звуком откинулась затылком на стену и приподняла брови, давая понять, что я хотя бы готова выслушать.

– Я подарила тебе способность обращать нашего архонта в зверя, когда он... ну увлекается, – пояснила она мне недовольным тоном, будто я полная тупица, заставляющая озвучить очевидное.

– Да неужел-и-и-и!? – растянула я губы в чрезмерно оптимистичной улыбке. – Прямотаки взяла и подарила? Мне?

– Э-э-эм-м... не понимаю сути вопроса или причины сарказма, если уж на то пошло! – насупилась Эбха, резко заинтересовавшись разглядыванием чего-то в темноте снаружи.

У меня даже разозлиться душевных сил не было. Маленькая хитрозадая манипулирующая сучка, как и все вокруг! Чего же тебе на самом деле надо от меня?

– А мне вот непонятны всего два вопроса, – уже абсолютно спокойно продолжила я. – Во-первых, как мне может быть полезен твой дар? А во-вторых, имеет ли он вообще место быть?!

– Во-первых, польза очевидней некуда! Каждый раз, когда архонт будет испытывать соблазн проявить в отношении тебя насилие в любой форме, он обратится зверем. А тот точно тебе не опасен. А во-вторых... это что, так уж важно? – И глаза такие огромные, честные, влажно-поблескивающие. Ну чисто кот из Шрека.

– То есть данной способностью я никак не управляю? – внутри словно зашекотало от подступающего приступа смеха. Наверное, это уже что-то нервное.

– А что, надо? – Я, уже не сдерживаясь, фыркнула и рассмеялась.

– Господи, в моем мире отвечающих вопросом на каждый вопрос нарекают евреями. – Отдышавшись, спросила подозрительно рассматривающую меня Эбху: – А ты на самом деле кто?

Она сложила ручки на крошечной груди и преувеличенно обиженно засопела. Я, расслабившись у стены, тоже делала вид, что занята раздумьями, и молчала. Мы уже такую ситуацию проходили. Не я к ней пришла, она ко мне, вот и подожду, пока дозреет.

– Вот знаешь, в чем твоя главная проблема, Эдна? – наконец не выдержала она паузы.

– В том, что меня зовут Анна? – имитируя ее невинное выражение лица, похлопала я глазами.

– Нет! В том, что ты не умеешь радоваться тому, что имеешь! Не наслаждаешься моментом! – Вскочив, шоколадная мелочь стала расхаживать передо мной туда-сюда, театрально-комично потрясая кулачками. – Тебе просто так, ни с чего достается то, чего нет и никогда не будет у других! А ты, вместо того чтобы принять с благодарностью и превратить это в бесконечное удовольствие, отвергаешь, портишь и воспринимаешь как насилие и нечто почти противоестественное!

– Минуточку! – тоже вскочила я. – Что мне досталось просто так? Билет в один конец в рабство? Или, может, мне радоваться, что я являюсь объектом преследования психа, впадающего в ярость от каждого неосторожного слова?!

– Какое рабство, Эдна?! Ты живешь в хозяйских покоях! Тех самых, в которых жила его мать! Никогда со времени постройки Тахейн Глиффа владельцы не селили своих любовниц здесь! Все вокруг шепчутся об этом! – Я ощутила замешательство, но тут же тряхнула головой, отмахиваясь. Не позволю себя сбить и заморочить, подумаю об этом потом!

– Его мать тоже, конечно, была здесь пленницей? – позволила я себе откровенное ехидство.

– А ты разве пленница? – опять она попыталась провернуть свои вопросом-на-вопрос штучки!

– О нет, прости, я просто любимая игрушка! Та самая, которую кладут поближе, чтобы была всегда под рукой! – Я отвернулась, демонстрируя, что в таком духе разговор продолжать не намерена. – Это, несомненно, должно сделать меня радостной и благодарной?!

– Только потому, что смотришь на это под таким углом! – глухо топнула ногой Эбха, и все светильники разом моргнули.

– То есть если я посмотрю с другого, то все в разы поменяется? Я перестану быть кем-то насильно уведенным из своего мира, поставленным перед выбором: или принадлежать вашему архонту и терпеть перепады его настроения и нападки, или умереть? – Я снова стала натуральным образом закипать.

– Да не собирается он тебя убивать! – небрежно отмахнулась Эбха.

– А разве заявления вроде «если ты не со мной, то тебя вообще нет» означает что-то другое? – гневно прищурилась я, но в ответ только получила какое-то невыразительное помахивание рукой в стиле «о, да ради бога, не грузи меня этой чушью».

– А тебе так трудно догадаться, отчего он так зол? Ты отвергаешь в душе и его, и весь наш мир, который, к слову, как раз твой родной, и этим провоцируешь его все самые темные стороны! Ну, ясно, мы будем развивать только нужные ей темы, а остальное игнорировать. И почему я не удивлена? По уму – надо закончить этот разговор ни о чем прямо сейчас. Потому что продолжать его – только позволить себя раздерегать окончательно. А мне и так уже на сегодня хватило!

– Выходит, я сама и виновата? – Подняв глаза к потолку, я с усилием выдохнула, осознавая, как же меня все достало. – А деспот Грегордиан на самом деле душка, джентльмен и тонкая ранимая натура? И именно потому, что он такой, ты решила организовать мне эту псевдоспособность к его укрощению?

– Нет! Он не такой! Но ему и не нужно быть таким! – Эбха подскочила ко мне и дернула за руку, требуя к себе внимания. – Разве, будь он другим, он привлек бы тебя так же сильно?

– Понятия не имею! – огрызнулась я, отнимая ладонь. – А все потому, что у меня не было выбора!

– Лгунья! Гадкая, трусливая лгунья, Эдна, – в словах Эбхи не было гнева, но от этого они не были менее обвиняющими. – Ты его сама выбрала! Сама! И будь у тебя сейчас возможность, ты сделала бы это снова!

– Да ни за что! – выкрикнула я уже пустоте. Эбха, как всегда, оставила последнее слово за собой. Говорю же – сучка!

Упав на громадную кровать, я зажмурила глаза, приказывая себе заснуть немедленно и не смей анализировать слова Эбхи. Но как будто кому-то удавалось заставить остановиться собственные размышления, просто пожелав это сделать. Это вам не заклинание «горшочек, не вари!». Поэтому, устав обрывать свой мозг раз за разом на полумысли, я решила не то чтобы сдаться, а разобраться и прийти к некой ясности, или сна сегодня не видать. Но с чего начать-то?

Например, с временного отключения функции оскорбляться, что, на мой взгляд, и является тем самым изменением угла зрения, о котором говорила Эбха. А еще попробовать ненадолго взять за основу то, что мне все пытаются навязать – этот мир, будь он неладен, действительно мой родной. Сделано у фейри. Очень смешно, Аня. Но если так, то мне следует смириться окончательно и бесповоротно с тем, что я не человек? Тогда вроде как в порядке вещей, что Грегордиан объявляет меня своей собственностью, которую у него есть право переместить из одного мира в другой, приказывать, распоряжаться как угодно, даже убить, не считаясь с чувствами. И с этой точки зрения его обращение со мной смотрится еще вполне себе гуманным, чуть ли не милым. Но я не собираюсь отказываться от собственной человечности! И это опять долбаный тупик! На эту тему уже думано-передумано за это время! И решение сто раз принято! Я приспосабливаюсь, пока не найду выход. Хоть какой-то. Но, черт! Откуда тогда берутся эти постоянные всполохи тоски раз за разом. Я должна хотеть вырваться, бежать, хотеть без всяких сомнений и оглядок, твердо, безоговорочно, без всяких «но» и «если бы». Желать свободы и только этого, а не изменения к себе отношения, которое даст возможность подумать о том, чтобы остаться! А что на деле? Меня ранит и задевает грубость деспота и нежелание считаться со мной и моими чувствами, бесит его манипулирование моим либидо, и я дергаюсь и барахтаюсь, пытаюсь их поменять. И это вместо того, чтобы подладиться, пропускать сквозь себя, не давать обидам застилать глаза и упрямо идти к освобождению. Я всегда была терпеливой, расчетливой, умела прекрасно управлять эмоциями, но рядом с Грегордианом быть собой перестаю. И если опять же исходить из туманно-прозрачных намеков Эбхи, деспот тоже ведет себя со мной далеко не стандартно.

И что мы имеем в итоге, если абстрагироваться?

Грегордиан хочет Анну, Анна хочет Грегордиана. Это единственный факт, который не требует никакого обсасывания, потому... ну, потому что это факт и есть. А еще деспот требует покорности, полного и безоговорочного принятия его самого по типу «ешь таким, какой есть, или умри с голоду», и бог его знает, какие еще гадкие сюрпризы принесет будущее с ним. А чего же нужно Анне? В идеале и гипотетически, наверное, свобода? Несмотря на то, что, как выглядит эта самая свобода в реалиях нового мира, Анна понятия не имеет. Но! Эта же самая Анна с ума сходит по Грегордиану и, если уйдет, оставит с ним изрядный кусок собственной души, а остальное не заживет, скорее всего, никогда. Вопрос: чего Анна хочет больше – уйти неизвестно куда и, возможно, сразу погибнуть или остаться и постараться добиться от Грегордиана изменения отношения к себе? Плюсы первого варианта... ну, собственно, свобода и шанс сохранить хотя бы эту самую часть души своей целиком, а не растоптанной или разорванной в клочья. Минусы – куда я пойду и как, в принципе, намерена выжить? Бонусом ко второму идет обилие умопомрачительного секса, безусловная роскошь и, что немаловажно в местных условиях, безопасность. Из минусов и возможных рисков этого варианта – чрезвычайная взрывоопасность и непостоянство характера Грегордиана, его неуступчивость и склонность добиваться всего, не считаясь с методами. Ну и еще мелочь. Моя физическая им одержимость и нездоровая тяга быть ближе рискует перерасти в полноценное чувство. И вот тогда, если, а будем откровенными, скорее всего, когда, а не если, Грегордиан совершит нечто, что я не смогу пережить, уходить мне придется и вовсе без души, с вырванным сердцем. Или же просто остаться и дать ему разрушить меня окончательно.

Бо-о-о-е-е! Я устала думать, устала-устала-устала! Почему все не может как-то упроститься настолько, чтобы вообще ничего не нужно было выбирать, рвать себя, скручивать чувства так и эдак. Это ведь как-то бесконечно неправильно и несправедливо, когда нужно раскладывать на разные чаши весов то, что должно быть вместе. Все равно что расчленять себя собственноручно. Перевернувшись, уткнулась лицом в простыни и вдохнула их приятный, но абсолютно нейтральный аромат. Здесь не пахло Грегордианом, сексом, горячечным безумием, нами вместе. Только чистотой, мучительными раздумьями и одиночеством. Какой из запахов я хочу на всю оставшуюся жизнь? Ну хватит уже, Анна!

– Монна Эдна! – голос Лугуса разбудил меня, хотя я просто не помнила, в какой момент заснула. Последней странно-навязчивой мыслью было, что мы с Грегордианом глупцы, создающие внутренние проблемы там, где нужно противостоять внешним. Вот и с чего бы это?

– Монна Эдна! – настаивал Лугус. – Просыпайся! Архонт приглашает тебя позавтракать с ним!

Я осторожно приоткрыла глаза, ожидая головной боли после вчерашнего самоизнасилования мозга. Но нет. Голова была легкой и ясной. Косые лучи утреннего солнца совершенно разрушили вчерашнюю тягостную атмосферу. Они были как инъекция извечного оптимизма самого мироздания, утверждающего, что рассвет всегда приходит так или иначе. Зачем я вообще истязала себя по сути бессмысленными пока размышлениями? Ведь если в чем Эбха и права, так это в том, что я пока и не пыталась по-настоящему извлечь удовольствие из нынешнего положения вещей, а только выискивала недостатки и возможные подводные камни. К черту, я беру краткий отпуск от мрачного взгляда на всех и все!

– Так что мне сказать архонту, монна Эдна? – брауни звучал все более неуверенно и, явно нервничая, топтался на пороге спальни.

Почему бы не испытать подарочек Эбхи в действии еще разок? В конце концов, проведу время в обществе замечательной ласковой зверюги, если пойдет что-то не так. А вдруг его сволочейшество архонт Грегордиан все же поддается дрессировке? Утро вечера мудренее, как говорили умные люди, и сейчас все не казалось так однозначно пессимистичным. Что, если,

приложив усилия, я могу создать реальность, где мне не нужно будет выбирать между Грегорианом и свободой? Ну, не выйдет, так хоть развлекусь действием, вместо надумывания.

– Скажи, что я буду рада к нему присоединиться, как только приведу себя в порядок! – усмехнулась я, потягиваясь.

Вчера ты имел мой мозг, архонт Грегориан, а сегодня моя очередь!

Глава 6

В этот раз обошлось без эффектных явлений архонта народу. Когда я, не особо торопясь, привела себя в относительный порядок и вышла на залитый утренним солнцем балкон, Грегордиан уже был там. Он стоял спиной ко мне, обозревая хозяйским взглядом свою вотчину, и поэтому я позволила себе несколько секунд просто пялиться на него, никак не контролируя выражение лица, не пытаясь обуздать и запихнуть поглубже, как шокирующе каждый раз действует на меня сам факт его присутствия. Обласкала взглядом его короткостриженный затылок, вспоминая шуршащий звук, издаваемый его жесткими волосами, когда я провожу по ним ладонью. Прошлась по линии широченных плеч, представляя, как цепляюсь за них дрожащими пальцами, когда мой контроль начинает ускользать под сексуальным натиском этого мужчины. Спустилась к мышцам спины, проступающим даже сквозь ткань вроде бы свободной рубашки и в столь расслабленном состоянии, и, кажется, буквально ощутила их ритмичные сокращения, когда Грегордиан вколачивает себя в меня так, будто хочет забраться внутрь целиком. Прикусила губу, соскользнув глазами на его задницу... Сколько раз я впивалась в нее ногтями, грубо, нещадно, до крови, требуя еще больше. И, Господи, какой же полный животного удовлетворения звук издавал каждый раз Грегордиан, откровенно наслаждаясь этой моей бесстыдной требовательностью. Невольно вдохнула глубоко и прерывисто, чувствуя, что в низу живота все словно стиснули в кулак. Как же чертовски сильно хотелось подойти к нему и без всяких разговоров и пикировок прижаться всем телом, не скрываясь признав свое желание просто ласкать, прикасаться, обожать каждый сантиметр его испещренной шрамами кожи, каждую твердую, наполненную безграничной силой мышцу и получить в ответ одну-единственную каплю нежности, пусть даже она будет разбавлена целым морем похоти.

– Если будешь так сопеть, Эдна, то завтрак придется перенести! – с усмешкой сказал Грегордиан, оборачиваясь.

Конечно же, деспот знал, что я стою тут и глазею на него, но сейчас этот факт не мог меня смутить.

– И тебе доброе утро, архонт Грегордиан! – Пройдясь босыми ногами по теплым камням балкона, я уселась за уже накрытый стол, заметив, как мужчина на пару секунд прилип взглядом к моим обнаженным ступням и лодыжкам. Будь я чуть пошлее, спросила бы его, не представляет ли он их уже на своих плечах. Хотя зачем спрашивать, когда его голод так очевиден? Ох, Аня, заткнись! Будто сама минуту назад не раздела и не оприходовала его по полной глазами.

– Как спалось на новом месте... одной? – Как ни странно, деспот подхватил мой нарочито светский тон, занимая стул напротив.

– Ну, в последнее время у меня что ни ночь, то новое место, – ответила почти беззаботно, пожав плечами и игнорируя последнее слово. – Так что могу только сказать, что кошмары не мучали. А как ты вчера погулял?

– Прекрасно! Я уже стал забывать, как великолепен мой Тахейн Глифф в лунном свете! – Ну еще бы, небось годами проводил ночи напролет, скача из одной постели в другую в долбаном Фир Болге! Когда тут на луну со звездами посмотреть, если столько опробовать надо! Интересно, а вчера не ходил ли он в эти чертовы развалины в поисках утешения? Насколько понимаю, кто-то же из этих отзывчивых к мужским горестям и разочарованиям кадани еще остался. Так, стоп! Только положительные эмоции и позитивный настрой, помнишь, Аня?

– Перемены, пусть и кратковременные, так освежают! – ляпнула первое пришедшее в голову, приструнивая свое воображение, но все же покосилась с балкона в сторону раздолбанного вертепа, будто могла рассмотреть, насколько сохранились нижние ярусы.

– Это точно, Эдна. Вот только некоторые не способны рассмотреть их положительное влияние, даже если их в это тыкнуть носом! – Естественно, Грегордиан проследил за направлением моего взгляда и теперь насмешливо и довольно оскалился. – Кстати, я на дух не переношу запах гари и не склонен удовлетворяться чем придется, когда хочу чего-то определенного. Не знала?

Это что сейчас – завуалированный ответ на мой незаданный вопрос, провел ли он ночь в одиночестве? Типа, жест доброй воли от архонта Грегордиана, находящегося в хорошем настроении с утра? Что же, тогда стоит сделать ответный ход.

– Я очень много чего о тебе не знаю, архонт Грегордиан. Но с удовольствием исправила бы это упущение, – и я просто улыбнулась, как-то абсолютно неожиданно даже для самой себя. Без второго дна или ради маскировки других эмоций. На какой-то момент показалось, что мои лицевые мышцы не послушаются оттого, что я почти забыла, как можно улыбаться. Не захотелось нервным хохотом, не усмехаться, не кривиться в ухмылке, а расслабиться настолько, чтобы губы сами расплылись. Совершенно необъяснимо – собственная улыбка и тот факт, что деспот ни к кому не прикасался прошлой ночью, подарили чувство поразительного облегчения, которое покатило по телу мягкой волной тепла и удовлетворения.

Расслабленная манера держаться Грегордиана вдруг поменялась так резко, что я почти испугалась. Он смотрел мне в лицо пару секунд так, словно моя улыбка была смертельно ядовитой змеей, внушающей ему настоящий ужас. Его серые, глубоко посаженные глаза распахнулись, а мускулы на шее и плечах предельно вздулись. Черт, похоже, на мои улыбки у этого мужчины острая аллергия, подумала я, ощущая, как краткое проявление немотивированной радости угасает, как и едва зародившийся комфорт в его присутствии.

– Нет! – неожиданно рявкнул Грегордиан, окончательно пугая меня, и стремительно протянул руку, коснувшись моих губ. – Верни! Я хочу это назад!

Делая над собой усилие, я заставила себя улыбнуться, но, кажется, это только разозлило непредсказуемого деспота!

– Нет! – Вскочив, он отшвырнул стол в сторону и одним движением подтянул мой стул впритык к своему. – Не так! Хочу как раньше! Сделай так снова.

Господи, это могло бы прозвучать почти комично, как каприз избалованного мальчишки по отношению к своей игрушке, если бы не резкое, яростное дыхание и не этот почти дикий взгляд, требовательный и нуждающийся одновременно.

– Эдна! – Грегордиан обхватил мое лицо и рванул на себя, почти сталкивая нас лбами. – Я сказал еще!

– Да не могу я так! – Мой первый шок от его реакции стал злостью, и я с силой попыталась оторвать его ладони от себя и отстраниться. – Разве можно улыбаться, когда тебя пугают до икоты?!

Вместо того чтобы отпустить, Грегордиан просто перетащил меня к себе на колени, нарочно усаживая поверх своего уже жесткого члена. Я охнула, чувствуя импульс, прошивший тело, а деспот дернул бедрами, закрепляя эффект и вызывая мой новый стон.

– Можно, если я приказываю! – Вот ублюдок! Снова он пытается манипулировать мной с помощью секса! – Давай, дай мне, что хочу, и я сделаю это утро таким, что ты захочешь бесконечных его повторений!

– Нет! – оскалилась я ему в лицо, теперь сама обхватывая его колючий затылок, с силой впиваясь пальцами. Почувствуй разницу, скотина ты бесчувственная!

– Ты отказываешь мне? Снова? – сколько угрозы в каждом звуке и новые беспощадные толчки бедер. Я всхлипнула и выгнулась дугой, а Грегордиан прошелся быстрыми поцелуями-укусами по моим ключицам, усиливая воздействие.

– Разве это похоже на отказ? – из последних сил я удержала злую усмешку на лице и нашла в себе силы скользнуть по его пульсирующему стояку в ответ.

– Агх-х-х! – издал Грегордиан невнятный звук и на мгновение откинул голову. Его кадык судорожно дернулся, вторя рывкам члена подо мной. В любую игру можно играть вдвоем. Хотя бы попытаться.

– Я хочу не этого! – огрызнулся деспот, но его глаза уже заволокло пеленой.

– Да неужели, архонт Грегордиан? Я ведь тоже не с этого планировала утро начать!

Игнорируя его слова, снова дрожа и постанывая, проехала по его длине сквозь ткань, и пальцы Грегордиана впились в мои ягодицы, стараясь ограничить мое бесчинство. Но наш контакт был слишком полным, и мне оказалось достаточно даже малейшего смещения тела, чтобы послать по нам обоим новую волну этого мучительного наслаждения-противоборства. И Грегордиан сдался. Вместо того чтобы удерживать, он начал жестко насаживать меня на себя, подбрасывая бедра навстречу, одновременно сталкивая наши рты. Мы, как ошалевшие от похоти подростки, терлись друг о друга, целуясь бешено, ранив и облизывая, просто не в силах остановиться, захваченные в плен неодолимым сексуальным голодом. Огромное тело Грегордиана дрожало подо мной, на лице – лишь стремление получить освобождение. Наличие ткани между нами, близость кровати не важны, это все слишком безотлагательно для него. Я сама была как натянутая до предела струна и так хотела кончить, что почти не могла думать ни о чем больше! Но! Но все же вспомнила, что между нами гребанные военные действия, и это не я их снова начала.

– Стоп! – оттолкнулась от него с такой силой, что просто упала на задницу с его колен и быстро отползла на несколько метров.

Грегордиан пару секунд смотрел на меня так, словно не мог поверить в случившееся. Да, а ты как думал? Не ты один можешь играть в дрессировщика, используя желание в качестве кнута и пряника.

– Хочешь, чтобы я тебе улыбалась? Так добейся этого честными методами, а не пытайся принуждать и вымогать! Искренняя радость – это не то, что можно заставить испытывать, просто потребовав этого! – Я едва могла говорить из-за прерывистого дыхания и обвиняюще ткнула в него трясущейся рукой.

– Да как ты смеешь! – В один прыжок Грегордиан оказался на мне, но еще раньше, чем его тяжелое тело прижало к полу, надо мной оказался уже мой зверь.

С недовольным ворчанием он сполз и плюхнулся рядом на живот, дыша тяжело, как после многокилометрового бега. А я, бессильно откинув голову на теплый камень, провела по его боку.

– Ну, здравствуй, большой парень. Ты вовремя! – И вот сейчас мне не нужно было усилий для того, чтобы искренне улыбнуться и моему уютному зверюге, и ясному небу над нами.

Минуты шли, а мы все лежали, восстанавливая дыхание и душевное равновесие. Я, щурясь, то смотрела в безоблачное невыносимо голубое небо, то косилась на зверя рядом. Цвет его шкуры был настолько глубоко-черным, что даже в ярком свете дня казался огромным пятном тьмы, поглощающим любой упавший на него луч. Сама шкура с очень короткой шерстью выглядела как тончайшая бархатистая ткань, идеально плотно облегающая живой жидкий металл. Коснувшись ее раз, хотелось делать это снова и снова, ощущая ладонью поток бесконечно дружелюбной ко мне мощи. И я не стала себе отказывать в этом удовольствии, компенсируя хоть частично потребность в контакте, дарящем нежность и уют, а не бесконечную, рожденную из агрессии страсть. Зверь же, не скрываясь, не просто лгнул, а почти лип к моим ладоням, тянулся за каждым прикосновением жадно, но не властно-требовательно. Такая удивительная и пронзающая до глубины души способность безмолвно демонстрировать мне, насколько же я ему необходима, но при этом не давить или в чем-то ограничивать. Какие же они все-таки разные с Грегордианом. Один стремится возвести как можно больше стен вокруг и заставляет ощущать себя пленницей, постоянно чего-то требует. Другой же одним своим

бесконечно удовлетворенным урчанием разрушает любые преграды между нами, даря тепло просто так.

– Я все-таки очень хотела бы знать твое имя, – пробормотала, наконец отдышавшись.

– Арха ат, – голос Лугуса был откровенным вторжением в наше сугубо личное пространство, и прореагировали мы на него со зверем почти одинаково – резко подняв головы с каменного пола и уставившись на нарушителя интимности гневным взглядом.

Только зверь раздраженно взрыкнул, заставляя Лугуса испугано попятиться, а я буркнула:

– Что, прости?

– Принято называть зверя архонта Арха ат! – ответил он, но самого брауни при этом уже не было видно. Он встал так, чтобы не попадаться на глаза проявившему неудовольствие зверю.

– Почему? – повысив голос, спросила я, унимая утробную гневную вибрацию огромного тела простым поглаживанием по крутому боку.

– Это не самая любимая тема в Тахейн Глиффе, монна Эдна! – отозвался невидимка.

– И все же? – Имею же я право знать хоть что-то. Смотрю, тут как гадости тебе говорить – так не заткнешь фонтан, а как хоть крупицу нужной информации, так клещами по слову тяни.

– Это имя, точнее, прозвище дала зверю архонта асраи Сорча, одна из фавориток его отца, когда он был еще ребенком, – в голосе Лугуса с каждым словом было все больше дрожи, будто он ожидал неминуемого наказания.

Услышав сказанное, мой зверь опять пришел в раздражение и даже резко приподнялся, гневно глядя в сторону прячущегося Лугуса. Но я, вконец охамев, тоже вскочила и навалилась всем телом, удерживая рассерженного монстра на месте и вынуждая опять растянуться на камнях. Не скрывая довольного стога, вытянулась поверх его мускулистой, широкой, как диван, спины, откровенно кайфуя от свирепой и при этом такой кроткой мощи, покорно замершей подо мной.

– А что означает это имя и почему именно она? – не теряя времени, продолжила я допрос брауни.

Зверь издал какой-то звук, в котором читался мягкий укор моему неуместному любопытству, и обреченно вздохнул, однако же не шевельнулся.

– Асраи Сорча была женщиной редчайшей красоты, но немного... остра на язык. Она позволила себе несколько раз отпустить некие... замечания по поводу матери архонта, которая к тому времени уже покинула Тахейн Глифф, и это привело к первому его слишком раннему обращению. – Огромное тело подо мной напряглось, становясь горячее, и буквально задрожало от глубинного низкого быстро нарастающего рыка. – «Арха ат» на языке дварфов означает «чудовище».

Зверь дернулся и громогласно рывкнул, и мне пришлось обхватить его мощную шею, чтобы не слететь. Поняв, что я своими расспросами исчерпала лимит его терпения и реально подставила бедного Лугуса, решила срочно заканчивать.

– Лугус, ты, пожалуй, иди пока! – негромко сказала я, снова усиленно наглаживая черную шкуру, и совершенно явственно услышала вздох облегчения брауни.

– Благодарю, монна Эдна, – откликнулся он. – Я, как и воины-хийсы для вашего сопровождения, будем ждать вас снаружи сколько потребуется.

Я только невнятно угукнула, плотнее прижимаясь щекой к гладкой, как шелк, и твердой, как дерево, поверхности тела моего зверя. Несмотря на ауру смертельной угрозы, порожденную этим, казалось бы, простым разговором, я не боялась. Ничего из этой агрессии не было направлено на меня. Едва брауни исчез, зверь полностью расслабился, даже почти растекся мягким ковриком подо мной, а я все не могла перестать думать об услышанном. Перед глазами так и стояла бесконечно красивая и при этом мерзко заносчивая сука-асраи, наверняка говорившая гадости о матери черноволосого мальчика с такими знакомыми резкими чертами в его

присутствии, спровоцировавшая его на срыв, а потом окрестившая чудовищем. Где, к хренам, в это время был его отец и почему позволял это?

– Арха ат, говорите? – бормотала я, катая это имя на языке, поглаживая его бока и слушая, как зародившееся тишайшее ворчание становится полноценным громогласным мурлыканьем. – Не будешь ты у меня Арха атом, уж прости!

– У-у-ур-р-р? – прозвучало более чем отчетливо вопросительно, и зверь повернул ко мне голову на мощной шее, едва не стукнув по лицу, потому что я тоже подняла в этот момент свою.

– Мне не нравится, говорю, – пояснила я, и на широкой плоской переносице образовались десятки складок, явно выражающие недоумение, но тут же исчезли, когда я потеряла по ним пальцами, а большие глаза довольно прищурились.

– Чудовище, Арха ат, – продолжала бубнить и исследовать ощущения, потирая мягкую нежно-ворсистую шкуру у глаз и на спинке носа. – Ну какое же ты чудовище? Ты мягкий, такой приятный на ощупь, просто прелесть! Бархат! Можно я буду звать тебя «Бархат»?

Зверь махнул огромной башкой, едва не стряхнув меня, и громко чихнул. А потом посмотрел так, что мне не нужно было переводчиков со звериного на человеческий, чтобы понять послание в его взгляде. Зови, как хочешь, просто будь рядом! И я испытала жгучий стыд, потому что отвела глаза, оставив эту искреннюю мольбу без ответа. Разве есть смысл говорить, что это не только между моим Бархатом и мною? Разве вообще нормально хотеть остаться в этом моменте времени, просто согреваясь теплом зверя, который, по сути, и есть тот самый мужчина, что, кажется, задался целью сломать меня во что бы то ни стало?

– Ба-арха-ат, – с сожалением протянула я, соскальзывая с него, поднимаясь на ноги и отворачиваясь. – Плевать на все, с тобой без сомнений осталась бы в этом мире и наверняка не пожалела бы никогда! Научилась бы жить заново, не вспоминая о том, что оставила позади. Как вы можете быть настолько разными? Как один может без единого слова лечить душу и дарить безопасность, а другой ранить каждым словом?

– Неужели каждым? – хриплый, ломкий голос Грегордиана заставил вздрогнуть, но я не обернулась, боясь прочесть в его глазах, сколько он слышал.

– Я говорила не с тобой, архонт Грегордиан!

– Вообще-то всегда со мной, – его возражение было лишено гнева. – И не нужно добавлять титул, когда мы наедине.

– Как прикажешь. – Ничего не смогла поделать с тем, что в моем голосе послышалось лягганье замков, на которые закрылась моя душа в ожидании нового раунда противостояния.

– Я умею не только приказывать, – прозвучало так непривычно задумчиво для деспота, что я все же бросила взгляд через плечо. – Умел.

– В самом деле? – сначала фыркнула я, но, уловив краткий всполох уязвимости в серых глазах, застыдилась своей насмешки. Что я действительно знаю о нем, какое имею право судить?

– Думаю, когда-то правда умел.

Не желая больше выдавать свои эмоции, потому что просто предсказать не могла, какой будет на них реакция, снова повернулась спиной и посмотрела на Тахейн Глифф, хотя все происходящее внизу не доходило до моего сознания.

– Мне пора, Эдна, – все еще глухо произнес деспот, и я вдруг ощутила дыхание на своей шее, а его распростертая ладонь легла мне на живот, вынуждая кратко прижаться. И я подчинилась. Потому что хотела этого. Его такого, как сейчас, настолько близко ко мне, что между нами, казалось, не было расстояния во всех смыслах.

– Вечером праздничный пир по поводу победы над драконами. Я хочу, чтобы ты была на нем рядом со мной. Прикажи Лугусу обеспечить тебя всем необходимым и поменьше трещать, обсасывая сплетни, которым уже целая вечность.

И спустя мгновение наш контакт исчез, а я оглянулась лишь для того, чтобы заметить край его рубахи, мелькнувшей, когда он спрыгнул уже на своем балконе.

Ну, естественно, не «согласилась бы ты составить мне компанию» или «как насчет поужинать на людях». Да и Бог с ним! Учитывая предыдущие события, приглашение могло быть и гораздо менее цивилизованным.

Глава 7

Проклятая улыбка! Эдна же ею в одно мгновение заживо его вскрыла, без малейших усилий добравшись до веревок из чистого железа, плотно опутавших и держащих в целости его душу, и небрежным легким движением будто срезала множество из них. И от этого в его груди моментально стало тесно и больно, как когда-то давно, а ведь он запретил себе даже помнить о том моменте жизни, когда проявил себя как уязвимый, доверчивый слабак. Только полный идиот желал бы повторения столь унижительного опыта, а он, слава Богине, не такой! И все же в ту секунду, глядя на Эдну, деспот не мог думать ни о чем, кроме как продлить, сохранить, повторить это мягкое восхитительное сияние ее свободной, расслабленной улыбки. Словно вся ее кожа стала излучать теплый, ласкающий его жестко стянутое нутро свет, чьи микроскопические лучистые, золотистые капли задрожали на кончике каждой ее ресницы, на любом мельчайшем волоске на ее коже, срываясь и заполняя воздух между ними, врываясь в его легкие флюидами шокирующего замешательства и... счастья? Грегордиан тряхнул головой, отмахиваясь от этой чуши. Ему следовало запретить ей эти проклятые, делающие его будто слабоумным улыбки, а не требовать повторения!

– Могу я узнать, стоит ли всем собравшимся в зале приемов ждать твоего появления, мой архонт? – столкнувшись с шагающим по коридору в абсолютно противоположную сторону деспотом, Алево тут же увязался следом. И полноценный ответный оскал в качестве открытой демонстрации раздражения, естественно, не отпугнул его. С этим упрямым асраи устрашающие всех гримасы Грегордиана никогда не срабатывали. И это всегда одновременно злило и радовало архонта. Алево вечно был точно его неуместная, но неизбежная совесть плюс здравомыслие. Как ими ни швыряйся и сколько ни затыкай, они все равно липнут и сверлят мозг.

– Не стоит, – рыкнул деспот, но спустя секунду уточнил с тяжким вздохом: – Если, конечно, нет ничего мега неотложного.

Сейчас он совершенно не был готов выслушивать чье-либо нытье и разбираться в проблемах. Не тогда, когда сам с собой не мог прийти к согласию и, кажется, окончательно потерял контроль над второй ипостасью. Подспудный протест и недовольство зверя из-за обращения с Эдной превратились в открытое противоборство. Зверь поднимался к самой его коже, едва Грегордиан приближался к этой несносной женщине. Он принимался нагло угрожать ему и рваться наружу, стоило ей лишь чуть нахмурить брови. И бешено бросался в атаку, опрокидывая его сопротивление, как только от Эдны начинал исходить запах гнева или, не дай Богиня, страха или боли. Это началось не сегодня, и сперваа было просто раздражающей помехой, с которой деспот без особых проблем справлялся, но, очевидно, зря он отнесся к этому легкомысленно. И вот теперь он был намерен исправить свое упущение и напомнить зверю, кто же тут главный. И плевать, насколько погано от этого становилось на душе.

– В принципе, ничего... если не считать очередной приезд монны Брид событием, требующим твоего немедленного внимания. Она сама уж точно так считает.

Грегордиан скосился на спутника, но выражение лица того оставалось непробиваемо нейтральным, хоть деспот мог поклясться, что засранцу-другу чрезвычайно нравилось изводить его этой обязательной, связанной с его положением ересью. Вот с чего он должен был соблюдать вежливость со всеми этими придворными посетителями, он что, их звал в свои пределы? Хотя не сказать, что как хозяин и правда образец радушия, но ведь и они все являлись сюда совсем не потому, что обожали его тайно или явно.

– Ар-р-р! – досадливо закатил глаза деспот и прибавил шагу, свернув в один из боковых коридоров. – Зачем на этот раз она притащила сюда свою великолепно-заносчивую задницу?

– Ну как же! Поздравить тебя с отражением атаки драконов, например, – усмехнулся блондин, и не думая отставать.

– В таком случае она не по адресу. Пусть поздравит тебя. Во всех возможных смыслах!
– Я не архонт Приграничья и не интересую ее во всех смыслах, разве что в одном, – цинично скривившись, отмахнулся Алево.

– И чего этой... и другим таким же не сидится в столице?

– Но это-то понятно. Не считая обычных причин, Тахейн Глифф сейчас – главный источник новостей в государстве. Появление взрослого голема, захват драконьего принца, последующая успешно отбитая атака, и это уже не говоря о небывалом – организованной засаде огромной стаи ногглов, состоящей, к слову, из одних молодых самцов! – загибая длинные пальцы, перечислил блондин.

– Узнал бы, кто о последнем язык распустил, – выпотрошил бы заживо. Неоднократно! – оскалился Грегордиан, будто этот самый болтун уже стоял перед ним.

– Грегордиан, такое невозможно утаить, как ни старайся, – тут же став серьезным, ответил Алево. – Информация слишком значимая и пугающая, согласись. О том, что самцы ногглов не сбиваются в стаи без главной самки, знаешь ты, я и все вокруг. А тем более в такие огромные.

– Знаю, друг мой. Как и то, что эти твари всегда считались не поддающимися приручению и обучению. Но у анхен они напали на нас организованно, будто по команде, в этом поклясться могу, – отрывисто пробормотал Грегордиан. – И все же я хотел бы сначала разобраться, с чем имеем дело, а потом уже позволять узнать о случившемся кому-то за моими пределами.

– Ничего уже не поделать с тем, что новость не удержалась в Тахейн Глиффе и достигла столицы. А там ее не только просто приняли к сведению, но и прореагировали.

– Что ты имеешь в виду? – Грегордиан притормозил.

– Ну хотя бы то что дражайшая монна Брид прибыла в сопровождении почти двух десятков молодых и горячих асраи и высокородных хийсов, у которых на лбу написано, что эти столичные придурки мечтают о скорой ратной славе.

– Ну-ну, я им эту славу живо организую! – презрительно скривился Грегордиан. – Устрою дворовым брауни несколько дней выходных, а их отправлю стойла юд выгребать.

– Тогда, думаю, три четверти этих новобранцев умчатся отсюда с первым же попутным судном, – тихо рассмеялся Алево.

– Ты не умчался, когда мой отец с тобой такое проделал и много чего еще.

– Я был юным амбициозным дурнем, действительно желающим сражений и суровых будней жизни Приграничья, – немного грустно покачал головой Алево.

– Ну вот пусть и среди этих останутся только реально желающие драться, а не те, кто обделается, увидев ноггла вблизи, не говоря уже о драконах, – отмахнулся деспот.

– Обделаются все, на самом деле, и тебе это известно, – упрямо возразил Алево.

– Верно! Только одни, обделавшись, найдут в себе силы сражаться, а другие будут визжать и путаться под ногами, мешая остальным. Так что чем быстрее они уберутся с дороги, тем лучше! – рубанул по воздуху рукой деспот, показывая, что тема закрыта. – Но, однако же, это никак не приближает меня к пониманию, зачем монна Брид явилась, если в столице создалось впечатление, что тут опасно?

– Смутное время – как раз то, что нужно, чтобы быстренько подставить тебе изящное плечо для опоры после сражения, а мягкую грудь для утешения и отвлечения от боли ран и заодно запустить алчные ручонки по локти в местные богатства в качестве компенсации за заботу, – пояснил асраи.

– Какой ты циничный, друг мой, – насмешливо фыркнул деспот. – А вдруг она бескорыстна и искренне в меня влюблена?

– Само собой, Грегордиан! – в тон ему ответил помощник. – Каждая из них видит себя в роли настоящей хозяйки такого злчного местечка, как твой Тахейн Глифф, на то время, что она решит почтить его своим проживанием. И не важно, сколько раз та же монна Брид будет уезжать ни с чем, все равно станет пытаться снова. В Илве никто из них не усматривает

ничего более чем сосуд для вынашивания твоего наследника, а в своей неотразимости монны асраи уверены, как никто в нашем мире. И им просто невдомек, что никаких шансов у них нет совсем не из-за Илвы.

Грегордиан развернулся мгновенно, оказавшись с другом и помощником нос к носу.

– Что ты хочешь этим сказать? – зарычал он ему в лицо.

– Только то, что ты терпеть не можешь вздорных бабенок моей расы, и у них нет шансов застолбить постоянное местечко в твоей постели, а значит, и залезть в казну Тахейн Глиффа! – примирительно поднял ладони асраи.

Деспот отвернулся и продолжил свой путь так же стремительно, как и раньше, невнятно бормоча себе под нос про изворотливых, как ледяные змеи, асраи.

– Ты не расскажешь мне, куда мы идем? – спросил Алево, после очередного поворота опять пристроившись рядом.

– Я иду в свои старые покои, – ответил Грегордиан, недовольно зыркнув на прилипчивого спутника. – А ты, очевидно, пользуешься моментом досадить мне очередным разговором по душам.

Архонт, добравшись до крутой узкой лестницы, практически сбежал по ней вниз, преследуемый по пятам Алево.

– Нет! Моя миссия по доведению тебя до кипения на сегодня исчерпана сообщением о приезде монны Брид, – оптимистично заявил асраи, на что деспот скептически фыркнул.

– Да неужели? А я-то думал, что твоя фантазия и предприимчивость на данном поприще неистощимы, – пробормотал Грегордиан, скользя взглядом по простым дверям из толстого потемневшего дерева, на которых едва уже можно было разглядеть личные запирающие знаки бывших владельцев.

Архонт не был в этой части замка несколько десятилетий, если не больше, да и вообще здесь больше никто не жил. И хотя брауни поддерживали чистоту, тут буквально пахло запустением. А ведь когда-то было более чем оживленно. Его отец не считал нужным селить едва прибывающих в его войско высокородных юных новобранцев в верхних роскошных покоях, пока они не проявят себя настоящими воинами. Не заслуживали этой привилегии и его сыновья.

– Ну, день ведь только начался, мой архонт, так что все еще может быть, – насмешливое замечание Алево отогнало его задумчивость, напоминая деспоту, зачем он спустился сюда сейчас.

– И что, ни единого слова о том, что я приказал готовить покои для Илвы в южной башне и что об этом шепчется весь Тахейн Глифф? – едва глянув на спутника, Грегордиан продолжил путь.

– А что тут скажешь? Ей же надо будет где-то жить и весьма скоро, учитывая, что я получил положительный ответ от гоета Остадара. И если в твоей башне больше нет свободных покоев, то весьма предусмотрительно подготовить другие. А вот какие и где – это только тебе решать.

– Этот Остадар... насколько он хорош? – нахмурился деспот, ощущая, как все мускулы вдоль позвоночника натягиваются от того, как напрягся его зверь.

– О нем мало что известно. Весьма мрачная и замкнутая личность. Большую часть жизни проводит в неприступных горах. Живет в целом лабиринте пещер, где найти его можно, только если он сам захочет, – пояснил Алево, и Грегордиану почему-то не понравился его тон.

– И с чего же ты решил, что он именно тот, кто сделает то, что я хочу?

– Может, с того, что он единственный, кто согласился взяться, ознакомившись с твоими требованиями? – несмотря на слова, больше в голосе асраи не было и намека на недавнюю иронию.

– В Закатном государстве перевелись желающие щедрой награды гоеты? – зверь раздражался все больше, и это передавалось и самому Грегордиану.

– В Закатном государстве их более чем предостаточно, они никогда не переведутся. Но сплетни разлетаются быстро, а, учитывая, что ты сделал с двумя неудачниками, пытавшимися лечить Эдну, и твои запросы, желающих поставить свою голову против пусть чрезвычайно щедрой награды больше не нашлось.

– Ты меня разыгрываешь, друг мой? – повернувшись к Алево, архонт угрожающе прищурился.

– Я не стал бы, Грегордиан. Уж не в этом точно. И совсем не потому, что боюсь твоего гнева, – тянущее тревожное чувство внутри усилилось от озабоченного вида Алево. – Хотел бы я иметь целый список претендентов, но реальность такова, что у нас есть лишь один волшебник, готовый попробовать. И то не факт, что у него получится. И об этом я говорил тебе с самого начала.

Говорил. Предупреждал обо всех рисках, и деспот оценил их и принял свое решение, менять которое не намерен, да и не смог бы, даже если бы и хотел. Вот только почему сейчас, когда все начинает обретать вполне конкретные очертания, Грегордиану кажется, что ему всадили клинок в позвоночник, и он едва может переставлять ноги?

– Что же... всегда лучше знать, на что можешь рассчитывать. Когда он сможет приехать? – Ему ведь не было сейчас больно? Уж точно не всерьез!

– Через семь дней.

Деспот просто продолжил идти, хотя собственные движения вдруг показались бесконечно замедленными и требующими дикого напряжения, будто он проталкивал свое тело сквозь камень. Семь дней... Семь дней и ночей... Может, восемь... И это все? После он или получит все, как хочет, или...

– Мне послать за твоей невестой? – звук голоса Алево сейчас резанул по нервам так, что деспот едва сдержался, чтобы не напасть на друга.

– Посылай, – ответил Грегордиан после долгой паузы, остановившись наконец перед нужной дверью.

Он хлопнул ладонью по своему старому отпирающему знаку, и, несмотря на время, прошедшее в бездействии, замок тут же открылся. Грегордиан уперся рукой в дверной косяк, не столько перекрывая Алево вход, сколько неожиданно нуждаясь в опоре. Зверь неистовствовал и буквально рвал его изнутри, отравляя кровь чувством вины словно концентрированной кислотой. Но, во имя Богини, за что ему испытывать стыд? Разве все не шло именно так, как надо? Просто глупый монстр помешался на Эдне. Она, лаская и поглаживая, умудрилась добраться до его сердца и стиснула его в кулак. А значит, к проклятым созданиям его зверя с его мнением!

– Уходи! – сказал деспот Алево, не намереваясь делать его свидетелем дальнейшего.

– Что же тебе понадобилось в твоих старых покоях? – асраи не пытался войти, но, естественно, просто уходить не собирался. – Разве не все из них было перенесено в новые?

– Все, что я счел нужным тогда, – прямой тяжелый взгляд Грегордиана предостерег Алево от дальнейших расспросов, и тот явно нехотя отступил.

– Раньше чем сделаешь что-то, мой архонт, подумай, очень хорошо подумай о возможных последствиях, – пробормотал асраи, прежде чем окончательно отстать от него.

А он и подумал, а сейчас был еще более уверен в том, что поступает правильно. Грегордиан захлопнул дверь и оглядел аскетично обставленную комнату, практически келью. Голые камни, никаких ковров и гобеленов, узкая жесткая постель, небольшое окно. Когда-то стены здесь были увешаны оружием, которое он добыл в сотнях тренировочных, но очень жестоких поединков со своими бывшими соседями по этому коридору замка, а после и с более старшими воинами отца, жившими в разы роскошнее, чем он сам тогда. Сейчас деспот в бою никогда уже не пользуется ничем, кроме своего тела в обеих ипостасях, но хранит свои трофеи, как память

о собственном взрослении. Однако он пришел сюда не поностальгировать о прошлом, когда его главной проблемой было заслужить краткую вспышку одобрения в глазах отца, ради чего он был готов выйти против любого противника. Каким же тщеславным и наивным был он тогда!

Встав на колени, Грегордиан вытащил из-под кровати небольшой сундук и нашарил под тонким матрасом ключ. Кривясь, как от боли, и игнорируя панику и упреки зверя, он достал единственный предмет, хранившийся под замком. В тусклом свете блеснул очень широкий браслет, почти наручъ, испещренный сплошной вязью магических знаков. Грегордиан знал, что он из железа, но благодаря искусной работе и магии артефакт был мягким, словно хорошо выделанная кожа. Он нарочно не забрал его, когда перебирался в бывшие покои отца, потому что просто никогда не хотел больше видеть ненавистный предмет, и вот пришел за ним сам и намеревался снова надеть, без всякого принуждения. Зверь вдруг затих, перестал протестовать и биться, но от этого стало только хуже. От него теперь мощной волной исходила волна отвращения и презрения.

– Ты сам виноват! – вслух огрызнулся Грегордиан, надевая артефакт на запястье. – То, что между мной и Эдной, тебя не касается! Ты лишний! И раз не понимаешь, то придется тебе объяснить старым методом!

Сотни тонких иголок впились в плоть деспота, принося жуткую боль и заставляя обе ипостаси забиться в краткой агонии. Богиня, он успел забыть, как же это мучительно. Но плевать. Если случится так, что его Эдне осталось быть такой, какая она сейчас, считанные дни, то он желает провести их, владея ею полностью и единолично.

Глава 8

– Рады видеть тебя снова на ногах, монна Эдна! – совсем чуть склонили патлатые головы здоровенные пирсингованные серокожие воины.

Прозвучали они в унисон, да и выглядели, по мне, совершенно одинаково, если только не присматриваться и не считать разнообразные бесчисленные серебряные колечки во всех выдающихся частях тела. Ух, все-таки выйти в коридор, едва приведя свои чувства в порядок после столь насыщенного общения с обеими ипостасями Грегордиана, и тут же нарваться на этих двух демонического вида громадин было... освежающе прямо. Привыкай, Аня!

– Спасибо огромное, э-э-э... – Мужчины? Господа? Молодые люди? Старушка, блин, нашлась.

Хийсы внимательно смотрели на меня, подергивая кончиками пушистых хвостов, и явно помогать мне не собирались или просто не понимали, о чем я.

– Как принято здесь обращаться к мужчинам? – тогда напрямую спросила я, наблюдая за тем, как расширяются и сужаются их вертикальные зрачки. Я не расистка, но как же хорошо, что не встречала никого подобного в своей прошлой жизни. Хотя, конечно, куда этим двоим до деспота с его бросающей в дрожь энергетикой.

– У каждой расы по-своему, монна Эдна. Если есть титул – по нему, – проконсультировал меня тот, что повыше и слева.

– Если нет, то просто моран или по имени, – продолжил его почти близнец справа.

– То есть мне вас звать... – подняла я одну бровь.

– Иму, – склонил голову правый.

– Като, – повторил его жест стоящий слева.

– Я запомню, – пообещала я. Осталось только понять, как отличать одного от другого.

– Ты уже готова, монна Эдна? – вынырнул как ниоткуда Лугус, строго и предупреждающе зыкнул на воинов-хийсов. – Вам следовало тут же позвать меня!

Прозвучало это как-то нервно-ревниво, и я удивленно подняла брови, глядя на хийсов из-за спины вставшего между нами брауни. Назвавшийся Като неожиданно ответил мне подмигиванием и гримасой, делающей его очень похожим на какого-то вредливого мальчишку. Я аж моргнула в удивлении. Здоровенный детина за два метра ростом с весьма устрашающего вида клыками наружу корчил рожи подобно школьнику. Бедная моя психика!

– Я только что собиралась это сделать, – пояснила я Лугусу.

– Это упрек совсем не в твой адрес, монна Эдна! – резко повернулся ко мне брауни. – Это им следует соблюдать дистанцию!

– Мы знаем, как нужно вести себя, брауни! – рыкнул Като, и в коридоре будто похолодало.

– Эй, Лугус, я сама обратилась к ним с вопросом, в чем проблема? – Ну еще мне не хватало, чтобы на первой же прогулке мои сопровождающие скалились друг на друга. Хватит с меня агрессии!

– Ни в чем! – тут же сдупся Лугус, хоть и продолжал хмуриться. – Я только надеялся, что у нас будет минутка для более тщательного изучения твоих требований к повседневной и праздничной одежде.

Он продемонстрировал мне нечто вроде альбома с листами из тончайшей, чуть желтоватой бумаги. К сверкающему камнями переплету на изящной блестящей цепочке крепилось нечто вроде серебряного стилуса. В общем, вещица выглядела гламурно-девчачье и в руках довольно высокого костлявого Лугуса смотрелась нелепо. Я озадачено потеряла переносицу. Схемы и расчеты всегда давались мне как-то намного лучше рисования. А с другой стороны, откуда кому-то знать, чего ты хочешь, если сама не растолкуешь просто и доходчиво?

– Может, мы тогда оставим это внутри, и я потом попробую изобразить нужное?

– Монна Эдна, но мне нужно достойно собрать тебя к сегодняшнему ужину! – напомнил брауни с легкой досадой. – И мне совсем бы не хотелось из-за этого подвергнуться гневу нашего архонта.

– Он что, так придирчив к нарядам сопровождающих его дам? – удивилась я, а хийсы тихо фыркнули.

– Нашему архонту глубоко наплевать на это, – осуждающе покосился на них Лугус. – Не думаю, что он раньше вообще замечал, во что одеты монны вокруг него. Меня волнует, что останешься недовольной ты, а если архонт это поймет, не поздоровится никому. Он терпеть не может, когда его приказы выполняют плохо.

– Ладно, я все поняла, Лугус. Тогда давай так. Ты подберешь мне нечто на свой вкус на вечер, и я обещаю, что буду довольна, если только это будет непрозрачно и без прорех, количество которых превышает площадь самой ткани. Ты столько лет вращался в разношерстном и весьма капризном женском обществе, что в твоём вкусе и умении угодить я не сомневаюсь.

– То есть ты полностью доверяешь мне выбор? – выглядел он по меньшей мере удивленным.

– Почему нет? Ты знаешь веяния местной моды и как стоит одеться по тому или иному поводу, а я нет. Логично с моей стороны положиться на профи. – Тем более что ты заинтересован в том, чтобы все прошло хорошо гораздо больше меня самой.

– Спасибо, монна Эдна, – Лугус натуральным образом польщенно потупил свои шоколадные глазщицы.

– Ну, раз мы все решили, то можем уже пойти гулять?

– Что ты хотела бы увидеть первым? – тут же вмешался один из хийсов и заработал раздраженный взгляд от Лугуса, на который ответил оскалом.

– Я хочу видеть все! Но думаю, стоит начать с самого замка.

– Да что тут особенно смотреть, – скривился Като. – Вряд ли тебе интересна местная кухня или бесконечные коридоры. Тахейн Глифф гораздо интереснее снаружи, чем внутри.

Ну уж нет. Мне как-то за всю жизнь не случилось и в своем-то мире побывать в настоящем замке, так что черта с два я упущу возможность облазить все здесь. Тем более что тщательное изучение всей здешней архитектуры, входов-выходов, укромных углов и распорядка жизни рано или поздно окажется мне так или иначе полезным. Даже если и решила попробовать сделать свое пребывание рядом с Грегордианом сносным, это совсем не значит, что в какой-то момент я не захочу бежать отсюда пусть даже в никуда. Рядом с деспотом нужно быть готовой ко всему.

– На самом деле, я хочу увидеть и кухню, и все скучные коридоры, и даже подземелье! – сообщила своим спутникам, собственно, и не рассчитывая, что это их обрадует.

– Э-э-эм, право на посещение подземелья нужно просить у самого архонта, – замялся Иму. – Но все остальное мы тебе с удовольствием покажем.

Вранье! Никакого удовольствия на лицах хийсов не наблюдалось, и они то и дело косились в окна, пока мы ходили по бесконечным лестницам, проходам и залам. Они только что не зевали, явно желая быть в каком угодно другом месте. Но вот Лугус оказался прекрасным экскурсоводом и довольно неплохим рассказчиком и увлеченно вещал мне, какую из частей замка построил или переделывал тот или иной предок Грегордиана. Я же, к сожалению, многое упускала, стараясь больше запомнить повороты и куда ведет очередной коридор, нежели вникнуть в историю местной архитектуры. К тому же очень отвлекало общее охватившее меня ощущение бездны времени, отделяющей меня от всех этих существ, причастных к тому, что просто камни стали здешними стенами. Обычно людей восхищает и завораживает старина, меня же она почему-то угнетала. Наверное, я все же слишком дитя своего века. Ладно, того, что привыкла считать своим. Остановившись, я коснулась пальцами шершавой буро-оранже-

вой поверхности, невольно задаваясь вопросом, насколько отличается жизненная временная система координат фейри от привычной мне.

– Лугус, а сколько живут фейри? – невежливо перебила я его рассказ о прадеде Грегордиана, приказавшем пристроить это пустующее сейчас крыло в то время, когда он собирал войнство для тотального очищения Приграничья от каких-то жутко расплодившихся тварей.

– Столько, сколько Богиня считает нужным отпустить нам, – проморгавшись, ответил он.

– Весьма туманный ответ, не находишь?

– Но правдивый, монна Эдна. Я не очень хорошо знаком с человеческим летоисчислением, но, насколько знаю, срок жизни фейри в среднем в десять раз дольше людского века.

– Под веком ты подразумеваешь столетие? – недоуменно уставилась на него я. Нет, я улавливала намеки в разговорах, что фейри живут дольше, но чтобы настолько!

– Да что-то около столетия у людей. Нам их отпущено примерно десять, – кивнул брауни. – Но крайне редко кто-то из нас доживает до старости и умирает по естественным причинам.

Ну, в таком мире это и не удивительно. Я посмотрела на хийсов, уже откровенно прилипших к окнам и нисколько не прислушивающихся к нашей беседе.

– А сколько этих самых людских веков прожил архонт Грегордиан?

– Около трех.

Осознание этой информации заняло у меня некоторое время, и неожиданно бывшее неплохим настроение стремительно покатилося вниз. Думать о том, что мужчина, на котором так болезненно закована твоя жизнь, родился настолько задолго до тебя, угнетало. Но гораздо больнее пронзило понимание, что он будет продолжать жить еще долго-долго после того, как меня не станет и даже кости мои в земле истлеют. Странно ли тогда такое его ко мне отношение? Ведь выходит, что моя целая жизнь – для него лишь эпизод, один из многих? Но в таком случае разве его требование отдать в его безраздельное распоряжение даже это краткое время, что мне отпущено, не выглядит в десятки раз более жестоким, чем прежде? Хотя о чем это ты, Аня? Признайся честно: именно то, что вся ты, со всеми страстями и эмоциями, лишь проходящий момент в его жизни почему-то жалит в самое сердце. Ты действительно стала безумна в этом сумасшедшем мире, и дальше только хуже. Стало вдруг тошно смотреть и на эти проклятые древние камни, и слушать истории, словно они лишнее напоминание о скоротечности моего времени относительно всего живущего и существующего в этом долбаном мире Старших.

– Монна Эдна? – наверное, выражение лица у меня было то еще, раз Лугус выглядел таким встревоженным. – Прогулка утомила тебя?

Меня дико утомила собственная неспособность огордиться от вечно все портящих мыслей! Что за дурацкая черта находить во всем дерьмовую сторону, тем более что осознание степени паршивости ситуации никак не облегчает моей участи в целом? Решила же для себя искать положительные моменты, до тех пор хотя бы, пока не забрезжит какой-то реальный выход. И вот опять умудрилась в минуту накрутить себя.

– Да! Так этого заносчивого ублюдка! – неожиданно рявкнул один из хийсов, и они оба заржали так громогласно, что эхо испуганно заметалось по пустому крылу замка.

Они не отрываясь смотрели в окна и что-то оживленно обсуждали. Ведомая любопытством, я тоже подошла и выглянула наружу. Выходило оно в какой-то внутренний двор или тренировочную площадку, учитывая собравшееся там число воинов. В самом центре этого скопища был обнаженный по пояс безоружный Грегордиан, окруженный кольцом из двух десятков фейри, у которых разве что в зубах оружия не было. И все они атаковали архонта, нисколько не стесняясь применять весь свой арсенал.

Как раз в тот момент, как я сообразила, что происходит, сразу трое – один хийс и двое асраи – бросились вперед с таким озлобленным видом, будто были намерены немедленно выпо-

трошить Грегордиана. У меня сердце грохнулось об ребра и замерло, словно не собираясь больше биться, а вопль застрял в горле. Однако мгновение спустя вся троица уже разлетелась в стороны, как мешки с пылью, врезаясь в ряды остальных нападающих на деспота, а Грегордиан так и стоял в центре этого дурдома абсолютно невозмутимый и даже как будто слегка скучающий. «Мои» хийсы взорвались хохотом и одобрительными воплями и отпустили парочку комментариев в адрес потерпевших неудачу с упоминанием действий явно сексуального характера с какими-то неизвестными мне существами. А у меня почему-то в глазах противно защипало, и в горле запершило.

– Мне кажется, что наблюдать за этим – плохая идея, монна Эдна! – Лугус осторожно потянул меня за рукав, но я только отмахнулась.

Оторвать взгляд от Грегордиана сейчас было просто выше моих сил. Все нутро свело от мощного трепета, в природе которого я вряд ли могла дать себе отчет.

Толпа воинов внизу тоже пребывала в оживлении и прекрасном настроении. И это при том, что кольцо нападавших сжалось только плотнее. Что, к чертям, за воины такие у Грегордиана, что бездействуют и зубоскалят, пока их безоружного и полуголого правителя пытаются пошинковать какие-то вооруженные и облаченные в сверкающие доспехи придурки?

Следующая атака последовала, на мой взгляд, слишком быстро, и теперь парочка асраи попыталась достать Грегордиана со спины. Разве это честно? В этот раз я уже не смогла сдерживать крика, увидев, как лезвие короткого меча одного из них чиркнуло по боку деспота, оставляя кровавую отметину поверх старых белесых шрамов. И это не считая атакующих спереди клинков, метящихся в горло и живот их жертвы. Но, крутанувшись совершенно неуловимо для меня, Грегордиан отбросил и этих, а ранивший его остался неподвижно лежать у ног деспота. И все же выдохнуть с облегчением у меня не было возможности, потому что тут же на него навалились остальные, сразу все скопом, будто надеялись просто задавить его своей массой. Месиво из сверкающих золотом и серебром доспехов и размахивающих оружием рук полностью скрыло Грегордиана, и меня накрыло такой дикой паникой и удушьем, будто это я сейчас задыхалась под тяжестью десятков стремящихся убить меня тел. Я орала истошно и молотила в окно, проклиная всех этих стоящих в бездействии бездушных тварей. В глазах потемнело, и воздух вдруг исчез, и я едва осознавала, что продолжаю надрываться, потому что все еще не вижу в этом орущем скопище внизу проклятого архонта. Чистейшее концентрированное отчаяние затопило мой разум, не оставляя ни малейшего места для адекватности. Мне невыносимо нужно было оказаться там внизу, расшвырять всех и выгрызть зубами дорогу к Грегордиану, угробить к чертям каждого, кто сейчас топтал и кромсал его, и в это мгновение я ощущала в себе силы для подобного. Не имели значения ни резкая боль, ни липкая влага на ладонях и запястьях, ни встревоженные голоса рядом, ни даже крепкий захват чьих-то рук, пытавшихся оттащить меня от окна. Я боролась, будто озверев, и, извернувшись, вцепилась зубами в серое предплечье одного из хийсов, пытавшегося унять меня.

– Сволочи! Отпустите! Отвалите от меня! Идите помогите ему! – хрипела я, захлебываясь слезами. – Что же вы за твари-то такие!

Звон и грохот падающей внутрь рамы – и меня тут же отпустили так резко, что я, пошатнувшись, врезалась плечом в стену.

– Что здесь происходит?! – Грегордиан прыгнул на пол, и осколки стекла закричали у него под ногами, когда он стремительно шагнул ко мне и замершим не дыша за моей спиной хийсам и Лугусу.

Я же, жадно хватая воздух, шарила по нему взглядом, ища все те жуткие повреждения, что, на мой взгляд, должны были обязательно быть после того, что я видела внизу. Но, не считая нескольких порезов на торсе и руках и кривой отметины на здоровой щеке, ничего не обнаруживалось. Я, не в состоянии доверять собственному зрению, зажмурившись, потрясла головой и снова уставилась на деспота. Да, он выглядел пугающе – весь покрытый кровавыми

разводами и с этим «убью всех на хрен» взглядом, но не был при смерти или даже сколько-то серьезно ранен.

– Я спросил, что, во имя Богини, здесь происходит! – уже абсолютно выходя из себя, рывкнул Грегордиан, пройдясь по мне ответным взглядом. Когда он достиг моих рук, то выражение его лица стало просто ужасающим.

– Монна Эдна наблюдала за твоим отбором новобранцев и что-то, очевидно, расстроило ее, – еле слышно промямлил Лугус.

Отбор новобранцев? Что, к чертям, за отбор такой?! Это было натуральное гребаное публичное убийство!

– Расстроило? – деспот прищурился едко-злобно и понизил голос, но от этого стал звучать только более жутко. – Настолько, что у нее теперь все руки в ранах?

– Наша вина и упущение! – пробухтел один из хийсов, но до меня уже постепенно дошло осознание. – Но в свое оправдание скажем, что хотели лишь развлечь ее.

Очевидно, я стала свидетельницей какого-то тренировочного боя или, бог его знает, каких проклятых тестов, и для всех, кроме меня, это было не более чем реальный повод повеселиться. Выходит, на самом деле не происходило ничего страшного, и моя реакция была по меньшей мере чрезмерной и идиотской. Но провалиться всем этим долбаным фейри на месте! Для меня же все было по-настоящему! Отчаянье и паника, минуту назад вывернувшие мне душу, сменились пронзительной обидой и бессильной злостью. И в этот момент я точно знала, кто главный источник всего дерьма, происходящего со мной.

– Ты! – зарычала я, ткнув в Грегордиана окровавленной рукой. – Я думала, что ты там умер! А ты, выходит, просто забавлялся, как и все остальные?

– Все прочь! – отрывисто отдал приказ деспот, и брауни, и хийсы буквально испарились. Но я едва ли это заметила, продолжая кипеть от ярости.

– Я тебя ненавижу! – сжав кулаки, я бросилась на Грегордиана, желая самостоятельно удушить его, раз с этим не справились те идиоты внизу. – Ненавижу! Всех вас! И мир ваш проклятуший! Все его законы и правила!

Деспот перехватил меня, что называется, на подлете и поймал за запястья чуть ниже порезов, удерживая и не давая добраться до себя, пока я бесилась и визжала, пиная его по ногам.

– Ненавижу-ненавижу-ненавижу-у-у! – выдохнувшись, уже просто завывала я спустя какое-то время.

Грегордиан же стоял совершенно неподвижно, без всяких усилий держа извивающуюся и лягающуюся меня, и только неотрывно смотрел в лицо без малейшего признака недавнего гнева или обещания скорой расплаты за столь дерзкое поведение. Наоборот, в его всегда холодных, будто вырезанных из чистого льда глазах появилось что-то... нет, не теплота, но словно ее призрачный предвестник. И от этого мои слезы лились только сильнее.

– Так ты обрадовалась или испугалась, когда решила, что они убили меня? – спросил он наконец, как только я хоть немного унялась и повисла в его захвате почти безвольно. Уголок его рта чуть приподнялся в едва уловимом намеке на улыбку, а голос прозвучал до странности мягко и даже как-то обволакивающе.

Ну да, ему еще и весело. Ну еще бы! В самый разгар общего веселья ты, Аня, добавила к нему оборотов своей смехотворной истерикой! Вот, наверное, будет теперь разговоров и поводов поржать! Да плевала я!

– А разве фразу «я ненавижу тебя» можно трактовать как-то по-разному? – Я, чувствуя себя полностью выдохшейся, окончательно обмякла и тут же скривилась от боли в кистях. – Отпусти!

Грегордиан так и сделал, правда тут же подхватил меня на руки и быстро зашагал по коридору.

– То есть ты, Эдна, билась в окно как одержимая, раня себя и осыпая всех словами, которые приличным дамам и знать-то не положено, только потому, что не могла сдержать радость от того, что меня прикончили? – Вот сейчас это был уже не намек на веселье, а откровенная насмешка.

– Конечно! – вздохнув и окончательно расслабившись в его руках, вяло огрызнулась я, прижимаясь щекой к его горячей перепачканной груди. – Я ведь мечтаю сделать это собственноручно! А никто не смеет лишать человека мечты.

Совсем скоро Грегордиан взбежал со мной по знакомой узкой лестнице и остановился в коридоре напротив дверей в свои покои.

– К тебе или ко мне? – ухмыльнувшись, спросил он, и это прозвучало как-то настолько... по-нормальному, что ли. Так, будто мы и правда два вполне себе обычных разумных индивидуума, решающих прозаичный вопрос, на чьей территории продолжить общение.

– Тебя интересует мое мнение? – У меня сейчас не было сил даже на полноценное удивление. Похоже, запас любой эмоциональной энергии временно был исчерпан.

– Я же спросил.

– Тогда мне сейчас все равно!

– Значит, ко мне, – решил Грегордиан, толкая ногой свою дверь.

Глава 9

Захлопнув ногой дверь, Грегордиан напрямик направился в свою черную купальню. Поставив все еще всхлипывающую и вздрагивающую меня на пол у стены с «живым» душем, он быстро и аккуратно разорвал мое платье от ворота до подола и такими же выверенными движениями разделался с рукавами. Очевидно, чтобы не тянуть через изрезанные кисти. Отбросив превратившееся в кусок тряпки платье в сторону, он не менее бесцеремонно и деловито уничтожил и белье. Потом быстро, но несуетливо разделся сам. Лицо его при этом было абсолютно непроницаемо. Обхватил меня рукой пониже талии так, что его здоровенная ладонь накрыла мою задницу, и, приподняв на бедре, как иногда делают при переноске детей, он перешел со мной в чашу под душем. Едва полившаяся вода добралась до моих рук, я заскулила от резкой щиплющей боли. Сам же деспот дискомфорт от попадания воды на раны выдал только одним резким глубоким вдохом. Мы просто стояли под потоком, позволяя ему смывать всю кровь. Грегордиан не делал ни единого движения, только смотрел на меня не отрываясь, неторопливо скользя взглядом ото лба к глазам и скулам, потом к губам, вдоль шеи и ключиц, ниже к груди. Из-за полностью лишённого эмоций взгляда это могло напоминать некую хозяйскую ревизию моего состояния, если бы я не чувствовала стремительно растущую у своего живота эрекцию. Возможно, в другое время ощутила бы себя неуютно от этого молчаливого визуального ощупывания, но сейчас была для этого слишком вымотана и поэтому позволила себе просто ответное открытое рассматривание. Так странно, что я не замечала до этого, насколько у него длинные и густые нижние ресницы, а в темно-серой радужке есть тончайшие извилистые росчерки густо-синего, почти черного.

– Этот твой дурацкий отбор... – пробормотала я, не надеясь особо на ответ. – Зачем так рисковать?

– Не было никакого риска, – чуть двинул плечом Грегордиан.

– Тебя ранили! – указала я на очевидное.

– Слегка поцарапали, – небрежно хмыкнул он. – За всю историю Тахейн Глиффа лишь одного моего предка убили и одного ранили во время отборов.

– О, это, конечно, убеждает меня в совершенной безопасности данного абсолютно бессмысленного мероприятия! – Я даже не задумалась над тем, что, продолжая тему, могу перейти призрачные границы его терпения.

– Никто не станет служить слабому лидеру, Эдна! Так что смысл есть, и он более чем очевиден.

Ненавижу этот гребаный мир и его законы. Ну я ведь это уже говорила, да?

– Что за веселье быть чертовым правителем чего-то там, если нужно постоянно подвергать свою задницу риску? – я не столько спрашивала, сколько просто ворчала себе под нос.

Деспот ничего не ответил, и мы просто продолжили стоять там еще так долго, что я начала ощущать прилив сонливости из-за звука и прикосновения бесконечно льющейся воды, но гораздо больше от столь непривычной ауры полной расслабленности, исходящей от мужчины. Так ничего и не говоря, Грегордиан вышел из-под воды, когда счел нас достаточно чистыми. Его раны и порезы к тому времени совсем перестали кровоточить. После обычного мгновенного высушивания он отнес меня в спальню и усадил на край кровати, опускаясь напротив на корточки, и ничего не выходило поделаться с тем фактом, что не могла полностью игнорировать факт наличия у него стояка, демонстрируемого, впрочем, как всегда, бесстыдно-естественно.

– Ты со мной разговариваешь. – Я послушно сидела, упрямо стараясь глядеть ему только в лицо, пока он тщательно осматривал мои руки.

– А раньше разве я был нем? – усмехнулся деспот.

Ну, можно в каком-то смысле и так сказать.

– Почему мне нужно себя как-то искалечить, чтобы ты был таким? – не выдержав, я все же зевнула и шмыгнула носом.

– Вообще-то, за то, что ты нанесла себе вред, я намерен наказать и тебя, и тех, кто за тобой не уследил, – беззлобным ровным тоном произнес деспот, располагая мои руки вниз ладонями на моих же коленях. – И что ты подразумеваешь под «таким»?

Он, чуть нахмурившись, пристально смотрел мне в глаза и казался настолько заинтересованным в моем ответе, насколько это вообще возможно. У тебя, Аня, глюки от нервов.

– Заботишься обо мне, – однако ответила я, пойманная цепким захватом его внимательного взгляда. – Ведешь себя так, будто я тебе нужна, и тебе не совсем наплевать на то, что я чувствую.

Еще несколько секунд Грегордиан продолжал всматриваться в меня, будто определял степень серьезности сказанного, а потом, скривившись в ухмылке, вернулся к моим рукам, обрывая этот непривычный контакт.

– Не припоминаю, чтобы я упоминал когда-то, что ты мне не нужна. Я хочу тебя, Эдна. Думаю, это более чем очевидно, – кивнул он вниз на свою не спадающую эрекцию, и член, как бы соглашаясь с ним, дернулся у его живота, заставляя меня непроизвольно сглотнуть. Ну почему ни при каких проклятых обстоятельствах мне не удастся игнорировать его просто фатальную для меня сексуальную привлекательность? Где же чертова кнопка отключения у этого безумия?

– Чтобы удовлетворять меня, ты должна быть здорова, – продолжил раскладывать по полочкам в нужном ему порядке деспот, с каждым словом развеивая и без того призрачную и надуманную мною атмосферу романтики. – А так как я желаю не просто удовлетворения, которое могу получить в любой момент с кем угодно, а ответного желания, то, как мы выяснили, тебе нужно пребывать в хорошем настроении. Так что не вижу ничего нелогичного в своих действиях.

– Как только ты начинаешь говорить, то портишь все, что хоть немного кажется мне хорошим, – устало вздохнула я и просто откинулась на кровать, наплевав на вид, представший перед мужчиной. Ведь сам он не заморачивается. – Может, было бы и лучше, чтобы ты был немым.

– Хм. А мне казалось, что тебе как раз хотелось больше говорить со мной. Я что-то понял неверно, или ты считаешь, что придерживаться логики стоит только мне?

Никогда не думала, что я это однажды скажу.

– В задницу твою логику. Она делает все настолько гадким и безрадостным, что и жить не хочется.

Грегордиан тут же резко потянул меня за запястья, вынуждая снова сесть.

– В этом вопросе у тебя нет права голоса, и я тебе об этом уже говорил неоднократно! – он нахмурился и позволил отчетливо прорезаться гневным ноткам, но меня теперь было не так легко напугать.

– Ага, я помню. Сидеть-стоять-лежать и не сметь умереть без разрешения, – фыркнула я и подняла глаза к потолку. Иногда это было просто невыносимо – смотреть на него и желать одновременно исцеловать это обветренное лицо и выпарапать его глаза.

– Именно так, Эдна, – надавил Грегордиан голосом. – А теперь я намерен тебя вылечить, и ты не станешь бороться и примешь мою энергию.

– Зачем? – пожимаю я плечами. – Все и так до завтра заживет!

– Заживет. Но ты нужна мне на ужине уже сегодня. – Естественно, мелкий инцидент не повод менять план мероприятий, Аня. – Поэтому просто расслабься и прими, что даю.

Ага, это еще один из принципов построения этих «неотношений» между нами. Все, что получаю, должно исходить от него и отвергнуть предложенное нельзя.

– Ладно, – смирилась я. – Я все равно дико устала с тобой бороться!

Да и смысл упорствовать сейчас? Я что, хочу продлить собственные неудобство и боль?

– Ну так не делай этого больше. Какой смысл вести заведомо проигрышное противостояние, точно зная, что силы до такой степени не равны? – Несмотря на, казалось бы, прежний властный тон, мне почудились совершенно невозможные уговаривающие интонации.

Как будто это могло быть реально.

– Для меня он есть! Пока сопротивляюсь, не ощущаю себя окончательно сломанной тобой!

– Глупость! – небрежно отмахнулся Грегордиан. – Это называется отвергать очевидное! Тебе не выстоять против меня, Эдна! Я ведь даже как противника тебя не воспринимаю! Иначе стер бы в порошок давным-давно.

– Если это так, то почему ты все время пытаешься меня сломать?

Выражение его лица стало цинично-похотливым, и деспот прошелся по моему телу этим своим взглядом-прелюдией, от которого я начала отчетливо слышать каждый удар собственного ускоряющегося пульса.

– Ну, может, потому что ты мне нравишься стоящей на коленях или перегнутой через любой предмет мебели, выставляющей мое имя, – он плотно обхватил мои запястья и, наклонившись вперед, прижался лицом между грудями, потерялся губами, и мое тело тут же откликнулось теплом и мягким тянущим спазмом глубоко внутри. – Но подумай о другом. Если ты не борешься, то я и не ломаю! Попробуй научиться принимать, что даю, без сопротивления и откровеннее говорить о своих желаниях. И, может, тогда ты начнешь все чаще получать именно то, что хочешь ты.

Он шумно выдохнул прямо мне в кожу, снова почти неразличимо пробормотал что-то вроде «делюсь добровольно», и я ощутила проникающую боль и ожог, словно его дыхание просочилось сквозь мою кожу и плоть и потекло внутрь. В первое мгновение сжалась, отвергая это вторжение. Голубоватое свечение стало расплзаться на моей коже, будто натываясь на препятствие, и от этого жжение стало сильнее. Но потом я взяла себя в руки. Что, если я правда попробую? Сама, добровольно. Приму его в своем теле еще и таким образом. Всего один раз.

Зажмурив глаза, я мысленно будто убрала заслон, препятствующий его агрессивно прокладывающей себе дорогу энергии попасть внутрь. И это снова был шок. Не так, как первый раз, когда я вообще не знала, чего ожидать, да и, честно сказать, вообще попрощалась с жизнью. Это было как на мгновение бухнуться с головой в воду, которая обжигает каждую твою клетку изнутри и снаружи, вот только ты не понимаешь – жаром или холодом. Предельно интенсивно, но и проходящее почти молниеносно.

Я опустила свои прояснившиеся глаза – кожа моих рук была абсолютно целой. Грегордиан же встал и забрался на постель, а потом бесцеремонно подтянул меня к себе, прижимаясь сзади. Я замерла, ожидая от него и физического вторжения, но его не последовало, а мои глаза упорно закрывались.

– Спи, Эдна. К вечеру ты должна быть в форме, – тихо сказал деспот, все еще сохраняя полную неподвижность позади меня, и это почему-то ощущалось гораздо интимнее, чем наш прежний самый отвязный секс.

– Тебе разве не нужно пойти... ну, не знаю, убить кого-нибудь или нарычать на кого-то? – отключаясь, пробубнила я.

– Успею.

Но когда я проснулась, архонт собственной персоной все еще был тут. Он, конечно, не лежал рядом, но еще до того как открыла глаза или поняла, что смутный гул в моем сознании – это его голос в гостиной, я ощутила, что он по-прежнему находится в одном со мной пространстве. Словно какие-то нити, в хаотичном беспорядке растянутые между нами, работали по принципу паутины. Только один узелок шевельнулся, и тут же пошли вибрации к другому.

Я окончательно открыла глаза, взмахом ресниц прогоняя этот навеванный полудремой сюрреалистичный образ.

– Ну наконец-то, монна Эдна! – услышала сдавленно-радостный голос Лугуса, едва повернувшись, и проследила за беспорядочными на первый взгляд передвижениями брауни, который сутился в одном из углов огромной спальни.

Моргнув, я уставилась на его манипуляции, осознавая, что он раскладывает платье, и окончательно проснулась, вспоминая, что было до и что предстояло впереди. Из гостиной все так же доносились отрывистые вибрации голоса Грегордиана и гулко-монотонные увещевания, в которых я безошибочно угадала Алево.

– Проснулась? – спросил деспот, появляясь в поле моего зрения, и тут же бросил через плечо: – На сегодня достаточно споров, друг мой.

Он возник в дверях неожиданно, заставив снова всплыть образ этих сигнальных связующих нитей между нами и будто подтверждая его.

– Как прикажешь, мой архонт, – послышался ровный голос Алево, но самого асраи я так и не увидела. – Эдна, увидимся на ужине!

Щека Грегордиана чуть дернулась, но больше он никак не выразил своего недовольства.

– Ну, давай же, Лугус! – помахал он ладонью, подходя и плюхаясь на кровать рядом со мной. – Это ведь не должно быть долго?

– Монна Эдна! – тут же опять пришел в движение брауни, поднимая и демонстрируя мне одно из платьев – нечто мятно-зеленое с золотым шитьем по корсажу и вдоль подола. – Я приготовил несколько весьма достойных вариантов на твой выбор.

Я приподнялась, чтобы взглянуть поближе, но в этот момент Грегордиан подал голос:

– Нет! В этом она будет бледной, как при смерти! Пусть будет что-то белое с серебром! – его резкое замечание привело меня, мягко скажем, в замешательство, и аналогичное и даже более отчетливое выражение той же эмоции я увидела на лице Лугуса. Видимо, ему не часто случалось быть свидетелем участия архонта в выборе дамских нарядов.

– Э-э-эм, – к чести брауни он взял себя в руки почти мгновенно и, наклонившись, стал перебирать ткани. – Мой архонт, белого с серебром прямо сейчас нет! Но есть это.

Он поднял платье, ткань которого больше всего напоминала свежий снег в яркий солнечный морозный день. Тысячи крошечных радужных искорок вспыхивали на чисто белой поверхности при каждом движении.

Грегордиан раздраженно выдохнул за моей спиной, по всей видимости, собираясь высказаться совсем недружелюбно. Очевидно, любое отступление от его желаний имело свойство бесить нашего архонта, и я заметила, как задрожали руки Лугуса, державшего платье, а в огромных шоколадных глазах отразилась отчетливая паника. Ну да, облажаться перед деспотом дважды за один день – явный перебор, а уж зная его милейший характер, у кого хочешь поджилки затрясутся.

– Предполагалось, что выбор моей одежды все же останется за мной, – прочистив горло, как можно тише сказала я, ну, скажем, не обращаясь ни к кому конкретному. – И мне нравится это платье.

Повисла почти минутная пауза, во время которой бедный брауни напоминал оленя, застигнутого светом фар огромного грузовика посреди темной дороги.

– Ну раз так, то почему бы вам не начать уже шевелиться и не надеть эту тряпку! – недовольно фыркнув, проворчал деспот.

Лугус чуть не споткнулся, кинувшись ко мне с платьем в трясущихся руках. Они же не думали, что я стану одеваться при них обоих? То есть к самому факту никого не замораживающей наготы я немного привыкла, но – в самом деле – должны же быть хоть какие моменты уединения у женщины! Обернувшись простыней, я взяла у Лугуса платье и протянула руку:

– Белье! – получив желаемое, ушла в купальню.

– Эдна, поторопись! – крикнул через время Грегордиан, но ко мне не вломился.

Я же, совершенно проигнорировав его приказ, собиралась в прежнем темпе. Все же ткани были тут просто восхитительны и внешне, и по ощущениям. Зеркала в отличие от моей купальни не было, так что рассмотреть себя было невозможно. Грегордиан как раз застегивал рукава на необычного покроя рубашке, расхаживая по спальне, а Лугус нервно мялся в углу, когда я вернулась. Деспот замер, цепко осматривая меня с головы до ног. Брауни же не сводил с него глаз, будто ждал приговора.

– Меня все устраивает! – наконец вынес вердикт Грегордиан, продолжая стоять на месте, не меняя позы, вот только взгляд его быстро темнел, наполняя пространство между нами флюидами его агрессивного возбуждения.

– Прекрасно! – чуть не завопил Лугус, облегченно выдыхая. – Сейчас я позову слуг заняться твоими воло...

– Лугус, вон! – бесцеремонно перебивая его, рыкнул Грегордиан, все еще изображающий из себя изваяние.

– А? – секунду тот тупил, уставившись на деспота, но потом, прошептав: «Конечно, позже», шустро проскользнул мимо меня.

– Платье... хм-м... удачно, – мужчина, ухмыльнувшись, шагнул ко мне, взял за руку, резко потянул и, развернув, буквально швырнул на постель.

– Даже, я бы сказал, слишком удачно. – Он навис надо мной, опираясь на руки и не прижимаясь бедрами, но хищное трепетание его ноздрей, жадно ловящих мой запах, заявляли о его нарастающем возбуждении весьма красноречиво.

– Надеюсь, его не постигнет та же участь, что и предыдущее?

– Не прямо сейчас, – откровенно недобро усмехнулся деспот. – Но кое-что мы точно исправим.

Перенеся вес на одну руку, он потер большим пальцем другой мою нижнюю губу, глядя голодно и неотрывно, медленно втянул и царапнул зубами свою, будто желая найти на ней вкус, которого там не было. Как всегда, стремительно и неизбежно весь мир сократился до этого расстояния, разделявшего наши тела, а единственными звуками стали грохот моей крови в ушах и рваное ускоряющееся дыхание Грегордиана, так как сама я, кажется, перестала дышать вовсе. Возбуждение накатило на меня высоким приливом, безжалостное и такое же непобедимое, как природная стихия, захлестнуло с головой, и не было никакого проклятого шанса, что кто-то или что-то спасет меня от того, чтобы пойти камнем на дно собственной похоти. Не выдержав пытки неподвижностью, устроенной деспотом, я подняла руку, отчаянно желая коснуться его кожи, но он мгновенно отстранился, оскалившись, словно собирался укусить мои дрожащие пальцы.

– Не смей! – прохрипел он и резко сполз вниз, а в следующую секунду подол моего платья взлетел, скрывая его, и я лишилась белья.

Властным, почти грубым движением Грегордиан раздвинул мне ноги, втискивая между ними свои широченные плечи и, впившись до боли пальцами в бедра, потерял губами сразу же о клитор, заставляя мое тело забиться, как подключенное к оголенным проводам. Не было никаких поддразниваний или предупреждений «а сейчас будут, мать их, звезды!» Конечно нет, это же чертов деспот! Он и не ласкал-то в полном смысле слова, а требовал сдаться. Просто подносил к своему чертовски грешному рту и выпивал предназначенный ему одному кубок моей пьяной похоти. Облизывал, прикусывал, надавливал зубами, пока я заходила в столах и хрипах, колотя пятками и цепляясь за последние крохи здравомыслия. Но лишь до тех пор, пока он мне позволял. А потом с легкостью отправил за край, отстранившись почти сразу и пристально глядя, как меня трясет в посторгазменных судорогах. Грегордиан просто встал с постели, пока я еще лежала, разнесенная не то что в осколки – в пыль его ртом, и вернулся к возне со своей рубашкой, явно не собираясь продолжать.

– Какого черта сейчас было? – пробормотала я, с трудом вспоминая слова.

– В мире Младших это, думаю, называлось бы авансом к сегодняшней ночи, – покосился он на меня и провел тыльной стороной ладони по еще влажным губам, а потом облизнулся, ухмыляясь бесстыдно и подчеркнуто развратно. – Вот теперь брауни действительно стоит заняться твоими волосами. Жду тебя на ужине.

И, пройдясь по мне последний раз взглядом, в котором сквозило натуральное обещание сожрать с потрохами за тем самым ужином, он ушел, оставляя меня слегка оторопело пялиться ему в след и осознавать, что прямо сейчас мне офигенно хорошо. Просто хорошо, и все! И никакие демоны раскаяния или сожаления о слабости перед этим мужчиной не собирались накидываться на меня, едва удовольствие от момента схлынет.

Глава 10

– Нет-нет! – раздраженный голос Лугуса отвлек меня от мыслей о природе неожиданного... м-м-хм-м... альтруизма архонта Грегордиана в спальне. Было что-то в этом неправильное именно для него. Давать и не требовать ничего немедленно в ответ. Это вот совсем не про Грегордиана. Хотя... могу ли я утверждать, что вообще его знаю?

– Это не подходит сейчас, ты что, слепой? – продолжал отчитывать своего соплеменника брауни. – Не собирай и не поднимай ей волосы, просто укрась их!

Да уж, Лугус был явно весьма сильно озабочен моим внешним видом сегодня. Так, будто от этого зависели его репутация и жизнь. Хотя, если подумать, не так уж это и далеко от истины. Столь тщательный подход указывал на несомненную важность предстоящего мероприятия, и это напрягало меня. В качестве кого я там буду присутствовать? Как нормальная полноценная спутница архонта или как его личная живая игрушка, выставленная на всеобщее обозрение? Каковы правила поведения в обществе и непосредственно за столом?

– Лугус, а как много фейри будет на этом самом застолье? – решила не гадать, а прямо спросить я. В конце концов, он мне был как бы должен.

– Все нынешние воины архонта, их спутницы, если они сочтут нужным их привести, гости Тахейн Глиффа, коих архонт посчитал достойными чести быть приглашенными, и несколько новичков, прошедших недавний отбор, свидетельницей которого ты стала. – Ни единого комментария, во что это вылилось, от него не последовало, и за это я была благодарна. Не то чтобы я действительно стыдилась своего поведения, но и обсуждать и сам срыв, и все, что происходило после него, не хотела, как и знать, что об этом думают окружающие.

Брауни-парикмахер расчесал и что-то нанес на мои волосы, доведя их до блеска, после чего буквально высыпал сверху пригоршню мельчайших сверкающих камней, распределяя во всей длине, и они странным образом прикрепились, не утяжеляя и не сковывая. Разложив свободные пряди по плечам, он поднес зеркало, и я снова немного зависла, рассматривая некую новую версию меня. Раскованную, более изысканную. Но всмотреться в детали и задуматься над вроде минимальными, но меняющими все различиями мне не дал Лугус, велев мастеру убираться из-за спешки.

– А как мне следует вести себя там? – чуть поколебавшись, задала я следующий вопрос, когда брауни-парикмахер исчез, а Лугус повел меня на выход.

– На самом деле, я не знаю, что будет правильным, монна Эдна, – притормозив, ответил Лугус, выглядя немного смущенно. Похоже, он и сам-то толком не знал, что мне предстоит. – Могу посоветовать только полностью сосредоточиться на нашем архонте. Ты умная женщина и прекрасно понимаешь, что именно этого – твоего полного к себе внимания – он от тебя желает. Так что просто думай о том, что все остальные присутствующие не имеют для тебя никакого значения. Только он. И это должно работать.

– Ну что же... спасибо, – сказала, размышляя, что Лугус в чем-то прав со своим прагматичным советом, вот только и упускать возможность узнать нечто, способное пригодиться, я не могу себе позволить, а значит, полностью игнорировать присутствующих неумно. Да ладно! Ну не убьют же меня там, в самом деле, а с остальным я как-то справлюсь. Если что, у меня всегда есть милашка Бархат, и я могу спровоцировать его появление, если станет совсем худо.

– Тебе спасибо, монна Эдна, – буркнул он мне уже в спину, передавая стоящим за дверями мрачноватым хийсам, что сейчас были одеты в нечто алое с множеством позолоты.

– За что? – обернувшись, через плечо спросила я.

– За платье... и за хорошее настроение архонта, – ответил Лугус.

Мы вереницей спускались по лестнице, и вдруг, почти в самом низу идущий впереди Като замер, и я чуть не налетела на него. По коридору впереди двигалась яркая процессия, состоящая из грациозно вышагивающей высокой женщины и четверых мужчин. Едва мы появились в зоне их видимости, дама в густо-фиолетовом платье, почти сплошь усыпанном мерцающими камнями в тон, развернулась и уставилась на меня изучающе и хищно. И мне невольно на ум пришло, что она здесь оказалась сейчас отнюдь не случайно. Уж слишком напоминала кошку, подстерегающую, когдамышь высунется из норы. И то, как при виде женщины и ее разодетых спутников напряглись мои хийсы, подсказало мне, что не так уж я и не права. Пару секунд незнакомка осматривала меня с нескрываемым любопытством, вот только было оно из того же разряда, что поначалу и у Алево, и остальных тут. Точно я представляющая несомненный интерес вещь, нечто неживое, что нельзя оскорбить словом или расчленяющим взглядом. Вот только я больше не та потерянная и шокированная самим фактом наличия другого мира и странных созданий, его населяющих, Анна. Поэтому ответила столь же прямо: изучающим, чуть насмешливым взглядом. Платье не скрывало идеальных пропорций тела незнакомки – такое не под силу спрятать никакой ткани. Великолепная, свойственная всем асраи, будто сияющая изнутри кожа, невозможно идеальное лицо, роскошные волосы, частично собранные в высокий хвост и окутывающие ее изящные плечи, как золотое облако. Будь я мужчиной, скорее всего, забыла бы, как дышать, столкнувшись с такой сбивающей с ног красотой. Но едва мои глаза сцепились с ее фантастически зелеными, очарование пропало. Невыносимая, безбрежная жестокость – вот что пряталось за ширмой этого совершенства. Она не была чем-то новым тут, но исходящая от мужчин и щедро приправленная откровенной агрессивностью ощущалась более естественной. А здесь же... Нечто за гранью эмоций, ледяное, по-настоящему страшное и чуждое мне как созданию другого мира в самой своей основе. И женщина прищурилась уже понимающе и откровенно враждебно, будто поняв, что я вижу ее суть, но на ее лице не дрогнул ни единый мускул. Зато сам воздух в коридоре вдруг словно загустел от фантомного холода, и мое чувство самосохранения ошетинилось и завопило тревогу.

– Ну надо же! – промурлыкала незнакомка, делая в мою сторону несколько шагов, чрезвычайно чувственно покачивая бедрами и улыбаясь просто ослепительно, хоть только дурак бы не понял, что она пошла в открытое наступление. – Значит, милейший Грегордиан все же решил продемонстрировать нам сегодня своего голема! Забавно, весьма заб-а-а-авно!

Она шагнула ближе и сейчас напоминала уже не кошку, а, скорее, кобру, медленно поднимающую тело перед броском. И если у меня и вертелся на языке едкий ответ, то сейчас я его проглотила, понимая, что в данный момент мне совсем не об остроумии и уязвленном чувстве собственного достоинства думать стоит. Все внутри вопило: «Б-е-е-ег-и-и-и!» Вот только выходило, что некуда. Впереди путь перекрывал Като, а сзади практически подпер Иму.

– А я думала, что он станет ее прятать, учитывая исключительно неуместную собственную реакцию на истерику во время отбора. Но, видимо, слухи не лгут, и он решил, что просто забавляться с ней за закрытыми дверями ему недостаточно. – Мурлыканье тоже уже все больше напоминало шипение, и по коже отчетливо бежали холодные мурашки. – Так недальновидно со стороны дражайшего архонта. Но, к счастью, у него есть те, кто готов помочь поступить правильно.

Обращалась она подчеркнуто не ко мне, а к окружающим мужчинам, и ответом ей было насмешливое хмыканье от ее спутников и напряженное молчание моих хийсов. Молчание, которое не ощущалось дарящим защиту. Похоже, все было довольно плохо. И даже хуже. Шагнув еще ближе, незнакомка почти уперлась грудью в Като и посмотрела ему в глаза с абсолютно откровенной угрозой. Это был четкий «убирайся с моей дороги» посыл.

– Мой корабль может отплыть, едва вы взойдете на борт, – нежно прошептала она почти в губы мужчине, – а мой отец будет готов принять вас в свое воинство в любой момент.

После секундного замешательства хийс дрогнул, молча отступая в сторону, а в следующее мгновение и второй мой охранник тенью проскользнул мимо меня и зашагал по коридору за первым, даже не оглянувшись. Вот же ублюдки, а ведь они мне почти понравились! Спутники зеленоглазой змеюки смотрели на все равнодушно, почти скучая, словно пресыщенные зрители в ожидании хоть какого-то развлечения. И в этот момент, оказавшись с великолепной стервой почти лицом к лицу, я поняла, что пора бояться всерьез. Хотя глупость же несусветная! Неужели что-то действительно плохое могло произойти вот так, средь бела дня, при свидетелях и под самым носом у проклятого архонта? Где же мой Бархат, когда я в нем так нуждаюсь? Сознание еще отказывалось верить и начинать паниковать. Я быстро осмотрелась вокруг, оценивая свои шансы. И судя по взгляду женщины, она ожидала от меня реакции. Как змея перед броском. Только шевельнись, и она атакует. Но я просто стояла статуей, почти не дыша, осознавая, что и вперед мне никак: даже если прыгну на нее и свалю, то сквозь ее группу поддержки мне не прорваться. Назад вверх по лестнице тоже особо без вариантов. Повернуться и подставить спину – точно самоубийство, да и достаточно дернуть за чертово платье, и я сама размозжу себе голову о каменные ступени.

«Барха-а-а-а-ат! – вопила я безмолвно, что есть сил. – Эбха-а-а-а! Хоть кто-то!»

– Уйди с дороги! – Я даже не подозревала, что могу вот так рычать, и, судя по лицу дамочки, она тоже такого не ожидала и чуть отшатнулась. Хищная самоуверенность на секунду исчезла с ее лица, сменяясь «кто ты, черт возьми, на самом деле» выражением. Но она моментально справилась с собой и путь мне не освободила. Ну вот и все.

– Монна Брид! – раздался чрезмерно жизнерадостный голос Алево, и я подпрыгнула от неожиданности, но вот стоящая передо мной незнакомка даже не вздрогнула. – Очевидно, ты и твои спутники заплутали в коридорах?

– Я решила, что пора мне ориентироваться получше здесь, – ответила женщина, искривив губы в оскале вместо улыбки.

– Ориентироваться в башне архонта? – изобразил искреннее удивление асраи, приближаясь при этом более чем стремительно и целеустремленно. Несмотря на легкомысленный тон, взгляд его был острым и настороженным. – Тогда тебе стоит знать, что Грегордиан весьма не любит незваных гостей на его территории. Прежде чем сделать следующий шаг или движение, тебе стоит подумать о последствиях. Потому что они будут.

Едва заметный поворот головы в сторону Алево, пока она продолжала отслеживать меня все так же пристально.

– Не для меня! И не при нынешних обстоятельствах! – Самодовольство этой суки прямо выводило из себя, но я заметила появившееся, хоть и хорошо скрытое сомнение.

– Абсолютно никого, кто избежит наказания, ни при каких обстоятельствах, если он делает то, что собираешься ты! – Асраи уже подошел вплотную и весьма бесцеремонно оттеснил дамочку, становясь передо мной. – Как думаешь, я достаточно хорошо знаю моего архонта, чтобы утверждать это?

Монна Брид с пару минут пребывала в раздумьях, но потом сделала шаг и почти повисла на шее у Алево.

– Ты же понимаешь, что сейчас идеальное время и это будет благом, – прошептала она у самого его уха.

– Благом для кого? – нарочито недоуменно поднял светлые брови блондин.

– Просто помоги мне, и я позволю тебе сохранить свое влияние в Тахейн Глиффе в будущем, – сладким голосом, обещающим как минимум все блага мира, продолжила она.

– Ты мне позволишь? – фыркнул Алево, нахально стиснув ее задницу и похотливо толкнувшись бедрами. – У тебя есть кое-что, от чего бы я не отказался на пару ночей, но это точно не твое позволение, милая монна Брид. У меня здесь уже есть все, что нужно, а вот у тебя пока нет ничего и никогда не будет. Поверь, я знаю, о чем говорю! Отправляйся на ужин, а

потом отплывай с миром в столицу. Там есть кому оценить твою красоту по себестоимости, но не здесь!

Вырвавшись, женщина отстранилась гневно и с диким превосходством взглянула на Алево, будто знала что-то, недоступное ему.

– Ты недалёковидный глупец, Алево. И поэтому потеряешь все и, возможно, даже жизнь! – И она унеслась прочь, и ее спутники последовали за ней.

– Она бы убила меня? – выдохнув, пробормотала я, привалившись к стене, и ноги мои предательски затряслись. В голове зазвенело так, как если бы все это время я вообще обходилась без кислорода.

– Не так чтобы полностью, – усмехнулся Алево, демонстрируя мне предмет, более всего похожий на длинное трехгранное шило. – Уколола бы в основание черепа, а яд везалиса сделал бы всю остальную работу. И стала бы ты у нас настоящей живой куклой, Эдна. Ходящей, но не думающей и не говорящей. В принципе, идеально. Ну, был голем, да сломался.

Меня передернуло, а Алево махнул мне рукой, предлагая поторопиться.

– Знаешь, надо еще со мной справиться, чтобы воткнуть эту штуку! – Я это сказала, наверное, из чистого упрямства, фатальность того, чего избегла, просто еще не укладывалась в голову. – Что, попросила бы поддержать своих сопровождающих?

– Не-е-ет, Эдна. Они бы не вмешались. Не помогли бы ни тебе, ни ей. Ни при нынешнем положении вещей точно.

– Ну, тогда черта с два она со мной бы справилась! – Мне вдруг стало стыдно за то, что я стояла, буквально оцепенев, а не дралась с этой сукой. И стыд, смешавшись с безразличием, почти пренебрежением Алево к самой ситуации, дали на выходе злость. Весьма запоздавшую злость, надо отметить, Аня.

– Не смейся меня, женщина! Брид – фейри. Она в десятки раз сильнее и быстрее тебя. Ей бы и не понадобилась никакая помощь.

– Тогда чего тянула? – уже откровенно психуя, почти выкрикнула я в спину Алево.

– Ну, есть у нас, у асраи, склонность затягивать драму, тщеславно упиваясь моментом. Вот на этом часто и обламываемся. Она же видела, что ты все поняла, но не рыдала и не умоляла, не пыталась бежать, а в чем же без этого кайф?

Господи, его это все действительно забавляло, или он очень уж достоверно играл.

– Вы все тут реальные маньяки, – вынесла я вердикт, плетясь за ним по коридору.

– Точно-точно! – радостно улыбаясь, подтвердил Алево, продолжая шагать как ни в чем не бывало, а меня догнало, наконец, запоздалое осознание.

– Спасибо! – Алево спас меня, действительно спас, без всяких «но» и «если».

– Не благодари, Эдна. Я однажды заставлю вернуть долг! – отмахнулся он.

Ладно, пусть так, главное, что я все еще та же, что и раньше, а не бревно с глазами. А дальше разберемся.

– И что, это сошло бы ей с рук? – шагая за ним, спросила я.

– Прямо сейчас – очень может быть, – равнодушно передернул он плечами. – Ведь ее причастность еще доказать было бы нужно. Кто победил на выходе, тот и прав, Эдна. Но даже если удалось бы выяснить правду, то официально для всех ты пока никто. Вещь из другого мира. За что наказывать Брид? За порчу имущества?

– Ну, если так, то чем я ей помешала? – Несправедливость просто добивала меня.

– Эдна, не задавай глупых вопросов! Ей нужно место рядом с Грегорианом, ты – помеха. А после ужина станешь помехой, которую нельзя устранить безнаказанно. Все. Мы пришли, остальное потом! – Он толкнул двухстворчатые двери, и мы вошли в полный людей, пардон, фейри огромный зал.

Воздух прямо гудел от множества голосов, а в глазах зарябило от обилия ярких нарядов, сверкающих камней и драгоценных металлов. Но яркое фиолетовое пятно платья монны

Брид я вычленила из толпы моментально. Как и то, что она стояла впрытик к Грегордиану и едва только насильно не совала ему под нос свои сиськи в глубоком декольте, улыбаясь обольстительно и глядя на него так, словно он чертово солнце на небосклоне. Алево, полный зал – вообще все неожиданно исчезли. Вот ведь сука! Но вот деспот заметил нас, сильно нахмурился, переводя взгляд с меня на Алево и обратно. А потом стремительно пошел сквозь толпу к нам, даже не заметив, что почти снес плечом все еще что-то трещащую монну Брид. Она посмотрела ему вслед с нескрываемой ненавистью, однако это не помешало ей увязаться следом. Вид у деспота был отнюдь не дружелюбный, похоже, он буквально кипел от гнева.

– Очень советую молчать и хранить полную невозмутимость, что бы дальше ни происходило, – пробурчал асраи, одаривая всех присутствующих лучезарной улыбкой.

– Почему ты с ней? – зарычал Грегордиан, нависнув надо мной, как норовящая упасть и задавить насмерть башня. При этом он, ни капельки не скрываясь, наклонился и обнюхал мою шею, вдыхая резко и гневно.

– Мне пришлось отправить Иму и Като по некоему важному делу, – почтительно склонившись, пробормотал Алево, и на этом все.

Он что, даже не собирался рассказать Грегордиану о том, что только что чуть не случилось? Я метнула на асраи гневный взгляд, он же больно ткнул меня в поясницу, требуя молчания. Ну хорошо же!

Тут же монна Брид чуть ли не втиснулась между мной и деспотом.

– Это и есть твой взрослый голем, архонт Грегордиан? – беспечно защебетала она, впрочем, даже не взглянув на меня. – Забавная! Кстати, я буду совсем не против использовать ее сегодня в наших постельных играх.

Что? Мне будто кулаком в живот ударили, и в глазах потемнело. Вот. Ведь. Тварь!

– Не припоминаю, чтобы звал тебя разделить со мной постель, – огрызнулся Грегордиан, по-прежнему глядя то на меня, то на Алево, но уже заметно спокойнее. А у меня неожиданно появился воздух для нового вдоха. И, конечно же, это не из-за его однозначного отказа этой дряни в фиолетовом.

– Нет еще, но я приглашала тебя в свою, – нисколько не смутившись, продолжила монна Брид. Вот интересно, если я ей в лицо плюну, это хоть немного замедлит эту бесстыжую суку? И буду ли за это наказана? Или только таким, как она, все сходит с рук?

– Я не принимаю твоего приглашения, – все так же небрежно ответил Грегордиан. – Но если ты хочешь каких-то затей с игрушками, то найдешь среди моих асраи много желающих. У меня же есть женщина, с которой буду делить постель в ближайшее время. Эдна?

Деспот протянул мне руку и собирался повести вперед, но монна Брид в прямом смысле вцепилась в его бицепс острыми сверкающими ногтями.

– Ты не можешь сделать такой глупости, архонт Грегордиан! – зашипела она, и ее красивое лицо обратилось в уродливую маску бесконечной злобы.

– Кто ты такая, чтобы говорить мне, что я могу делать? – голос деспота загрохотал, перекрывая остальные звуки и резонируя от стен. В полном зале вдруг повисла мертвая тишина.

– Никто, ни одна уважающая себя монна не прибудет сюда больше, чтобы скрасить тебе жизнь, если ты опозоришь себя официальной связью с этим! – Очевидно, дама просто уже не могла остановиться.

– Ну, в таком случае выходит, что я только выиграю, так как мне не придется больше терпеть присутствие этих самых чрезмерно уважающих себя монн. Ибо я совершенно уверен, что моя жизнь необычайно красочна и без них, – язвительно ответил Грегордиан, кратко посмотрев Брид в лицо. – Хотя и практически не сомневаюсь, что так просто от них все равно не избавиться. Идем, Эдна!

Сказать, что я чувствовала себя странно, идя рука об руку с деспотом под прицелом десятков взглядов, это ничего не сказать. Хотя, точнее говоря, мой разум в этот момент вообще

не знал, какую эмоцию выбрать в качестве подходящей под ситуацию. Следующий зал был несколько не меньше предыдущего, вот только тут стоял бесконечной длины стол, роскошно сервированный и ломящийся от всяких угощений. Грегордиан повел меня в его главу и остановился, развернувшись к следующим за ним гостями.

– Приветствую всех жителей и гостей моего Тахейн Глиффа за этим столом. Сегодня мы празднуем несколько событий, – мощным голосом сказал он, так и не отпуская моей руки. – Отражение вероломного нападения драконов и пленение их принца, благодаря чему наши позиции по отношению к проклятым соседям станут удачны как никогда. Восстановление всего разрушенного и возрождение прежнего уклада жизни. И, наконец, я хочу воспользоваться случаем представить вам мою первую фаворитку монну Эдну.

Кого? То есть... ух ты! Наверное.

– Он не смеет называть ее так в присутствии истинных и достойных дочерей мира Богини! Она даже не человек! – Мне не нужно было особо прислушиваться, чтобы понять, кто это капал ядом под прикрытием чужих спин.

– Если кто-то не может смириться с ее происхождением или не намерен оказывать ей должное уважение и почести, соответствующие заявленному мною статусу все то время, что она будет в нем пребывать, то предлагаю покинуть Тахейн Глифф прямо сейчас, потому как терпеть непочтение к моим решениям я не собираюсь! – отчетливое рычание, срезонировавшее от стен, придало словам Грегордиана еще большую серьезность.

Я, опасаясь встретить море гневных и презрительных взглядов, уставилась в толпу, все еще совершенно оглушенная и не до конца осознавшая, что, черт возьми, только что произошло. Но, как ни странно, все в толпе, встречаясь со мной глазами, стали склонять головы и бормотать что-то приветственно-почтительное, хоть и заметно, что многие чуть ли не через силу. Но большинство же смотрели на меня скорее с любопытством, изумлением или же просто равнодушно, нежели агрессивно. И даже чертова сука в фиолетовом платье кивнула, крикая при этом, словно у нее геморрой.

– Прошу разделить щедрую пищу моего дома и вознести благодарность Богине за все ее дары! – видимо, удовлетворившись приемом, зычно сказал Грегордиан и указал мне на резной стул с высокой спинкой, стоящий впритык к его собственному.

Только усевшись, я повернулась к нему, глядя ошарашенно и вопросительно. Все тело ощущалось как деревянное, а в голове была полная пустота. Деспот же абсолютно невозмутимо, будто только что не отменил во всеуслышание мое положение бесправной вещи, придвинул к себе большое блюдо и ухмыльнулся.

– Ты как-то хотела покормить меня, Эдна. Самое время! – кивнув на пищу, сказал он и сложил руки на груди.

«Этого просто не может быть!» – крутилось в голове, как заевшая пластинка, пока я рассеяно выбирала первый кусочек. В жизни так не бывает, ни в каком из миров. Вот только знать бы, в чем подвох. А он был, моя истошно вопящая интуиция не могла настолько ошибаться. Господи, как же много всего и сразу!

– Ты просила дать тебе что-то, кроме моего члена, – произнес деспот, когда я дрожащей рукой поднесла еду к его губам. – Я даю тебе все.

Ну хорошо. Я ведь должна быть рада, да?

Многозначительно подняв брови, Грегордиан принял пищу, и не нужно было быть великим чтецом по лицам, чтобы понять его посыл. Следующий шаг за мной. Только какой?

Глава 11

– Еще голодна? – спросил деспот, кажется, уже в третий раз. Губы Грегордиана мягко, но требовательно прижались прямо за моим ухом, обжигая горячим дыханием, а рука бесцеремонно сжала бедро, и в этот раз я уже не вздрогнула и не замерла от неожиданности и смущения, как тогда, когда он сделал это впервые на глазах у всех. Но это совсем не значило, что такая разительная перемена в поведении деспота не продолжала приводить меня в шок.

Потому что... ну кто так делает? Я снова щедро хлебнула из поднесенного кубка, размышляя и смакуя вкус. Разве подобной ситуации не должно было предшествовать хоть какое-то предупреждение? Хотя о чем это я? Это ведь архонт Грегордиан! Диалог и постепенное движение? Не-а, не слышали. Полумеры и дипломатия? Это вообще что? Нужно просто взять и шарахнуть по проблеме посильнее, и она рассыплется на сотни маленьких проблемок, но они уже не будут достойны внимания целого архонта. Но с другой стороны, а на самом ли деле мне не нравится, как все обернулось и методы Грегордиана? Ай, ладно, чего лицемерить, когда все вот так, то на что мне жаловаться? Не знаю, какими паршивыми сюрпризами озадачит новое положение, ибо в то, что их не будет, я верить отказывалась, но становиться снова бесправной вещью я точно не хотела! Все эти резко поменявшиеся взгляды вокруг стояли того, чтобы просто начать наслаждаться тем, что получила, без оглядки на потом. Нечто вроде того момента в «Аватаре», ага.

«Мы тебя видим!» – вот на что я наталкивалась в лицах окружающих. Именно видим, пусть как раздражающую или непонятную личность, с которой теперь нужно было считаться, но уже не нечто обездушенное, не предмет без права на хоть какую-то собственную реакцию. Это, мягко скажем, ощущалось приятно. А поражение на физиономии стервы Брид и ярость, которой она так отчетливо давилась с каждым новым кусочком пищи, было бонусом к этому приятно. Ладно, я слегка преувеличила, у Брид было лицо долбаного сфинкса, уж скрывать эмоции асраи умели виртуозно, это я уже заметила. Но «ну надо же!» усмешки у Сандалфа и Хоуга, которых обнаружила среди гостей, читались однозначно.

Званный ужин фейри чем дальше, тем больше напоминал обычную человеческую гулянку: все больше вина оказывалось внутри присутствующих, громче звучали голоса, откровеннее взгляды, продолжительнее и сексуальнее смех. Разве что у всех тостов тут была неизменно одна направленность – восхваление архонта Грегордиана. Культурная программа тоже прилагалась. Заиграла музыка, хотя источника я не смогла увидеть, и в центр зала вышли пять девушек с насыщенно-голубой кожей и крыльями, очень похожих на сына Алево, и стали исполнять замысловатый танец. Естественно, они были совершенно обнаженными, только с массой ничего не прикрывающих побрякушек, и я почувствовала себя то ли ханжой, то ли просто ревнивой стервой, которую откровенно раздражала неприкрытая эротичность их танца. Причем не признать, что и девушки были великолепны, хоть и экзотичны, как по мне, и танец был выше всяких похвал, не получалось, несмотря на всю желчь, подступающую к горлу. Но... черт!

Деспот рассеянно кивал в ответ на тосты, поднимая бокал и часто прикладываясь большими глотками, но оставался полностью сконцентрирован на мне, и это не могло не радовать. Правда, от этого его плотного и абсолютно нескрываемого внимания мне сначала было неуютно, поэтому я попыталась отвлечься, снова рассматривая гостей, но Грегордиан быстро пресек это, наклонившись и прикусив кожу на шее и развернув мое лицо к себе. Ясно: в гробу он видал приличное поведение за столом. Повторения этого безмолвного «смотри только на меня» приказа мне не потребовалось. Ладно, я, в принципе, не против, ведь отвечал он мне тем же. Разглядывание каждой черты этого мужчины всегда доставляло мне удовольствие, пусть часто и болезненное, а сейчас, когда в его глазах появился незнакомый хмельной блеск и даже нечто вроде игривости, стало еще и любопытно. Мой кубок деспот сразу сунул крутившемуся

рядом брауни и каждый раз, сделав глоток сам, он подносил свой и мне. Кормление давно стало взаимным, да и вообще процесса поглощения пищи уже не было. Все эти его глубокие облизывания пальцев, дразнящие поцелуи запястья вдогонку, чувственное скольжение сочных фруктов по моим губам, вынуждающее бесстыдно их облизывать – это уже полноценная прелюдия. Не говоря уже о голодном, практически трахающем меня взгляде и «незаметных» движениях его ладоней то по задней стороне моей шеи, то по внутренней стороне бедра. Короче, архонт Грегордиан не то что заигрывал и флиртовал со мной при всем своем честном народе, а уже откровенно домогался. И знаете, я была отнюдь не против!

– Богиня и все ее проклятые создания, как же я дурею от твоего аромата, Эдна, – проурчал Грегордиан, снова развернувшись ко мне всем телом и потершись носом и губами о мой висок, как только я захватила с его пальцев очередной кусочек. – Я бы мог всю ночь вдыхать его здесь, – лизнул он мою скулу, – здесь, – его пальцы переместились к основанию шеи и нащупали мой пульс, что бился хоть и равномерно, но неизбежно ускорялся, – м-м-м-м-м... здесь, – чуть надавив, он провел между грудей, ниже и, достигнув низа живота, деспот со стоном резко и требовательно выдохнул мне в кожу: – Эдна, во имя Богини, скажи, что ты уже сыта!

В голове вовсю шумело, тело стало расслабленным и онемевшим в одних местах и необыкновенно чувствительным в других одновременно, а зрение уже было откровенно тоннельным. Меня уже абсо-блин-лютно перестало волновать что-либо кроме прикосновений, слов, дыхания Грегордиана, и видела я только его, все остальное слилось в белый шум на периферии сознания. Вопрос: какого черта кто-то подменил сволочного и вечно рычащего грубияна-архонта на откровенно флиртующего и ластящегося, словно кот, милаху – давно уже задвинут на второй... а-а-а, не-е-ет, скорее, на десятый план. Собственно, какая разница, почему сейчас он такой, когда открыто демонстрирует, что я – единственное существо, представляющее для него интерес. Это какая-то игра? Это из-за их хитрого вина? Как это надолго? Вернется ли завтра прежняя версия Грегордиана? Или через неделю, месяц, год? Чем закончится уже сегодняшняя ночь? «Первая фаворитка» означает, что будут и другие, или это что-то из нашего табеля о рангах, и они уже есть? И главный вопрос дня. Меня все это и правда сейчас волнует? Да ни-че-рта! Если какие-то местные инопланетяне сперли и подкорректировали мозги архонта Грегордиана, пусть даже на время, я только «за»! Если это некий местный аналог демона в него вселился и так выглядит одержимость здесь, я стану приносить ему чертовы кровавые жертвы! У меня и кандидатка есть для первой. Но даже если это закончится после полуночи, как в глупой сказке, то я была намерена воспользоваться каждой минутой до ее наступления! И, кстати, да, я была более чем сыта. По крайней мере, совсем не пища сейчас была тем, в чем я нуждалась, но черта с два я побегу с Грегордианом в темный угол, как только ему приспичило. Даже если сама уже была заведена до взрывоопасного состояния! Схватив со стола кубок, я сделала несколько больших глотков, опустошая его.

– Эдна! – «Вот кто-то уже и порывиковать начал», – внутренне усмехнулась я, чувствуя себя воспарившей, необыкновенно отважной и чувственно-всевластной. Какая же все-таки замечательная штука это их вино!

Повернувшись опять к Грегордиану, я встретила его тяжелый, пожирающий заживо взгляд и улыбнулась, купаясь в нем, как в теплом молоке. Серые глаза деспота тут же приклеились к моим губам, и он больше подался вперед, уничтожая остаток расстояния.

– Побудем еще чуть-чуть, – прошептала я у самого его рта, не отстраняясь, и прикусила его нижнюю губу, нахально дразня.

– Это будет тебе ой как дорого... – Я протолкнула между его губ язык, агрессивно захватывая рот в дерзком поцелуе, и деспот тут же встретил меня кратким ответным напором, но углубить контакт не дал и перехватил мою руку, которой я пыталась обхватить его затылок, удерживая.

– Продолжишь – и окажешься на этом столе с раздвинутыми ногами вместо следующего блюда! – пригрозил он. Ой, как страшно!

– Мои истошные вопли испортят всем аппетит! – Я же не хихикала, это ведь глупо, и я так никогда не делаю? Или уже делаю? Я рассеянно мазнула взглядом по присутствующим и зависла. О-о-ох, ты, черт возьми-и-и! Да мы с деспотом со своими ласками и публичными заигрываниями здесь чертовы детсадовцы. То есть, конечно, к главному все еще не перешли, но похоже, что до этого немного осталось.

И, между прочим, синие девчонки с крыльями давно закончили, и теперь в центре зала танцевали мужчины. Красивые. Голые. Совсем. Даже без побрякушек в стратегически важных местах. Нечто вроде местного аналога танца с кинжалами.

– Ничего себе! – непроизвольно вырвалось у меня, и в следующий момент Грегордиан запустил пятерню в мои волосы и бесцеремонно развернул к себе.

– Еще раз пристально посмотришь на член хоть одного из них, и я оттрахаю тебя до потери сознания прямо на этом столе! – Ну вот и архонт во всей красе с его неизменными угрозами.

– Вообще-то, искусство для того и существует, чтобы им любоваться! – возразила я.

– Да неужели? Обещаю трахать тебя с таким искусством, что все залюбуются! – Гад деспотичный! Ладно.

– Я смотрела так, потому что тревожусь!

– М-м-м?

– С их стороны это как-то очень... – мой уже изрядно опьяненный мозг забуксовал, вспоминая нужное слово, – безопасно!

– Что ты имеешь в виду? – приподнял бровь деспот.

– Махать всеми этими острыми лезвиями возле... самого дорогого! – пояснила я непонятливому мужчине и скосила глаза на танцующих, но заработала тут же за это легкий укус в подбородок.

– Этот танец призван демонстрировать красоту тела, ловкость и умение воинов, Эдна. Каждый должен уметь его исполнять!

– И ты тоже умеешь? – Мои губы так и расплзались сами собой в улыбке.

– Лучше чем кто-либо, как и многое другое! – Заносчивая самовлюбленная задница! – Сомневаешься? Мне выйти туда и доказать тебе обратное?

– Было бы неплохо. – Я только что не облизнулась, представляя это зрелище, но едва Грегордиан поднялся и задрал свою рубашку, намереваясь ее стянуть, тут же вцепилась в его руку: – Нет-нет-нет! Стоп! Стриптиз отменяется. По крайней мере прилюдный!

Постояв секунду неподвижно, он медленно наклонился ко мне и выглядел ни капли не дружелюбным.

– Ты только что запретила мне раздеться, женщина?

Ой. Похоже, кто-то много выпил и зарвался!

– Я... – Да пошло оно! – Я не хочу, чтобы другие женщины пялились на тебя, когда ты станешь трясти тут своими... всем, короче!

– Вот, значит, как? – ехидно прищурился деспот. – Тогда выбирай: или я иду и танцую проклятый танец, или ты поднимаешь свою задницу с этого стула и мы идем трахаться всю ночь.

Вот же наглая манипулирующая озабоченная скотина! Но всю ночь? Звучит, однако...

– Второй вариант! – Я поднялась и тут же поняла, что мои ноги живут слегка своей жизнью. – Только тебе придется меня тащить!

Грегордиан вопросительно поднял темную бровь, окидывая меня быстрым изучающим взглядом.

– Не может быть, что все так плохо, – усмехнулся он.

– Потому что все наоборот – очень хорошо! – и, поймав волну у себя в голове, я сделала несколько уверенных шагов. А может, мне так казалось.

– Понятно, – только и пробурчал деспот, перед тем как молниеносно перекинуть меня через плечо и зашагать к выходу. Плохая-плохая-плохая идея!

– Поставь на ноги! – Но или он меня не слышал, или игнорировал. Тогда, ощутив, что весь мой ужин в полушаге от того, чтобы меня покинуть, я сильно ущипнула Грегордиана за ягодицу, не забыв ее, само собой, нахально облапать.

– Эдна! – рыкнул предупреждающе мужчина, и к тому времени мы оказались в одном из коридоров.

– Переверни меня обратно и желательно где-то на свежем воздухе! – взмолилась я и, как ни странно, в следующую секунду стояла у стены, придерживаемая Грегордианом.

– Свежий, говоришь, – мужчина на секунду задумался. – Тогда нам в другую сторону. Насколько хорошо ты способна передвигаться?

– Я прекрасно передвигаюсь! – Я бодро потопала по коридору.

– Я понял уже это, – хмыкнул деспот, ловя меня у противоположной стены и разворачивая в другую сторону.

Какое-то время мы брели по коридорам, которые стали совсем пустынными под конец пути. Кроме того что Грегордиан крепко держал меня за плечи, больше нигде не прикасался, и вообще его совсем недавний похотливый режим будто выключился. И я бы соврала, если бы сказала, что меня это слегка не разочаровывало. Уж мое-то опьяненное воображение нарисовало мне дикий и необузданный секс прямо у стены в первом же относительно тихом местечке. Но с другой стороны, идти вот так, плотно прижавшись к его теплему боку и ощущая затылком мощное плечо, было настолько комфортно, что я, пожалуй, готова была так бродить по этому замку хоть всю ночь. И даже не спросила бы, есть ли у нашей прогулки конечная цель. Пока шли, меня, кажется, слегка попустило, но, когда оказались перед обычной тут крутой лестницей, я невольно застонала. Это же какое-то издевательство. Грегордиан все так же молча подхватил меня на руки уже нормальным образом и взбежал несколько пролетов без остановки. Поставив меня перед высокой полукруглой сверху дверью, он проделал эту местную штуку с прикладыванием руки. Засветившиеся знаки были цвета сочной молодой зелени, и замок пару секунд «раздумывал», нужно ли нас пускать, и только потом мягко щелкнул.

– Ты хотела свежий воздух, – негромко сказал Грегордиан, чуть подталкивая меня в какое-то темное загадочное пространство, заполненное ритмичным мерцанием. – Мне же все равно, где я тебя получу. Здесь или в моей постели, главное быстрее.

– Вот если опустить две последние фразы, то ты прозвучал почти романтично, – пробормотала, в восхищении рассматривая небольшой, но совершенно потрясающий сад, в котором мы очутились. – Не говоря уже о том, что вообще привел меня сюда. Боже-е-е!

Этот сад разительно отличался от райских золоченых кущей бывшего Фир Болга. Не знаю почему, но от этого места исходила аура интимности, чего-то, бывшего очень личным. Деревья, что росли здесь, были невысокими, но очень раскидистыми. Их густые кроны смыкались практически над самыми нашими головами и сплошь были усеяны огромными цветами, напоминающими сложной формой полупрозрачные орхидеи. Они светились, но не равномерно, а как бы волнами, становясь то очень яркими, то почти исчезали в темноте и, свешиваясь вниз под собственной тяжестью, казались просто парящими в воздухе. Когда свечение достигало минимума, сквозь густой купол ветвей и листьев отчетливо просвечивало небо, усыпанное яркими звездами и царящей над ними луной. И эта смена потрясающей красоты, порожденной землей, которой можно коснуться, всего лишь протянув руку, была завораживающей, почти сказочной.

– Тебе нравится, – пусть в голосе Грегордиана не прозвучало вопроса – столь обычное для него утверждение, но мне почудилась за ним не самоуверенность, типа, ну кто бы сомневался, что так и будет. Нет. Ему было важно, чтобы моя реакция была именно такой. И даже если это

какой-то глюк моего опьяненного мозга, я собиралась верить в него... хотя бы сегодня. Развернувшись, я просто кивнула, чувствуя себя непонятно почему смущенной от неподвижности Грегордиана. Он стоял и смотрел на меня в этом окатывающем волнами свечении, которого было явно недостаточно для меня, чтобы прочесть выражение его лица и взгляда. А я терялась все больше, как если бы передо мной был незнакомец, а не мужчина, каждый сантиметр тела которого знаю лучше своего.

– Как бы я хотела увидеть сейчас тот танец, – голос предал меня, отказавшись изображать веселье, за которым я попыталась спрятать неожиданную уязвимость.

– Наш договор был не таким, – покачал головой Грегордиан, усмехаясь и подступая ближе, будто подкрадываясь, становясь прежним и знакомым.

– У нас не было договора. Ты нагло меня шантажировал! – ответила я в тон ему, отступая на шаг.

– Как говорит Алево, не важно, какими методами добиваться нужного результата. Ну или что-то вроде того. – Теперь деспот двинулся в сторону, обходя меня и вынуждая следить за ним, делая меня настороженной и возбужденной одновременно.

– Предлагаешь мне тоже тебя шантажировать, чтобы получать желаемое? – не выдержав, я все же развернулась к нему.

– Со мной это не сработает. Но всегда можешь поторговаться, Эдна.

– Например? Что я могу сделать для тебя, чтобы увидеть голым и танцующим?

– Ну если просто голым, то можешь ничего не делать. Просто продолжай смотреть на меня и дышать. А вот танцующим... даже не знаю. – Свечение в этот момент сошло на нет, и его усмешка выглядела мрачной и будоражащей. – Скажем, я никогда не видел, как ты ласкаешь себя. Поэтому я раздеваюсь и танцую, а ты тоже снимаешь одежду и прикасаешься к своему телу, пока смотришь на меня. Честная сделка?

– Нет, конечно.

– Откажешься? – И он медленно стянул рубашку и взялся за пояс штанов.

Да ни за что! Если уж на то пошло, выигрываю-то я. Так же не спеша, как и деспот, стянула платье по плечам до талии, с удовольствием наблюдая, как мускулы на руках мужчины вздулись сильнее, а любая тень веселья исчезла с лица. Столкнула ткань ниже, ловя звук его резкого вдоха. Вопросительно посмотрела на деспота.

– Играем в «покажи мне свое, если хочешь увидеть мое»?

– Не так, Эдна. Покажи мне все, что мое. – Он полностью разделся буквально в несколько секунд, выживая из мягких голенищ своих невысоких сапог два кинжала.

Его напряженный член пару раз дернулся, будто подначивающе кивая мне, и прижался к животу. Тому самому мускулистому твердому животу, от желания исцеловать который у меня резко пересохло во рту.

– Если ты и правда хочешь видеть танец, тебе не стоит так сосредотачиваться на чем-то одном, Эдна. – Вот сволочь, он еще и дразнил меня.

– А ты уверен, что регенерация фейри настолько хороша? – решила не оставаться я в долгу, и Грегордиан угрожающе прищурился. Ну еще бы, как это я посмела поставить под сомнение его мастерство! Таких шуток архонт Грегордиан не понимает!

– Тряпку прочь, Эдна, – властно сказал архонт, начиная медленно и почти небрежно вращать клинки между пальцами. – На землю и раздвинь ноги! Я хочу видеть все!

Я опустила на собственное платье, понимая, что ему уже однозначно конец на этой густой сочной траве, и оперлась спиной о ствол, бесстыдно расставляя ноги.

Моментально стало жарко от того, как задергались ноздри деспота, словно он настойчиво старался уловить запах моего возбуждения даже на расстоянии.

– Шире! – приказал Грегордиан, начиная двигаться в только ему слышном ритме и вращая кинжалы быстрее. – Прикоснись к себе так, как это делаю я!

Лишь на долю секунды вспыхнул извечный мой протест против его давления и тут же исчез, начисто сметенный преображением мужчины передо мной. Мгновение назад его огромное мощное тело было угрожающим монументом, кричащим о силе, притаившейся внутри, а в следующее стало практически жидкостью. И не просто жидкостью, а стихией. И вот ее мощь виделась просто безбрежной. Я застыла, ошарашенная и абсолютно сраженная подобной метаморфозой. Мое собственное тело прямо-таки завибрировало, отзываясь на каждое тягучее и при этом неуловимо стремительное движение Грегордиана, и я обхватила свою разом потяжелевшую и безумно чувствительную грудь, скользя второй рукой вниз по животу.

– Сожми сильнее! – рыкнул Грегордиан, не останавливаясь ни на секунду, не отводя тяжелого взгляда, от которого я была как в огне.

Сжала сосок и дернулась от болезненного удовольствия, а потом снова, когда мои пальцы нашли ту самую точку крайней уязвимости. Глаза невольно закрылись, но тут же их распахнула, услышав новую команду Грегордиана.

– Быстрее, Эдна! Сделай себя мокрой для меня! – Как будто для этого нужно было еще что-то делать! Наверное, стать еще более влажной было просто невозможно.

Лезвия в его руках уже обратились в серебряные диски от скорости вращения. Они то взмывали в воздух к самым ветвям, то падали вниз, заставляя меня вскрикнуть. Скользили жуткими остриями по мускулам деспота, не оставляя ни единого следа, словно были его ласковыми ручными зверьками, и при этом он даже краем глаза не смотрел на оружие, потому что откровенно трахал меня глазами. И меня трясло и скручивало именно от этого его взгляда, собственные прикосновения были лишь приправой к невыносимо острому кайфу, который приносило каждое его движение в этом диком танце. Между нами не было сейчас расстояния, я ощущала своей кожей каждое сокращение или расслабление его мышц, каждое скольжение смертоносного холодного металла.

– Раскрой себя! Я хочу видеть, какая ты мокрая! – приказал Грегордиан, когда мои бедра задрожали, и я со стоном подчинилась. Балансируя слишком близко к оргазму, я жаждала его вторжения, его обладания. Движения Грегордиана стали настолько быстрыми, что мое зрение уже за ним не поспевало, и мне вдруг захотелось заплакать от этого – как от потери, как и от бессилия достичь дразнящего меня в эту секунду удовольствия, что так и пульсировало, обещая скорый взрыв и облегчение, но никак не достигало критической массы.

– Я не могу больше! – выкрикнула, почти сдаваясь.

– Можешь! Жестче, Эдна! – не сжалился надо мной Грегордиан, продолжая терзать без единого прикосновения. – Богиня, этот звук! Еще! Я хочу его еще!

А я не находила в себе сил просто зажмурить глаза и не смотреть на него. Господи, если мужчины, танцевавшие на ужине, делали это ловко, красиво и с необыкновенным мастерством, то Грегордиан был просто натуральным совершенством! Совершенством, к которому я могла прикоснуться прямо сейчас, вместо того чтобы гнаться за долбаным суррогатом кайфа. Я раскинула руки, сдаваясь и признавая поражение. Я не хотела свои руки, мне необходимы были его. Я не хотела касаться себя, потому что невыносимо желала любить касаниями его тело. Мне был нужен он, этот невыносимый жестокий властный мерзавец Грегордиан. Нужен был внутри, снаружи, пропитывающий меня насквозь, пронзающий до боли, до моих истошных задыхающихся криков, до темноты в глазах.

– Больше не хочешь танцев, Эдна? – Грегордиан дернул меня за лодыжки, укладывая под себя, и закинул мои ноги себе на поясницу. – А чего же ты хочешь?

Он еще пытался по обыкновению усмехаться, но едва его член надавил на мой вход, раскрывая и бесцеремонно прокладывая себе дорогу, я закричала, а его усмешка стала почти болезненной гримасой.

– Тебя... – еле выдавила я между всхлипами от подступающего оргазма. Он еще даже не весь внутри, а я готова кончить.

Отступив, Грегордиан мощно втокнул себя до конца, до моего предела, а потом сделал так раз и еще. И все. Я взорвалась, содрогаясь, крича и цепляясь за него.

– Я тоже хочу тебя, Эдна! – Грегордиан замер, пережидая мой оргазм. – А еще я хочу, чтобы тебе было достаточно меня для всего!

Я не могла думать о его словах, потому что он двигался. Его твердое горячее тело снова становилось будто жидкость надо мной. Он не просто трахал, вбивался, вколачивался в меня. Терся повсюду, ласкал руками, ртом, как бы струился, лился не только по моей коже, по моим обнаженным нервам. Он владел мною всей, без остатка, и я ему это не просто позволяла. Приветствовала, ликовала и молилась, чтобы этот момент никогда не заканчивался. Пусть эта ночь длится вечно!

Часть вторая Маски прочь!

Глава 12

Как принято говорить в сказках? И жили они с того дня долго и счастливо, да? Ну не то чтобы прямо так у нас и было, но, однако же, все изменилось и продолжало меняться потом почти непрерывно. На утро новый Грегордиан не растворился, не улетучился с предрассветным туманом. Хотя не могу сказать, был ли туман, потому как благополучно проспала утро, абсолютно вымотанная неустойчивостью и жадной требовательностью деспота. Он и раньше проявлял чудеса выносливости, выжимая меня в постели досуха, и этой ночью сон тоже не входил в его планы. Вот только полностью прежним Грегордиан не был. Хотя мне и казалось, что он едва ли не появился на свет со знанием, как заставить кончать женщину, долгие часы той ночи Грегордиан потратил на новое изучение моего наслаждения. Он неторопливо исследовал руками, ртом, членом каждый сантиметр моего тела, все его незнакомые даже мне чувствительные и болезненные точки, а не просто уверенно ласкал, стремясь к нужному ему результату. А я, послушная его воле, шептала, кричала, хрипела, изгибаясь и трясясь под ним, на нем. Облизывала, кусала, гладила, царапала, толкалась навстречу, желая вогнать его в себя максимально, упиться запахом, вкусом, проникновением. Я хотела им владеть, заставлять терять контроль, отдавая свой собственный без капли сожаления.

– Эдна, просыпайся! – горячий и снова твердый Грегордиан сел, вынуждая и меня принять вертикальное положение, потому как спала я прямо на нем. – Просыпайся же! У меня есть планы для нас!

– Если они не включают в себя тишину и лежание без движения, я пас! – пробормотала, щурясь от косых, невыносимо ярких солнечных лучей. Сквозь опущенные ресницы я осмотрела сад в свете дня. Он выглядел таким же загадочно-прекрасным, как и в темноте, вот только очень запущенным. Мои познания в уходе за растениями ограничивались заботой о паре кактусов в прежнем офисе, но явно стоило убрать множество сухих веток и ворохи старых листьев и сделать что-то со всей этой неопрятной пожелтевшей травой.

– Что это за место? – открыла я глаза шире, заметив чуть дальше небольшой, совершенно заросший водоемчик.

– Сад Изэль, – ответил Грегордиан, поднимаясь вместе со мной.

– А кто она?

– Она была дриадой и первой фавориткой моего деда. Она тосковала по родному лесу и деревьям, и он приказал создать этот сад, чтобы она могла расти в нем все что ей угодно.

– Но ведь мы на вершине башни, так? – Грегордиан кивнул, критически посмотрев на мятую в зеленых пятнах тряпку, бывшую моим платьем, и сдернул с ближайшей ветки свою рубашку. – Весь твой Тахейн Глифф – просто кусок голого камня, и если уж и создавать сад, то не логичнее ли это сделать вообще внизу в долине?

– Логичнее, конечно, – согласился он, одевая меня в пропахшую его кожей ткань, – но для этого ему бы пришлось отпускать ее туда. А дини-ши не слишком хорошо относятся к наличию между нами и тем, кого мы хотим, даже небольшого расстояния, Эдна. Поэтому сад здесь, прямо над залом приемов моего деда.

– А сама Изэль была согласна с таким положением вещей? – Может, я напрасно портила момент, проводя ненужные сейчас аналогии?

– У нее был выбор, – деспот чуть нахмурился, одеваясь сам. – Ее народ и родной лес или мужчина. Она выбрала моего деда.

– А если бы нет? Он бы смирился и отпустил?

– История об этом умалчивает, Эдна, – деспот обхватил меня за плечи и повел к выходу. Думаю, тему развивать не стоило. Не в этот раз уж точно.

– Здесь красиво, – только и прошептала я. – Мы можем бывать тут чаще?

– Можем. Тебе достаточно просто попросить. Но я намерен показать тебе еще множество гораздо более красивых мест, Эдна.

– Почему?

Грегордиан остановился и прижал меня щекой к своей груди.

– Потому что хочу, чтобы ты увидела: мир Богини бесконечно прекрасен, несмотря на то, что может убивать и пугать. Потому что хочу, чтобы ты захотела остаться и жить здесь, рядом со мной. Именно захотела сама, а не просто смирилась с этим как с неизбежностью. Ведь сила желания может оказаться сильнее любой судьбы.

Он замолчал, хотя мне показалось, что он хотел сказать еще что-то. Что-то гораздо важнее остальных слов. Я отстранилась, заглядывая ему в лицо, желая прочесть, что же осталось недосказанным. Что за судьба такая, что настолько пугает самого архонта Грегордиана, что он готов был рассматривать меня как союзницу в борьбе с ней? Означает ли «жить рядом со мной», что происходящее между нами перестало быть для него просто безумным сексом ради секса? Ведь для меня точно перестало, и обманывать себя и прятать свое сердце от ран больше не выйдет. Ответный взгляд был непроницаем. Если Грегордиан и позволил себе какие-то незнакомые мне эмоции, то их проявление было кратким, и я его пропустила. А может, их и не было, и это я ищу оправдания для своей капитуляции. Но если подумать, зачем Грегордиану прилагать столько усилий для получения чего-то или кого-то незначительного, зачем хитрить, если и так уже овладел моим желанием, каждой его каплей и нюансом и мог им управлять, даже не касаясь? У меня еще были тысячи «но» и «почему», но я просто кивнула, давая согласие хотя бы попробовать, а потом поцеловала его, просто потому что так хотела.

Несколько позже мы снова оказались в том самом пиршественном зале. Сегодня тут был накрыт хоть и обильный, но достаточно скромный завтрак. Из вчерашних сотрапезников были единицы. Алево и сидящий с ним рядом его крылатый синий сын, который вертелся так, словно под его задом была подушка из иголок, зыркал любопытными глазами, что-то все время шептал на ухо асрай и хихикал. Еще Хоуг, Сандалф, парочка незнакомцев и несколько женщин, среди которых, к моему раздражению, выцветалась разряженная монна Брид. Сегодня она была в роскошном бледно-золотом платье, свежая и буквально сияющая, что бесило меня еще больше, потому как я засыпала на ходу и последовала совету Грегордиана одеться удобно и наверняка выглядела бледной немочью в сероватом кожаном обмундировании. По крайней мере, именно это я и прочитала в насмешливом взгляде суки, а потом пересеклась глазами с Алево, и тот снова едва заметно покачал головой, предостерегая от проявлений гнева. Но потом я оказалась окружена полным вниманием деспота, как плотным облаком. Эта немного шокирующая манера все время касаться хоть кончиками пальцев, хоть бедром под столом и отслеживание каждого моего движения будто создавали зону покоя внутри. Вдруг стало абсолютно наплевать на все, способное тревожить и раздражать. Какое мне дело до тех, кто хочет этого мужчину, пока он хочет только меня? А с Алево у меня еще будет возможность поговорить и высказать все, что думаю.

После завтрака мы с Грегордианом вышли из замка и направились через большую площадь к той стороне оранжевой скалы, что круто обрывалась в море. И, к моему неудовольствию, там обнаружилась уходящая вниз лестница. Как всегда, чрезвычайно крутая, и никаких перил или ограничителей. У ее подножья располагалась приличных размеров пристань с более чем десятком кораблей, казавшихся с такой высоты игрушечными. Неподалеку от лестницы

поскрипывало устройство, нечто вроде большой подвесной платформы, на которой грузы поднимали и опускали. Типа аналог местного грузового лифта. Но, само собой, мы пошли по лестнице. Легкий путь же для слабаков!

– Я могу тебя отнести вниз. – Видно, на моем лице слишком отчетливо отразилась «любовь» к особенностям местной архитектуры.

– Я сама. Движение – это жизнь! – Я не стала упоминать, что тупо боюсь, что он оступится со мной, и тогда костей не соберешь. Моих уж точно. Но скажи я такое, засомневавшись в ловкости деспота, и болтаться мне на его плече в ту же секунду сто процентов.

– Ну тогда идем. Бирема снаряжена и ждет нас.

Значит, бирема – все-таки судно, подумала, выдыхая с облегчением, когда мы наконец закончили спуск и шагнули на широкую плоскую палубу. Команда состояла из невысоких коренастых существ с такой обильной растительностью на лице и голове насыщенного красного цвета, что видны оставались одни глаза. У всех ярко-зеленые, словно светящиеся среди этих их естественных зарослей.

– Это ух-эсге, – пояснил деспот, когда рыжики стали дружно кланяться и приветствовать его. – Их ты еще не встречала.

– Сколько всего э-э-э... видов или народов фейри? – спросила, когда он повел меня на носовую часть, где был установлен большой открытый шатер.

Здесь внизу терпкий запах моря был острее, но зато ветер ощущался не так сильно. А вот солнце припекало по-особенному, так, как это бывает только вблизи воды. Сразу захотелось растянуться на палубе и впитывать его всем телом.

– Высших – двадцать два, и нас принято называть расами. Остальных, включая полуразумных зверей, сотни и сотни видов. Одни зовут себя народами, другие вообще никак, ибо говорить не умеют. Мир Богини очень разнообразен, жизни не хватит, чтобы посмотреть хоть по разу на каждое его чудо и создание.

Я с удивлением смотрела на деспота, который говорил о своем мире с искренним воодушевлением и восхищением. Таким, что заставляло всматриваться в каждую окружающую деталь тщательнее, желая увидеть то же, что и он. А я могла так же говорить о том мире, который всегда считала своим? То есть да, я хочу вернуться домой, к тому, что мне привычно, потому что я знаю, как там жить, потому что там я была другим человеком, управляющим своей жизнью, но что кроме этого? Земля – прекрасное место, я это точно знаю, но, положив руку на сердце, могу я сказать, что замечала окружающую красоту на самом деле? Что бы я могла привести в качестве аргументов, если бы убеждала, к примеру, уйти со мной в мир Младших и там остаться? Хотя зачем об этом думать? Такой ситуации просто не случится никогда.

– Чьей жизни – твоей или моей? – Вопрос сорвался раньше, чем подумала, и Грегордиан сразу помрачнел.

– Тебе лучше лечь и поспать, – указал он на ворох подушек и покрывал под пологом шатра, и тон его был совсем таким, как раньше – раздраженным и властным. – Все интересное начнется ближе к закату.

На палубе кроме нас расположились еще около десятка асраи. К ним Грегордиан и пошел, когда я уселась на подушки. А я еще какое-то время сидела и смотрела ему в спину, пока деспот о чем-то беседовал со своими воинами, и злилась. На себя. За иррациональное чувство вины. Разве справедливо, что я его испытываю? Разве у меня нет права задавать вопросы, непосредственно касающиеся моей жизни? Но вскоре мерное покачивание и плеск волн вкупе с изнурительной прошлой ночью убаюкали меня. А когда через какое-то время я завертелась во сне, то ощутила рядом огромное тело Грегордиана. Вдохнула его запах и просто поддалась потребности, обхватила насколько смогла его грудную клетку, утыкаясь в бок носом. Грегордиан пару секунд лежал неподвижно, а потом, вздохнув, будто с чем-то смиряясь, перетащил меня на себя.

– Вставай, Эдна, а то все пропустишь! – Проснувшись в этот раз, я уже ощущала прилив сил и поэтому поднялась почти мгновенно. С удовольствием потянулась, слегка кайфуя от того, что нигде в теле даже крошечных очагов боли не ощущалось.

Грегордиан стоял у борта, на фоне клонящегося к закату светила, и смотрел вниз за борт. Подошла к нему и только хотела взглянуть, что же там интересного, как из воды мне навстречу стало подниматься нечто гигантское и до дрожи пугающее. Завизжав от неожиданности, резко отшатнулась и плюхнулась на задницу. А над бортом появилась рогатая змеиная голова размером с малолитражку и уставилась на меня, фокусируя провал зрачка больше человеческой головы.

– Господи, что это за хрень? – чуть не икая от страха, выдавила я.

– Радужный змей, Эдна. Чего ты испугалась, я же здесь, – в голосе Грегордиана слышалось веселье, но ко мне он не поворачивался, пристально глядя на чудище и будто удерживая его этим. – Никто не причинит тебе вреда, пока я рядом.

В самом деле? Я перевела взгляд с деспота на полосатого змея, прикидывая разницу в живой массе, и сочла за благо оставить свое мнение при себе, потому как скандалить и сорить откровениями, пока за нами наблюдает это... глупо, в общем. А еще я не сочла нужным упоминать обо всем, что со мной уже успело случиться, когда он был неподалеку. И все, конечно, не из соображений чуткости к тонкой и ранимой натуре деспота, а просто тишины для. Черт его знает, что может сработать командой «фас» для морской скотинки, длина которой теряется в морских глубинах. С другой стороны, если размышлять над словами деспота, наверное, настоящим вредом тут считается нечто необратимое, вроде смерти, учитывая, что все раны заживают как по волшебству и без следа, а значит, со мной действительно ничего фатального не случилось. Да и змей оставался на месте, разглядывая меня и все на палубе то одним, то другим здоровенным глазом, и нападать явно не собирался. Не сразу, но, справившись со своим страхом, я все же поднялась снова и подошла к борту, встав так близко к деспоту, как только смогла притиснуться. И будто дожидаясь именно этого, Грегордиан издал мелодичный свистящий звук, и змей, дернув рогатой головой, подался вперед, обнюхивая меня, пока у меня, кажется, и сердце биться перестало, а потом просто бесшумно ушел под воду. А я даже не стала заморачиваться, чтобы скрыть облегченный вздох. И что? Я не пылаю любовью к зверям размером с пассажирский поезд. Давайте, забейте меня за это камнями!

– Разве он не прекрасен, Эдна? – почти счастливо улыбаясь, спросил Грегордиан.

Вот и как тут сказать, чтобы не обидеть нервного деспота?

– Он был... большой, – пробормотала я. – И рогатый.

Ну да, а остальных деталей я и не заметила. Спроси меня, какого цвета шкура была у чудовища или был ли гребень, или что-то еще, я не смогла бы сказать. Потому как было очень страшно.

– Он просто великолепен! – фыркнул Грегордиан, явно не удовлетворенный степенью моей реакции. – Чистая мощь и безграничная сила, которой я могу с легкостью повелевать. А еще он теперь навсегда запомнит твой запах и будет приходить на твой мысленный зов.

Ну да, а я прямо жду не дождусь, как бы увидиться с этим страшилищем снова. В этот раз я смогла вовремя прикусить своевольный язык и не задать очередного неудобного вопроса. Типа «только то, что тебе подчиняется, признается великолепным?» или «именно подчинение делает любое существо достойным твоего восхищения?» А то я не догадываюсь об ответах. Или получи я их во всей неприглядности, это как-то поможет мне освободиться от влияния Грегордиана? Нет! Так что заткнись, Аня!

– А теперь смотри! – скомандовал мужчина, кивая на темную воду.

С минуту пялилась, куда сказали, но ничего не происходило, и тогда я стала наблюдать за солнцем, стремительно исчезающим за горизонтом. В сети, наверное, миллионы фотографий морских закатов, но никакое фото не способно передать все нюансы цвета, трепета, вечного

движения, все эти всполохи на волнах, а еще ощущение тоски, что непонятно почему стиснула грудь. Как будто прощаешься со светилом навечно.

– Ты не туда смотришь! – рыкнул деспот и повелительно обхватил мой затылок, заставляя снова опустить глаза. И в этот момент солнце окончательно исчезло, и его призрачный свет на горизонте стал быстро гаснуть.

Темнота наступила почти неожиданно и была насыщенной и непроглядной, потому как луна не спешила появляться. Я уже едва не спросила Грегордиана, какого же черта мы пьемся в никуда, как увидела это. Сияние, идущее со дна. Оно нарастало с поразительной быстротой, демонстрируя кристальную прозрачность всей толщи воды, из-за которой стало казаться, что наше судно парит в невесомости. Эффект был настолько правдоподобным и мощным, что я невольно впиалась в борт, боясь, что первый же порыв ветра закрутит и понесет здоровенный корабль, как сухой невесомый лист.

– Еще не все! – с ноткой торжества от моей столь явной реакции сказал деспот.

И вот появились огромные черные тени. Они поднимались с глубины постепенно, становясь все больше и узнаваемей. Десятки рогатых змеев крутились под днищем и вокруг судна, переплетались и скользили друг по другу, будто исполняли некий чувственный танец. И я поняла, почему их называют радужными. В тот момент, когда их тела соприкасались, по гладкой коже волной прокатывались волны свечения, точно как в радуге. Начиная с ярко-красного и заканчивая глубоким фиолетовым, от ноздрей до кончика широкого хвоста. И да, стоило признать, что они были великолепны, вот только у меня не получалось проникнуться красотой момента, потому что чем ближе змеи подплывали к биреме, тем тревожнее мне становилось. Словно в воздухе стало стремительно накапливаться грозное электричество. Когда первый змей поднялся к поверхности, окружив кольцом корабль, заставляя выглядеть его, как скорлупку, голова моя закружилась, желудок сжался, и стало трудно дышать. Я оглянулась. Никто не проявлял ни малейшего беспокойства, асрай и команда тоже наблюдали за кружением огромных тварей, и, похоже, я одна находилась на грани истерики от близости такого количества чудовищ. Нужно было взять себя в руки, в конце концов. Нужно-нужно-нужно... Мгновение, когда все началось, я пропустила и только услышала многоголосый шокированный вскрик. Скользяще-ласкающие движения змеев стали вдруг дерганными, рваными, и вокруг одного из них стремительно расплзлось красное пятно.

– Боже, что... – только и успела вскрикнуть, как началось какое-то дикое сумасшествие. Животные принялись нападать и рвать друг друга, сплетаясь теперь в смертельных объятьях и врезаясь в днище корабля. При первом же ударе я едва не вылетела за борт, туда, где крови было уже больше, чем самой воды, но Грегордиан схватил меня и повалил на палубу, плотно к ней прижимая. Нас хаотично зашвыряло из стороны в сторону, я стукнулась затылком обо что-то, и в голове поплыло. Древесина стонала и жутко трещала, кто-то истошно вопил, а деспот, не обращая ни на что внимания, подтащил совершенно ошалевшую меня к мачте и быстро и тщательно привязал там. Потом вскочил, подбежал к борту и просто выпрыгнул в воду. Прямо в это дикое месиво бьющихся насмерть чудовищ. Я кричала... Нет, я орала так, как никогда в жизни, выпутываясь из проклятых веревок. И даже не поняла сразу, что ад, царящий вокруг, постепенно стал сходиться на нет. И когда, переломав все ногти, наконец развязала сложные узлы и рванулась посмотреть, уже восстановилась просто мертвая тишина и неподвижность.

– Грегордиан! – наклонившись, я, как идиотка, орала в кровавую воду, надсаживая и так болезненное горло. – Грегордиан! Вернись сейчас же, деспот ты проклятуций! Вернись или я тебя сама убью!

– Стоит попытаться прямо сейчас, Эдна, – неожиданно прохрипел он за моей спиной, и я резко развернулась. – В другое время прикончить меня будет не так просто.

В ужасе зажала рот, глядя на деспота, медленно ковылявшего ко мне и оставлявшего темный след на палубе. Господи, да он уж вполне тянул на покойника с таким количеством

ран, добивать точно не придется. Ноги и руки затряслись, а к горлу подступила тошнота. Никто не мог выглядеть так и оставаться еще живым!

– Боже мой, что же делать?! – Не помню в жизни большего отчаянья и ощущения бессилия.

– Ничего. Мне нужен только сон, – Грегордиан просто повалился на доски и повелительно хлопнул по ним относительно здоровой ладонь. – Будь рядом! Все время!

Да он и при смерти оставался властным засранцем! Едва я послушалась, усевшись рядом, он схватил меня за лодыжку и просто отключился. Не стала освобождаться, чтобы не беспокоить его. Лишь попросила выживших членов команды и не вылетевших за борт асраи собрать остатки покрывал и подушек и кое-как устроить деспота поудобнее. А потом я еще долгие часы сидела и смотрела на него, запрещая себе плакать и задаваясь вопросом, в своем ли он уме. Как он мог хотеть, чтобы я полюбила ТАКОЙ мир? Никогда никакие красоты не перевесят его безумной непредсказуемой жестокости.

Глава 13

Грегордиан резко открыл глаза, ощутив, как все вокруг вздрогнуло. Плоское днище биремы с тихим скрежещущим звуком коснулось отмели. Его пальцы по-прежнему цепко обхватывали лодыжку Эдны, приковывая женщину к нему. Она так и уснула, сидя над ним в неудобной позе, растрепанная и перемазанная его засохшей кровью. Разжав руку, деспот шевельнулся, проверяя, насколько далеко зашло восстановление его тела. Боль вспыхнула практически в каждой мышце, но совсем не она была главной проблемой. Ощущение поражения – вот что было по-настоящему нестерпимо. От него, а не от боли в сломанных и срастающихся ребрах он в первый момент после пробуждения просто не мог вдохнуть. Невыносимо, абсолютно неприемлемо. Он отложил все дела, чтобы устроить для Эдны этот проклятый «романтический тур», как его, зубоскаля, окрестил Алево. Блиц-путешествие по самым красивым ближайшим местам его пределов, примерное, по меркам женщин из мира Младших, поведение Грегордиана, много секса и обстановка, в которой Эдна не будет ощущать себя пленницей, – вот, по мнению его друга и помощника, идеальный рецепт для того, чтобы «добить» любое внутреннее сопротивление женщины, влюбить ее в себя и в их мир и заставить умирать от желания остаться навечно с ним. И даже не просто желать остаться, а решить за это бороться. А никакая магия и законы природы их мира не могли устоять перед действительно неистовым сопротивлением личности, подкрепленной сильными эмоциями. Ведь, как ни крути, их Богиня была женщиной, а значит, некая степень склонности к сентиментальной чуши ей присуща. Опять же – слова его хитрого асраи. Деспот не слишком верил в силу чувств, считая все эти рассуждения Алево разведением пафоса ради успокоения и подкрашивания совсем безрадостных перспектив. Для самого же Грегордиана эти семь дней должны были стать отдушиной и возможностью получить максимальное погружение в эту женщину, не отвлекаясь ни на что. Некий последний отсчет, после которого может все сложиться совершенно непредсказуемо. Просто дни покоя и удовольствия в чистом виде, где он сам будет не столько архонтом Грегордианом, сколько просто мужчиной для этой женщины. «Курортный роман» – тоже из определений Алево. Понахватался от людей. А все потому, что Грегордиан с каждым уходящим часом был все меньше уверен, что силы его желания хватит, чтобы произошло некое чудо, и после обряда с душой Эдна осталась бы абсолютно такой, как сейчас. Одинаково приводящей его в бешенство негибимым упрямством и разжигающей его похоть до все сметающего лютого пламени. То сражающейся с ним, наплевав на то, что силы никогда не были и не будут равны, то податливой, обволакивающей, как тягучая изысканная сладость, заставляющей вождельть ее постоянно и не позволяющей пресытиться.

Но чем бы ни должно было стать путешествие за красотами, оно обернулось полным провалом на первом же шагу. И именно это было его первой мыслью, когда он взглянул в лицо спящей, склонившейся к нему Эдне. Она выглядела по-настоящему изможденной, на ресницах сверкали капли осевшего утреннего тумана, словно слезы, брови сдвинуты даже во сне, образовывая несколько похожих на крошечные стрелы морщинок, и деспоту они показались вещественными доказательствами собственного фиаско. А ведь ему первым делом стоило не об этом думать. В его пределах уже второй раз происходит немыслимое, необъяснимое событие, а у него горчит во рту и болит в груди от неудачи с завоеванием женщины, которой, возможно, через несколько дней и в жизни его не будет. На его территории, практически в его доме творилось нечто опасное и угрожающее его власти, неподконтрольное ему, а его для начала бесит прекращение его проклятого секс-тура с Эдной. Во имя Богини, как так вообще вышло, что он с легкостью не только поменял для себя и для всех ее статус с коварного голема до первой фаворитки, официальной возлюбленной, но и готов был еще на всякие глупые поступки вроде этого плаванья? На самом деле, он даже анализировать не хотел и не собирался. Ему

было просто хорошо, когда она рядом, он с ней вроде как освобождался от многолетнего давления внутри, и это случалось не только тогда, когда он содрогался и ревел, кончая с ней, в нее. И так бы было еще долго, если бы проклятые радужные змеи не обезумели и не устроили дикую бойню. Приплывшие из океана самцы змеев напали на живущих постоянно в заливе у Тахейн Глиффа самок. И когда! В ночь Донного света, когда им следовало изнывать в любовной горячке, не замечая ничего вокруг. Грегордиан не мог даже припомнить хоть одного упоминания о том, что самцы радужных вообще нападали на своих самок. Наоборот, они всегда с готовностью уступали им пространство и пищу, практически пресмыкались, выпрашивая право на спаривание. А тут такое. Только собрав всю волю в кулак, он смог привести в чувство нескольких совершенно шокированных, но еще не слишком травмированных на тот момент самок и заставить оказать жесткое сопротивление взбесившимся самцам. Благо женские особи намного крупнее и сильнее, и хоть и с большими потерями, но победа была одержана. Но это не снимало того вопроса, как подобное сумасшествие вообще могло произойти. А также как добиться теперь того, чтобы Эдна начисто забыла об этом инциденте. А он-то, идиот, надеялся, что наблюдение за любовным неистовством змеев станет заразительным для Эдны и настроит ее на ночь необузданного секса на палубе. Не то чтобы он нуждался в помощи морских трахающихся тварей для того, чтобы завести свою женщину так, чтобы она могла думать лишь о том, как быстрее оседлать его член. «Атмосф-е-е-ера, мой архонт! Это так важно и половина успеха!» Ну, он, когда вернется, устроит Алево атмосферу! И почему с того момента, как Эдна пришла в его жизнь, все постоянно выходит из-под контроля и идет не так, как надо и задумывалось? Интересно, этот самый гое, как там его имя, не сможет для него создать какой-нибудь артефакт, который будет стирать из памяти Эдны вот такие моменты, когда он будет все портить или терпеть неудачи? За такое он бы заплатил более чем щедро! Но один нюанс! Этот долбаный артефакт будет ему нужен, только если Эдна еще останется с ним и будет сама собой. Грегордиан, кривясь, попытался подняться.

– Какого черта ты, по-твоему, делаешь? – хриплый со сна голос Эдны был наполнен нотками откровенного угрожающего рычания.

Очевидно, его женщина проснулась не в настроении. Стоило ли удивляться.

– Встаю, чтобы понять, где мы и каков ущерб. – Почему он вообще отчитывается?

Ах, да, он ведь хочет замаять все поскорее и заставить Эдну улыбаться так же сексуально и расслабленно, как все предыдущие сутки. Он, похоже, подсел на эту улыбку, и она ему нужна не меньше, чем контроль над всем вокруг.

– То есть просто позвать кого-то из команды или своих воинов и спросить ты не можешь? – Эдна пронзала его раздраженным взглядом.

– И продемонстрировать им свою уязвимость и неспособность справляться с болью? – Для любой женщины его мира это было бы очевидной и вполне достаточной причиной, но не для нее, судя по гневно-саркастичному фырканью, которое она издала.

– Ты похож на сырую отбивную, думаешь, если встанешь, произведешь на них впечатление нестигаемого терминатора? – Пару секунд у деспота ушло на воспоминание, что такое отбивная и кто этот проклятый эталон мужчины, что она упоминала.

– Если не встану, дам им повод задуматься о неповиновении! – огрызнулся деспот, целеустремленно, хоть и медленно поднимаясь на локтях и едва сдерживаясь, чтобы не заскрипеть зубами.

Эдна резко подалась к нему, слегка сталкивая их лбы и замерев так. Теперь ему, чтобы подняться, придется преодолевать еще и ее сопротивление. Об этом абсолютно однозначно говорил ее горящий упрямством и решимостью взгляд. И неожиданно вместо того, чтобы испытать приступ злости из-за такой ее дерзости, Грегордиан почувствовал, как острая похоть стянула узлом его живот. И это несмотря на то, что он был едва жив и лишился огромного

количества крови, необходимой, чтобы создавать шевеление в тех лохмотьях, что остались от его штанов.

– Лежи на месте! – с очень достоверной злобой зашипела женщина прямо в ему губы, будто собираясь поцеловать, и у деспота в голове поплыло от желания, чтобы она так и сделала. – Или я за себя не ручаюсь!

– И что же ты сделаешь, сердитая женщина? – ухмыльнулся архонт, наслаждаясь тем, что от каждого слова ее агрессивного шепота пульсация в его члене усиливается.

Это особое наслаждение – ощущать, как собственное тело не просто возвращается к жизни, а и настойчиво, и однозначно заявляет об одной из главных и первичных потребностей. Обостренный сексуальный голод после регенерации – это нормально. Обновленная кровь полна свежей энергии и вскипает от нужды излить ее наружу. Но никогда до появления Эдны его плотский голод не возвращался настолько скоро и не был таким свирепым.

– Привяжу тебя к чертовой мачте, как ты меня, и вот тогда это точно будет ударом по твоему гребаному реноме! – Ему даже застонать захотелось от окатившей волны жара.

– Уверена, что справишься? – дразняще фыркнул он.

– Я буду очень стараться! Тем более, думаю, особого сопротивления не будет. – А вот это заставило его мгновенно напрячься.

– Это потому, что считаешь, что я сейчас настолько слаб? – рыкнул он и прикусил нижнюю губу Эдны, наказывая за то, что такая мысль могла даже зародиться в ее голове.

Но она не вняла предупреждению в его голосе и ответила таким же укусом, от которого он едва не вздрогнул от удовольствия.

– Это потому, что ты просто не посмеешь бороться со мной, – все так же еле слышным гневным шепотом продолжила она. – Ты же не хочешь меня покалечить, ведь так? Так что тебе придется смириться!

Если Эдна продолжит в том же духе, он сорвется. И никакая слабость и раны ее не спасут, когда он окончательно озверевает от похоти.

– Я никогда не смирюсь, Эдна. Но бороться с тобой и правда не стану. Просто завалю на палубу и оттрахаю, чтобы показать тебе, кто главный, и заодно и остальным, что не настолько слаб, каким кажусь!

– Как будто у кого-то в твоём состоянии может встать! – А вот это напрасно она сказала. Грегордиан схватил ее руку и прижал к своей эрекции.

– Помнишь, я тебе сказал, что на тебя у меня всегда стоит? Никакие взбесившиеся радужные змеи этого изменить не в силах! Продолжай препираться со мной, и я стану тверже камня совсем скоро.

Глаза Эдны распахнулись, и если она что и хотела возразить, то слова застряли на полпути. Она явно старалась сохранить боевой настрой, но его запрещенный прием, как принято говорить в мире Младших, сбил ее с мысли. Однако она оправилась быстрее некуда и прищурила глаза, явно что-то задумав.

– Правильно ли я понимаю, что начини мы сейчас трахаться, как долбанные кролики, это убедит всех окружающих в том, что ты оправился, и бодаться с тобой не стоит и помышлять? – наклонившись к его уху, спросила женщина едва слышно, делая вид, что облизывает его, но, едва деспот кивнул, вскочила на ноги и тут же скривилась.

– Бедные мои шея и задница! – пробормотала она, хватаясь за больные места, и в этот момент стыд нанес сокрушительный удар по либидо Грегордиана. Она просидела здесь рядом с ним всю проклятую ночь. На жестких досках палубы, в неудобной позе, не шевелясь, чтобы не потревожить его исцеляющий сон. Кто из женщин, которых он знал всю прежнюю жизнь, стал бы делать так? И главное – зачем? Всем же известно, что если восстановление возможно – оно произойдет, независимо ни от чьего присутствия или отсутствия рядом, а если эта битва проиграна, то нет смысла тратить время и терпеть дискомфорт ради потерпевшего поражение

в борьбе за жизнь мужчины. Грегордиан вдруг отчетливо вспомнил лицо Эдны вчера, перед тем как отключиться. Она была в ужасе, самом настоящем, граничащем с полным отчаянием от того, как он выглядел. Но не покинула, не ушла от него ни на шаг, будто ее присутствие и прикосновение должно было дать ему больше сил. Бессмысленно, если подумать, но отчего тогда мысль об этом разливается каким-то непривычным глубоким и объемным теплом, не имеющим ничего общего с возбуждением? И что же он? Вместо того чтобы поинтересоваться ее состоянием, если уж не причинами такого поведения, он позволил себе завестись и думать только о том, как заставить ее взобраться на него как можно скорее. М-да, очевидно, роль примерного романтика ему не дается. Но, в конце концов, это ведь сама Эдна будит в нем неконтролируемое вожделение каждой упрямо-дразнящей гримасой и словом возражения, так за что ему чувствовать себя виноватым?

– Господа... э-э-э... Мораны асраи и ух-эсге! – прерывая его мысли, громко сказала Эдна, хлопая в ладоши над головой и привлекая все внимание к себе. – Мы с вашим архонтом в силу моей застенчивости нуждаемся в некотором уединении. Поэтому наш всеми горячо любимый архонт Грегордиан велел вам сойти на берег и выяснить, куда нас прибило, осмотреть повреждения биремы и возможность ее дальнейшего плавания.

От ее самоуверенного, буквально повелительного тона замерли в изумлении не только его выжившие асраи, но и сам деспот. А еще он не сумел сдержать ухмылки. Напрасно он корил себя за озабоченность. Эдна хочет использовать его для секса не меньше его самого, и вот подтверждение.

– Эдна, ух-эсге почти никогда не сходят на берег! – едва слышно сказал Грегордиан, но получил в ответ нахальный, «не мои проблемы» взгляд, от которого вдруг захотелось рассмеяться, а по телу прокатилась волна предвкушения.

– Так как наши... м-м-м... дела могут затянуться из-за ненасытности и неутомимости архонта, то первые несколько часов вам следует заняться разведыванием источников пресной воды и свежей пищи в некотором отдалении! – И она сделала нетерпеливый жест, предлагающий всем убраться как можно скорее.

– Почему приказ отдаешь ты, а не архонт? – Видно, кто-то из асраи справился с первым удивлением.

– Потому что это ведь моя проблема с нелюбовью к публичным сексуальным играм, мне ее и решать. Для него это ничего не значащие мелочи! И советую поторопиться, потому как отвлекать нас сейчас будет чревато травмами для вас, – абсолютно не изменившись в лице, ответила Эдна и скользнула ему на колени, будто секс – это и правда единственное, что ее занимало сейчас. При этом она зависла в считанных миллиметрах над ним, создавая иллюзию полного контакта, но нигде не прижимаясь к нему.

– Но на биреме сохранилась часть запасов воды и пищи! – неуверенно возразил еще кто-то – увидеть, кто Грегордиан не мог, потому что Эдна полностью перекрыла ему обзор, впрочем, как и остальным это мешало нормально разглядеть его.

– Вот и оставьте их нам и отправляйтесь куда сказали! – уже откровенно демонстрируя раздражение женщины, отвлекаемой от самого главного, огрызнулась она.

Асраи покинули палубу молча, ух-эсге с тихим ропотом и почти причитая. Они действительно терпеть не могли сходить на сушу. Когда плеск воды от шагающих по мелководью окончательно стих, Грегордиан, хищно ухмыльнувшись, попытался обхватить уже почти полностью исцелившейся рукой задницу Эдны и прижать посильнее, но она моментально соскочила с него.

– Ты правда сошел с ума, если думаешь о сексе в таком состоянии! – топнула она ногой, хмурясь так сильно, как никогда прежде.

– Ты определенно собиралась им заняться, когда выгоняла всех с биремы! – указал ей Грегордиан на очевидное.

– Я собиралась осмотреть и хотя бы обмыть твои раны! – возразила Эдна. – А так как оказание какой-либо помощи тут считается чем-то едва ли не зазорным, то сделать это собиралась без свидетелей, дабы не задевать твое эго.

– Дело не в оказании помощи, Эдна, а в проявлении слабости. К тому же любое врачевание ран бессмысленно. Они или заживают, или нет. Мои полностью исцелятся к завтрашнему утру. – Разочарование разозлило его, и он уже почти готов был сказать что-то грубое, но все же ему удалось сдержаться, хоть и не без труда. – Так что, может, не будешь тратить время понапрасну и все же заберешься на меня? Секс – прекрасное болеутоляющее средство! К тому же ты тоже чрезвычайно нуждаешься в том, чтобы снять напряжение. Я же вижу.

– Я чрезвычайно рада, что как раз зрение твое не пострадало, Грегордиан. А вот со слухом, видно, не так хорошо. Я тебе повторю, если не расслышал. Никакого секса, пока ты не в состоянии ходить! Плюс ко всему мы оба грязные и в засохшей крови. Так что единственное, чем я могу быть полезна тебе прямо сейчас – это отыскать воду и еду!

Да к проклятым созданиям воду и еду! Почему она никогда не может просто делать то, что он приказывает?

– То есть для того, чтобы снова трахнуть тебя, мне нужно стоять на своих ногах и ванна для обоих? – буквально пыхтя от сдерживаемого гнева, Грегордиан не мог не ощущать, что отдых ему сейчас крайне необходим. Слабость и боль в каждой мышце практически наступали на горло, но не вслух же ему это признавать!

– Чтобы я согласилась хотя бы подумать о твоём члене, ты должен быть здоров! – отрезала невыносимая женщина, вызывая у него желание подчинить и выиграть в этом споре любой ценой, но продолжила гораздо мягче, будто плеснув воды на его огонь: – Грегордиан, если сон так хорошо лечит, то ложись и снова спи. Прошу тебя, пожалуйста! К тому времени, как вернутся твои распрекрасные подданные, ты уже сможешь изображать из себя стойкого оловянного солдатика без особого риска, что от неосторожного движения раны откроются!

– Предлагаешь заснуть и оставить тебя без присмотра? – От ее «пожалуйста» мускулы деспота будто расслабились сами собой.

– Куда мне, по-твоему, идти в вашем чокнутом мире, не рискуя быть сожранной на каждом шагу? – вздохнула Эдна, усаживаясь рядом с ним и нежно проводя ладонью по ежику его волос, аккуратно избегая болезненных мест. Сотни женщин касались его по-разному, но никогда эти прикосновения не несли такого умиротворения, как сейчас. Как же он в этот момент понимал своего зверя, что льнул всегда к ее рукам так, словно они были всем, в чем он нуждался в жизни.

– Позволить тебе нести караул, женщина? Охранять меня? – фыркнул Грегордиан, тогда как его веки стали просто неподъемными.

– Я всего лишь предлагаю тебе набраться сил, чтобы ты мог защищать меня, как и прежде. Пока никакие опасности не маячат на горизонте, ты можешь расслабиться! – Эдна продолжала поглаживать его голову, лицо и шею, превращая его в настоящую размазню. Причем безумно довольную в эту секунду размазню. – Как ты ни ужасен, Грегордиан, другого защитника я не хочу.

А может, и не так плохо, что Эдну так пугает мир Богини? Может, и напрасно его желание заставить ее полюбить его и приспособиться? Если только в нем она будет видеть остров безопасности, то никогда в будущем ему не придется переживать, что она захочет его покинуть? Вот только тогда ему что-то нужно сделать со своим характером, чтобы не пугать ее впредь вспышками гнева или грубостью. Ведь когда-то он мог быть другим. Мог. Зачем сейчас об этом думать? Им бы эту неделю пережить.

– Когда я проснусь, ты должна быть рядом. Я сразу же найду тебе проклятую ванну и дойду до нее на своих ногах, слышишь, Эдна?

– Спи, Грегориан! – потерлась она носом о его висок, и его потрескавшиеся губы разползлись сами собой.

– Эдна! Если услышишь кого-то или что-то, все равно что – будишь меня! – отдал он приказ.

– Вас поняла, командир. Спи!

Грегориан почти отключился, но вынырнул на секунду из забытья.

– Эдна?

– Ну что еще? – раздраженно выдохнула женщина в его кожу, а значит, лежала совсем рядом с ним. Пусть так и остается. Всегда.

– Я могу быть самым ужасным во всех мирах, но никогда не позволю тебе покинуть меня. Как бы там ни сложилось, я найду способ пойти за тобой и вернуть обратно такой же, как была! Даже если на это годы уйдут! Слышишь?

– Грегориан, я ни черта не понимаю, что ты имеешь в виду! Поэтому просто кончай нести чушь и спи!

Пусть не понимает. Он дал обещание. Себе.

Глава 14

Когда Грегордиан прекратил, наконец, то и дело вскидываться, настороженно озираться и бормотать что-то про то, что никуда мне от него не деться, я еще какое-то время сидела, всматриваясь в его резкие черты, которые сейчас еще больше обострились. Даже представить не могу, как можно без жалоб и современных обезболивающих терпеть такие повреждения, что были у него. Я даже не решалась разглядывать их сейчас, при свете дня, мой совершенно пустой желудок начинал судорожно сжиматься, норовя просто вывернуться наизнанку. А ведь это уже деспот твердо встал на путь выздоровления. А еще меня почему-то коробило от собственных слов о том, что не хочу другого защитника. То есть прямо сейчас я так и думала, но это не означало, что ничего не поменяется в любой момент. В любом случае я не солгала, лишь не уточнила. Если выбирать между Грегордианом и неизвестностью, я предпочту его, и это нормально. И говорить о том, что я плачу своим телом за безопасность и роскошную жизнь, не приходилось. Мое желание к Грегордиану как к любовнику ничуть не меньше, чем его ко мне. И в этом смысле я могу сказать, что в какой-то мере везучая. Учитывая, какие прекрасные, хотя бы внешне, женские особи его окружают, это какая-то удача, что именно ко мне приковано все его внимание. И так как моя новая философия – ловить момент и получать от него удовольствие, то грузить себя размышлениями и прогнозами на далекое будущее я не буду. Потому что я не чертова провидица, и... и... ради бога! Достаточно посмотреть вокруг, чтобы понять, что единственный план и главная установка на каждый божий день тут – не сдохнуть от чего бы то ни было! Тратить силы и время на рефлекссию, учитывая, что каждую минуту может произойти какая-то дикая хрень вроде вчерашней и не иметь на этот раз благополучного исхода, абсолютно непрактично и утомительно.

Время шло, солнце припекало, и кожа, особенно в тех местах, где она была перепачкана кровью, стала чесаться. Соорудив над головой деспота нечто вроде маленькой палатки, закрывающей его от прямых лучей, я решила осмотреться. Но потом пришло на ум, что Грегордиан не зря мог беспокоиться по поводу наших спутников и их мнения о себе. А значит, вставать и мельтешить, как блоха на лысине, будет неумно. Поэтому, бубня себе под нос ругательства, я поползла на четвереньках вдоль борта и начала осторожно из-за него выглядывать. Идиотизм, в самом деле. Не играла ты, Аня, в детстве в шпионов, вот карма тебя за это и наказывает. Все надо делать в жизни вовремя. Первое, что обнаружила, – вся древесина с внутренней стороны борта была покрыта сплошным слоем тончайшей резьбы. Кто-то потратил не укладывающееся у меня в голове количество времени и сил на то, чтобы вырезать все эти крошечные значки и символы, а я вчера даже не заметила этого. Ну что же, в ползание есть свои плюсы – невольно становишься внимательней к деталям. Провалились они, если честно. Береговая линия здесь была практически как с рекламной картинки о сказочном тропическом острове: прибой, широкий пляж и чуть поодаль полоска сочно-зеленых джунглей. Вот только благостно-романтической атмосферы я как-то не ощутила, особенно заметив метрах в ста дальше громадный труп выброшенного на берег змея и какое-то смутное движение в зарослях. Похоже, за биремой все же наблюдали, вот только для того, чтобы защитить или уличить нас с деспотом во лжи – не понятно. Проверять я точно не собиралась и просто отправилась так же ползком на поиски всего нужного. То есть воды, оружия и чего-то, чтобы заставить умолкнуть ворчащий зверюгой желудок. Мягкие кожаные емкости с водой и съестные припасы нашлись у мачты, видимо, уходя, наша команда все-таки выполнила мою нахальную просьбу и оставила все необходимое. А вот с оружием оказалась напряженка. Единственный найденный мною острый предмет напоминал здоровенный гарпун и весил, наверное, тонну. Мне едва удалось дотащить его до лежища деспота и устроить рядом с остальной моей добычей. Не уверена, что как-то смогла бы сколь-нибудь ловко управляться с этим огромным копьем, но всегда можно использовать

его как дубину. По крайней мере, теперь я ощутила себя в призрачной безопасности и могла перейти к насущному.

Намочив край одного из покрывал, стала оттирать кожу от кровавых потеков, морщась от того, как быстро ткань становится мерзко-бурой.

– Еще пару раз так уделаться в крови, и можно снова имя менять. На какую-нибудь долбаную Батори! – тихонько бурчала, заканчивая, когда услышала странный звук, который явно приближался. Мягкий свист и тихий хлопок. Еще и еще, повторяющиеся с равными промежутками. Испуганно заозиравшись, заметила на фоне яркого неба одинокий крылатый силуэт и, вскочив, подняла свое единственное оружие. Посмотрела на Грегордиана, думая, стоит ли его будить. Ведь этот летун был один и мог не представлять опасности, и, может, я могу его отпугнуть и сама. Спустя пару минут крылатая фигура зависла прямо над биремой, и я узнала Ерина. Он опустился на палубу и быстро зашлепал босыми ногами в нашу сторону, выглядя обрадованно и совершенно безопасно. Но, знаете что? Похоже, у меня уже паранойя.

– Остановись! – угрожающе рыкнула я и наклонила свое копьё в его сторону. – Не приближайся больше!

– Ты сошла с ума, странная женщина? – изумился парнишка, абсолютно на первый взгляд достоверно. – Это же я, Ерин!

– А это я, Анна, очень приятно, но стой, где стоишь! – чувствовала себя по-дурацки, но ведь всегда лучше перебдеть.

– Ты не можешь приказывать мне! – нахально фыркнул мальчишка и попытался меня обойти.

Да как бы не так, мелочь ты нежно-голубая!

– А я чертовски уверена, что могу, пока у меня в руках эта острая хрень! – прищурилась я в ответ, отслеживая его движение.

– Ты медленная, и мне ничего не стоит отнять у тебя гез! – дерзко заявил он.

– Попробуй и посмотришь, как я превращу тебя в бабочку на булавке! – Вот ведь статусные танцы ни о чем!

Ерин, кажется, завис, а потом его губы задергались в попытке скрыть улыбку.

– Почему мы вообще спорим? Я пришел на помощь! – шагнул он чуть ближе. – Скажи мне, где все и насколько сильно ранен наш архонт?

Может, и стоило сказать как есть, но откуда мне знать, что правда не будет прямой росписью под декларацией собственного бессилия и приговором тому же спящему Грегордиану.

– А Родину тебе по дешевке не продать? – огрызнулась я. – Расположение воинов и состояние архонта – секретная информация, между прочим!

– Эдна! – раздалось хриплое рычание Грегордиана за моей спиной, и я дернулась от неожиданности и от того, что мое единственное оружие бесцеремонно выдернули из моей хватки. – Я же приказал тебе будить меня, если хоть кто-то появится!

Грегордиан по-прежнему выглядел ужасно, но уже вполне уверенно стоял на ногах, опираясь на мое копьё, как на палку, и смотрел на меня с сердитым упреком. Я закусила губу в ожидании, что Ерин сейчас же наябедничает и все станет только хуже.

– Прости, мой архонт, это моя вина! – вместо этого затараторил синий парень. – Я опустился бесшумно и так неожиданно, что твоя прекрасная фаворитка не успела среагировать.

Вот ведь хвастливый маленький проныра! Да я его черт знает откуда услышала!

– Вот, значит, как? А я вот совершенно уверен, что слышал разговор. Ну это не важно. Ерин, тебе следует полететь дальше к Поющим скалам. – Грегордиан с легкостью поднял тяжеленное копьё и указал наконечником в нужном направлении. – Передай остальным фоетам мой приказ явиться сюда с носилками для меня и моей фаворитки. Нам нужно срочно вернуться в Тахейн Глифф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.